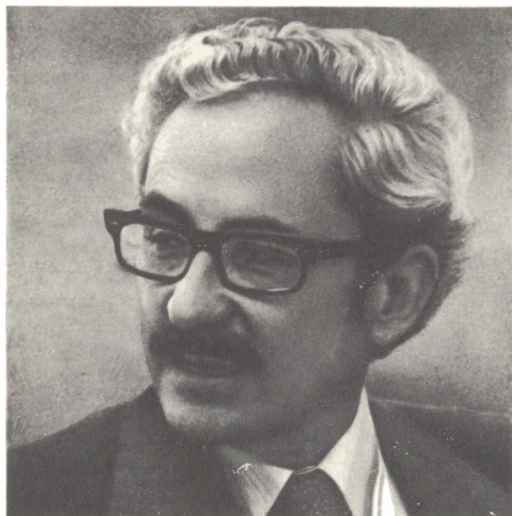

32 и
К26
БИБЛ. ТЕЧКА

АПН

РОЛАНДО КАРРАСКО

**«ВОЕННО-
ПЛЕННЫЕ»
В ЧИЛИ**

РОЛАНДО КАРРАСКО МОЙЯ (родился в 1929 году в г. Сантьяго, Чили) в своей журналистской деятельности совмещает работу в прессе и на радио. На родине сотрудничал с различными газетами, журналами и радиостанциями. В момент фашистского переворота руководил радиостанцией Единого профсоюзного центра трудящихся Чили им. Луиса Рекабаррена. В качестве корреспондента газеты «Эль Сигло», органа Компартии Чили (ныне запрещенной хунтой), работал в Праге и Москве. 11 сентября 1973 г. был схвачен хунтой и провел в общей сложности два года в застенках министерства обороны, затем полка Бунн, стадиона «Чили», Национального стадиона, концлагерей «Чакабуко» в Антофагасте, «Мелинка» и «Ритоке» в Аконкагуа и Вальпарайсо и «Трес Аламосе» в Сантьяго. Заключение для Роландо Карраско закончилось высылкой из Чили. В сентябре 1976 г. Международная организация журналистов на своем VIII съезде, состоявшемся в Хельсинки, наградила Роландо Карраско Золотой медалью Юлиуса Фучика.

РОЛАНДО КАРРАСКО

**«ВОЕННОПЛЕННЫЕ»
В ЧИЛИ**

**Издательство Агентства печати Новости
Москва, 1977**

Роландо Карраско был арестован в день переворота вместе с женой, Анитой Мирло. В момент ареста он находился на своем посту директора радиостанции Единого профсоюзного центра трудящихся Чили, носящей имя Луиса Эмилио Рекабаррена. Отсюда он был отправлен в застенки министерства обороны, затем стадиона «Чили», Национального стадиона и позднее — Трес Аламос, Пучункави, Ритоке и снова Трес Аламос. На протяжении двух лет, вплоть до изгнания из Чили, его перевозили из одного концлагеря в другой.*

То, что довелось ему увидеть, пережить и выстрадать, исчерпывающе изложено в этом репортаже — большой разоблачительной силы свидетельстве автора против фашизма в Чили.

В объективном повествовании Роландо Карраско низости и зверству фашизма постоянно противопоставляет достоинство и стойкость его жертв.

С поражающей силой автор описывает жестокость и садизм потерявших человеческий облик приспешников Пиночета. Заключение систематически подвергаются издевательствам, унижениям и оскорблениям. По прибытии в концлагерь Чакабуко их принуждают раздеться донага, на предмет обыска «с головы до заднего прохода»; в концлагере Пучункави в ночь на Святую пятницу 1975 года — канун пасхи — их зверски избивают во время специально инсценированной боевой тревоги; в концлагере Ритоке их рвут полицейские собаки, натравливаемые псами в униформе.

Большинство из них — жертвы невообразимых пыток. Они мочатся кровью, у них распухшие половые органы — следствие особенно изощренных побоев, на пальцах ног, там, где когда-то были ногти, — язвы; постоянной болью напоминают о себе вывихнутые руки. На них немало страшных отметин — «запекившиеся

* Луис Эмилио Рекабаррен (1876—1924 гг.) — видный деятель рабочего движения Чили. Один из основателей и руководителей Социалистической рабочей партии Чили (осн. в 1912 г.), которая с 1922 года стала называться Коммунистической. (Прим. ред.)

следы от загашенных о спину сигарет, темно-лиловые шрамы от ожогов расплавленным воском, занозы под ногтями на пальцах рук».

Страдания, причиняемые пытками и нескончаемыми издевательствами, боль унижений и тоска от разлуки с близкими, судьба которых неизвестна, могут довести до сумасшествия, до отчаяния, заставить решиться на все. Но тех, кто не выстоял, можно пересчитать по пальцам. Мы не склонили головы, говорит Карраско, хотя нам приходилось опускать глаза. Ведь в них наши мучители могли прочесть вызов и непокорность, поэтому не исключался выстрел в затылок, смерть без борьбы. Да и силы были слишком неравны. И узники сохраняли выдержку, понимая, во имя чего стоит жить.

Нас, руководителей Народного единства, всегда держали в изоляции — в отдельных секторах концлагерей. Так было на острове Досон, в концлагерях Ритоке и Трес Аламос. Но сведения о том, что заключенные неизменно сохраняют революционный дух, доходили до нас по разным каналам: в результате тайных контактов, подпольных посланий, через разговоры между родственниками или просто через песни, страстная сила которых проникала в наши души.

Тысячи чилийцев, которые прошли через концлагеря или продолжают томиться в застенках фашистской хунты, обретают еще более твердую убежденность в справедливости дела нашего народа, еще большую решимость и волю к борьбе.

Напротив, солдаты, унтер-офицеры и даже офицеры вооруженных сил и корпуса карабинеров, вынужденные выполнять презренную роль палачей народа, опустошили свою душу. Им впрыснули яд антикоммунизма и ненависти к Народному единству, и они действуют как элементы разложившиеся, с жестокостью и разнузданной яростью. И все же большинство из них начинают прозревать в результате контактов с заключенными. Они видят благородство, человечность и патриотизм революционеров, объединяющее этих людей чувство братства. Их заставляют также прозреть губительные результаты экономической и социальной политики фашистской хунты. Поэтому Пиночет опирается в большей мере, чем на вооруженные силы Чили, на свое гестапо: зловещую ДИНА. И то, что сейчас эта организация переименована в Национальный информационный центр, не меняет ее сути.

В Чили ныне противостоят друг другу и противоборствуют два разных мира: народ и его угнетатели. И возможна лишь одна развязка этой борьбы: победа тех, кто составляет большинство, кто обладает разумом и твердым моральным духом. Ибо «это поражение — не более как один из уроков истории, который мы

должны усвоить, чтобы мощь нашего следующего натиска никогда не позволила впредь топтать наш народ...»

В прошлом сценарист, диктор пражского радио и позднее — корреспондент газеты «Эль Сигло» в Москве, автор «Военнопленных» в Чили» — человек простой и скромный. И, конечно же, очень мужественный человек.

Эта книга ставит его в один ряд с лучшими борцами за антифашистское дело чилийского народа, показывает как блестящего повествователя.

Исключительная по достоверности, отточенности стиля, по силе описанной в ней драмы, она станет ценным вкладом в грядущую победу чилийского народа над силами тьмы.

Москва, 1977 год.

«...правительство Альенде допустило незаконные, грубо поправ основные права на свободу слова и свободу образования, право на собственность и вообще право на достойное и обеспеченное существование».

**Приказ номер 5 Высокой Правящей Хунты,
Чили, 11 сентября 1973 г.**

«...на протяжении более ста лет независимости моя страна была примером гражданственности, не терпела диктатур, ей были чужды расизм и тоталитаризм. Ее сугубо аполитичные профессиональные вооруженные силы служат примером всему миру. Этой традицией гордимся все мы, носящие военную форму».

Из речи вице-адмирала дона Исмаэля Уэрты, министра иностранных дел Чили, на Генеральной Ассамблее ООН 9 октября 1973 г.

ОДИННАДЦАТОЕ СЕНТЯБРЯ

Одиннадцатое сентября 1973 года.

8 часов 10 минут утра.

Радиостанции левых сил передают обращение президента Альенде из дворца Ла Монеда:

«Мятеж на флоте. Вальпараисо отрезан. Положение в остальной части страны находится под контролем законного правительства».

Около девяти часов утра мне удалось добраться до студии Радиостанции имени Рекабаррена, помещавшейся на тринадцатом этаже здания министерства труда, на углу улиц Уэрфанос и Театинос.

В центре города нарастало смятение. Конторские служащие, с побледневшими лицами, торопливо покидают служебные помещения, на ходу застегивая пиджаки. Карабинеры несут охрану президентского дворца, в то время как их танкетки патрулируют прилегающие к дворцу улицы, площадь Конституции и площадь Булнэс.

По проспекту Булнэс, с южной окраины, двигаются пехотные войска, перекрывая доступ в центр транспорту и пешеходам.

Я свернул с улицы, ведущей к Ла Монеде, решив сначала зайти на радиостудию. «Пойду туда позднее,— подумал я,— Ла Монеда всего в двух кварталах от нас».

На радио я застал всех сотрудников. Ночная смена ожидала распоряжений, утренняя смена находилась на своих рабочих местах: у контрольных пультов, в дикторских кабинах, в помещениях для редакторского состава, у аппаратов прослушивания. Всего — двадцать человек.

Поступавшие сообщения свидетельствовали об обострении ситуации. Представители вооруженных сил и карабинеров, объявившие себя правящей хунтой, предъявили ультиматум президенту Альенде. Он должен немедленно отречься от власти. В противном случае его свергнут. Ему предоставляется возможность покинуть Чили. Для него приготовлен самолет.

В эфире остались лишь три левые радиостанции: «Магальянес», ИЭМ (Института музыкального образования Чилийского университета) и мы — радиостанция КУТ* имени Рекабаррена. Оставшиеся левые радиостанции несколько минут тому назад подверглись обстрелу и прекратили передачи.

Звонок по внутреннему телефону:

— Товарищи, нас бомбят. Разрушена радиомачта. Что делать?

— Продолжайте вести передачи. Мы перезвоним вам. К вам сейчас выйдет утренняя смена.

Срочное совещание.

— Положение серьезное. Трудно сказать, что произойдет дальше. Желающие могут уйти. Еще есть время. Остается лишь руководство.

— Мы остаемся все.

— Так. Репортеры пойдут к зданиям КУТ, партии Народного единства, министерства обороны, к Ла Монеде. Анна, ты — единственная женщина среди нас, иди домой.

— Я остаюсь с вами.

Умолкла радиостанция ИЭМ. В эфире — «Магальянес» и мы. Несколько раз повторяем призыв КУТ: «Оставаться на рабочих местах». В промежутках передаем гимн КУТ:

«Дорогая подруга,
рабочий класс
идет к победе.
И в тот день,
когда меня не станет,
мое место займешь ты».

Телефонный звонок на контрольном пульте:

— Переходите на диапазон радиостанций «Агрикультура» и «Минерия»! Ведите трансляцию передач хунты или замолчите! Это — приказ!

— Идите в ж... вместе с хунтой!

Наш отдел прессы дает сводку событий.

— Танкетки карабинеров покидают Ла Монеду. Карабины, что во дворце, продолжают держаться. По проспекту Аламеда подходят танки. Пехота движется по улицам Уэрфанос от холма Санта-Люсия и по Театинос от станции Мапочо. Альенде выступает по радио «Магальянес». Телефоны в президентском дворце не отвечают. Посланный нами человек не дает о себе знать. На площади Конституции собрались трудящиеся, они требуют оружия.

Звонок с радиостанции:

* Единый профсоюзный центр трудящихся Чили. (Прим. ред.).

— Самолеты возвращаются. Что делать с аварийной аппаратурой?

— Оставьте ее включенной и уходите. К вам вышла смена. Вокруг — стрельба.

С тринадцатого этажа нам виден дворец Ла Монеда. Двери и окна по-прежнему закрыты. На флагштоке развевается флаг: президент во дворце. Там не собираются сдаваться. Телефонную трубку никто не берет.

В соседнем здании, где помещается Институт музыкального образования Чилийского университета и в боковой части — редакция газеты «Меркурио» раздаются выстрелы. На улицу летит битое стекло.

По-прежнему молчат самые мощные левые радиостанции «Корпорасион» и «Порталес». Но «Магальянес» еще держится. У нее большой радиус действия. Повторно звучит речь Альенде, которую мы слышали неполностью. Каким-то чудом держимся в эфире.

15 сентября мы должны были запустить новую аппаратуру. Она могла вещать на всю страну. Вчера техники закончили монтаж и подключили питание. Поэтому мы отключили старое оборудование от центральной радиомачты и временно установили импровизированную 25-метровую антенну. С помощью этой слабой временной антенны мы и вели передачи. Истребители-бомбардировщики с первого же захода сбили центральную радиомачту. Они выполнили задание, не зная, что их настоящая цель — всего в 60 метрах от разбомбленной. Сейчас радиус действия нашей радиостанции ограничен, нас могут слышать только в столице, да и то с трудом.

Но лучше хоть что-нибудь, чем ничего.

Продолжают поступать сообщения:

— Танки окружают Ла Монеду. Так же, как это было 29 июня. Хочется верить, что, как и тогда, законность восторжествует.

Сыплются разбитые стекла из окон нашего здания. Опускаем металлические жалюзи. В центре — сплошная стрельба. Там, внизу, солдаты обстреливают президентский дворец.

Звонит один из наших репортеров.

— Не могу вернуться. Центр оцеплен. Вы в окружении. Полно военных. Идет стрельба. Они приказали здесь всем покинуть помещения, будут бомбить Ла Монеду. Я видел убитых. Еще позвоню. Удачи вам, товарищи!

Еще звонок, от одного из техников:

— Я застрял на Сан-Диего. Все улицы перекрыты, на машине не проехать. Они разгоняют людей пальбой. Попытаюсь добраться до вас пешком. Буду звонить. Удачи всем!

«Магальянес» все еще в эфире. Передачу вел Равест, сейчас говорит другой диктор — Сепульведа.

Радиостанции хунты передают приказы. Повторяют угрозы. Будет введен комендантский час. Всем запрещено приближаться к центру. Гремят военные марши.

— Мы будем вести передачи до тех пор, пока сможем,— говорит наш диктор.

Мы смогли вести их недолго. Сбили нашу запасную антенну. Внутренний телефон радиостанции не отвечает.

На ультракоротких волнах мы сможем работать, пока есть питание. А электричество в здании еще не отключено.

Радиус действия нашей радиостанции, и без того небольшой, становится еще меньше. Работаем на небольшом передатчике.

Толчок. Взрыв внизу. Впечатление такое, будто входная дверь подорвана динамитом. Летят выбитые стекла. Выкрики команд. Грохот. Над проспектом Аламеда дым от пальбы. Прижимаясь к стенам домов, по улицам Уэрфанос и Театинос продолжают прибывать солдаты в оранжевых нагрудниках. От пулеметной очереди вдребезги разлетаются окна в помещении контрольного пульта. Стекланные брызги засыпают аппаратуру. В нас стреляют откуда-то с крыши поблизости. Садимся на корточки. Молчим. Да мы и не услышали бы друг друга. Грохот гуляет по крыше, стенам, дверям. Один из операторов бросается в дикторскую и тащит оттуда стойку с микрофоном. «Надо его сберечь»,— говорит он. Мы молча наблюдаем за его бессмысленными усилиями. Сыплется штукатурка. Мы затаились в помещении контрольного пульта. Некоторые сидят на полу, прислонясь спиной к дверям лифтов. Вылетают окна в канцелярии. Пронгрователь, передающий в эфир мелодию гимна КУТ, замедляет движение. Голоса густеют и растягиваются:

«И в тот день, когда по-о-ги-и-бну-у я...»

Все смолкает. Теперь слышны только выстрелы. И взрывы. Раскаты орудийного обстрела. Пулеметные очереди. Не шевелясь, мы смотрим друг на друга. И начинаем понимать нависшую опасность. Внизу содрогается земля. Дымится танкетка с открытыми люками, брошенная карабинерами на углу Театинос и Катедрала. Улица Уэрфанос опустела. На площади Конституции ни души. Что стало с людьми, которые толпились там всего лишь несколько минут назад? Похоже, что огонь сосредоточен на углу нашего дома. Транзисторный приемник, оставленный включенным в отделе прессы, изрыгает приказы и угрозы. Доносятся команды, после которых будут бомбить Ла Монеду.

Пытаемся поймать радиостанцию «Магальянес». Безуспешно. Эфир забит передачами хунты. У нас на тринадцатом этаже почти не осталось целых окон. Нас продолжают обстреливать с соседних крыш. Звонит один из телефонов, в беспорядке стоящих на полу около нас. Женский голос:

— Почему прекратили передачи? Что случилось?

— Скоро снова выйдем в эфир. Не волнуйтесь.

— Желаю удачи!

Пытаемся связаться с кем-либо по телефону, но безуспешно. На первом этаже прекратилась стрельба.

— Надо уходить,— предлагает один из наших товарищей.— Попробуем спуститься по лестнице.

Он медленно идет вниз. Исчезает в лестничных пролетах. Мы ждем его возвращения или знака, что путь свободен.

— Эй, ребята! — раздается его голос в гулкой пустоте.— Спускайтесь!

Еще один из нас, осторожно ступая, идет вниз. Оттуда тянет запахом пороха. Доносится голос:

— Чего вы там ждете? Смелее! Здесь никого нет!

Начинаем спуск втроем: Анна — посередине. Движемся осторожно, стараясь не наступать на битые стекла и облетевшую штукатурку. На площадке двенадцатого этажа никого нет. Уже позади безлюдные коридоры одиннадцатого этажа. По-видимому, все давно покинули здание, остались только мы, сотрудники радио. Десятый этаж. Алюминиевые перила запорошены пылью. Наши руки оставляют на них блестящие следы. Девятый этаж — пусто. Немного успокоившись, ускоряем спуск. На восьмом этаже на нас бросаются солдаты, прижимая винтовками к стене.

— Руки на затылок! Вниз! Живо!

Медленно и молча по лестнице поднимаются в два ряда солдаты в оранжевых нагрудниках, в касках с опущенными ремешками. У некоторых лица измазаны сажей. Потом разит на расстроянии. Мы, чувствуя дула винтовок у спины, механически движемся вниз и проходим между ними. А по обеим сторонам лестницы, рядом с нами, все продолжает виться вверх цепь стальных касок. Почти рысью спускаемся на первый этаж.

Лицом к стеклянной стене, упираясь в нее раскинутыми в стороны руками и расставив ноги, стоят люди, среди них — два наших товарища, которые спустились первыми.

Первый этаж напоминает витрину, откуда смотрят на улицу более сотни человек, схваченных солдатами. Сотрудники министерства труда, министр, его заместители, начальники управлений, заведующие хозяйственными отделами, лифтеры, комендант здания, шоферы, юрисконсульты. Нас обыскивают с ног до головы, спрашивая, есть ли оружие, и ставят среди других лицом к стене. Анну вталкивают в небольшое помещение и запирают там вместе с другими женщинами.

Она успела сказать, взглянув на меня:

— Мы проиграли. Они расстреляют нас. Не падай духом! Я не боюсь!

Она старалась улыбнуться мне, хотя лицо ее побелело, как полотно.

Нам виден перекресток улиц Уэрфанос и Театинос: ни машин, ни людей. Из-за колоннады появляется солдат. Остановившись в начале улицы, он выпускает автоматную очередь в сторону Ла Монеда. В него тоже стреляют, и он отступает, отстреливаясь. Другие солдаты выжидают, притаившись за колоннами. Улучив момент, они высовываются из укрытия, стреляют и снова прячутся. Целятся в неплотно закрытые окна домов. В луже крови лежат лицом вверх трое убитых в штатском. Нарастает гул моторов: на небольшой высоте проносятся самолеты. Под нашими руками дрожат стекла, в которые мы упираемся. Сотрясается все здание. Нас оглушает близкий разрыв бомбы, ее свист продолжает звенеть в ушах.

— Бомбят, черт побери! Пусть все летит к дьяволу! И вы, шуры, в первую очередь! Изжарить живьем сучье отродье из Ла Монеда! Разнести в куски этот свиарник! Началось, наконец-то!

Солдаты, сторожившие нас, выкрикивают нечто подобное, не скупясь на выражения. Они издеваются над нами. Пинают. Воят во всю глотку. Жестикуют. Те, что на улице, стоят, прижавшись к ограде, другие залегли на обочине. Снова налет. Свист бомб. Взрыв. Выкрик у нас за спиной:

— Стройся-я-я!

Поворачиваем головы, не отрывая рук от стены.

— Руки на затылок! Вниз по лестнице! Живо! Руки на затылок! Вниз по лестнице! Живо!..

Натыкаясь друг на друга, кое-как выстраиваемся в неровный ряд и начинаем спускаться в подвальное помещение. Бежим по узкому проходу между двумя рядами солдат. Минуем бетонированный коридор. Снова спуск по лестнице. Еще коридор. Наконец, дверь в помещение, куда нас всех загоняют.

— Сесть на пол, руки на затылок!

Нас пересчитывают. Сто сорок два.

Здесь тихо, слабое освещение. Под потолком две неоновые трубки. В глубине помещения у нас за спиной — груда старой мебели. Тут едва заметны толчки от разрывов бомб.

Металлическая дверь оставлена открытой. Через нее наблюдают за нами, держа наготове автоматы.

— Запрещено двигаться, разговаривать и курить!

Полдень. Теперь действительно мы изолированы от мира. Мы не знаем, что происходит. Здесь нет даже щели, сквозь которую можно было бы выглянуть на улицу.

Белые стены. Охрана у выхода. Мы молча сидим на полу, руки — на затылке.

Приглушенно доносятся раскаты взрывов: бомбят Ла Монеда. Эхо от выстрелов разносится по подземным коридорам. Там, снаружи, события, должно быть, нарастают. Вещает только ра-

дио хунты. Трудящиеся выжидают у себя на заводах. Чего они ждут? Задержавшие нас солдаты преисполнены злобы. Они не просто повинуются, они нас ненавидят. Удастся военным свергнуть правительство? Заставить Альенде отречься? Когда совсем недавно мы покидали тринадцатый этаж, президентский флаг гордо реял среди ключев синего дыма. Дворцовая охрана способна продержаться довольно долго. В течение времени, необходимого для... Для чего? Войска оцепили здание Центрального Комитета Компартии, расположенное в квартале от нас, подвергли его обстрелу. Мы видели это с тринадцатого этажа. Как там сейчас?

В дверях появляется офицер. Мундир — без каких-либо знаков отличия. За поясом — пистолет, в правой руке — автомат. Он говорит солдатам из охраны, указывая на нас.

— Запрещено передвигаться и разговаривать, разрешается курить.

И уходит.

Шаря по карманам в поисках сигарет и спичек, мы наощупь проверяем их содержимое, находим бумажки с адресами и именами, скатываем их в шарики, незаметно кладем в рот, даем размокнуть и проглатываем.

Двое военных волокут по коридору парня в кожаной куртке. Он — без сознания. Его швыряют перед нами, на каменные плиты. Он стонет и судорожно дергается. Открывает глаза и просит пить. Они переворачивают его на живот. Один садится ему на поясницу, хватая за волосы, оттягивает голову назад и бьет о каменные плиты. Еще и еще... Лицо несчастного залито кровью, изо рта течет слюна. Другой с размаху пинает его в бок. Оба бросают на нас настороженные взгляды. Охрана у двери также не спускает с нас глаз.

— Теперь сбеги, попробуй, подонок!

Они уходят, когда парень затихает, лежа на полу вниз лицом, с раскинутыми в стороны руками, как распятый.

Чирканье спичек настораживает часовых. Они наставляют на нас дула винтовок.

Лежащий на полу человек медленно поворачивает голову, с трудом приподнимает ее, открывает рот, пытается что-то сказать, но изо рта вырываются лишь стоны, вместе с густой зеленоватой слизью. Напрягшись, он с усилием подтягивает руки туда, где его голова бессильно лежит в скользкой луже. Нащупывая что-то, начинает сгребать пальцами вязкую массу, окрашенную кровью. Открыв помутневшие глаза, он шепчет едва слышно:

— Адреса, адреса...

Набрав пригоршню слизи, он втягивает ее и пытается прогло-

тить, но бессильно роняет голову и затихает. Темные волосы прилипли к кровавым ссадинам на лбу.

Опять слышны отдаленные взрывы, и мы чувствуем, как слегка вздрагивают стены подвала. Продолжается методический обстрел.

Среди охранников выделяется один: молодой, высокий, сухощавый. Тщательно подстриженные усики, каска набекрень. На нем нет знаков отличия. Невозможно определить, в каком полку он служит, какой имеет чин. Он держится высокомерно, но это не может скрыть его страха, который выдают круги под глазами и еле заметное подергивание губ. Он так же бледен, как и мы.

Отстранив охранников, входит коренастый военный.

— У кого из вас ключи? Позапирали все, сволочи! Если не отдадите, вышибим двери и вы за это заплатите!

Старик в синей засаленной спецовке трясет связкой ключей.

— Давай их сюда!

Военный уходит, громко топая сапогами и позвякивая ключами.

Какая-то возня у входа. В помещение быстро входит группа военных и останавливается по обеим сторонам двери. Это уже не молодые солдаты. Теперь на нас направлено гораздо больше дул. Похоже, что эти пришли полюбоваться на трофей, которые наша охрана демонстрирует, вытянувшись по стойке «смирно». Один из пришедших, вооруженный только пистолетом, размахивает им и кричит осипшим голосом:

— Все меня слышат? Понимают все?.. Я говорю ясно?.. Так. Кубинцам встать и построиться с этой стороны. Русским — с той. Русские — туда, кубинцы — сюда!

Мы моргаем в растерянности. Молчим и не двигаемся.

— Вы что, не расслышали или не поняли? Почему этот человек валяется на полу? Он ранен или мертв? А, так его уже смотрел фельдшер. И нашел, что он в порядке. Перенесите его в этот угол. Растолкайте его, пусть уберет за собой эту пачкотню! Русские и кубинцы, встать! Ах вы, недоноски! Ну ладно! Только знайте, педерасты! Нам известно все. Мы хорошо вас знаем... Личность каждого из вас установлена. Благодарите бога, что вы еще живы, а надо бы всех вас расстрелять... Вы — снайперы, застрелившие здесь, на углу, наших солдат, и дорого заплатите за это. А еще дороже вам обойдется попытка скрыть чужеземных сообщников. Эй ты, встать!

Парень со светлыми волосами, на которого он указал пистолетом, встает.

— Ты чилиец? Где родился?

— Чилиец... Из Талки.

— Ты кубинец! — кричит он, показывая на одного из нас.

— Нет, сеньор, я из Темуко.

— Первого же, кто шелохнется, уничтожить! — приказывает он, убирая пистолет. Затем медленно поворачивается и уходит. За ним следует его свита.

В тот же вечер к нам поместили новую группу задержанных. Установив их личность и отвесив очередную порцию ударов, им разрешили сесть на пол рядом с нами. Как и мы, они сидят молча и неподвижно. Появление новой партии задержанных, их стоны под ударами прикладов, все это помешало нам заметить, когда прекратился обстрел, и мы не сразу обратили внимание на вдруг наступившую тишину. Те, кого посадили к нам, и солдаты, сменившие охрану у двери, пришли насквозь промокшими: вода текла с них ручьями. Когда начался дождь? Когда прекратился обстрел? Что означает эта тишина? Президентский дворец окружен?

Ответ на эти и другие вопросы станет ясен нам спустя несколько часов, когда нас поведут по разрушенному Сантьяго, когда будут допрашивать в министерстве обороны.

А сейчас тишина помогает нам восстановить в памяти последнее обращение Альенде к народу, которое передавала радиостанция «Магальянес»: «...Я верю в Чили и в судьбу нашей страны. Другие чилийцы переживут этот мрачный и горький час, когда к власти рвется предательство».

«СНАЙПЕРЫ»

У нас свело мышцы ног, влажная одежда прилипла к телу, под глазами — темные круги, язык горит от непрерывного курения. После восьми часов неподвижного сидения нам приказывают встать, построиться вдоль стены и положить руки на затылок. Всю шеренгу связывают одной веревкой за запястья. Подбородком я упираюсь в спину стоящего впереди, а на мою спину давит лицо того, кто стоит за мной. Связанные таким образом, мы еле движемся вперед, несмотря на толчки охраны. Будто нанизанные на веревку, поднимаемся по лестнице, нащупывая ногами ступеньки. Нас подгоняют прикладами и криками.

— Вот такими мы хотели вас видеть! Вам всем пришел конец! А ну — шевелись, подонки!

От толчка дулом винтовки я теряю равновесие, но удерживаюсь на ногах, вернее, повисаю на веревке. Узел еще больше затягивается, кисти рук немеют, содранная кожа саднит. Идущий сзади больно наступает мне на щиколотки. Я чувствую кислый запах его прерывистого дыхания. Восстановив равновесие, принаравливаюсь идти в ногу с тем, кто впереди. То же самое старается делать следующий за мной. Изодранные щиколотки заставляют нас ступать с предельной осторожностью. Добираемся до первого этажа. Нас выводят на улицу и выстраивают в колонну по три.

Блестит влажная мостовая. Под ногами искрится битое стекло. На перекрестке улиц Уэрфанос и Театинос, где нас пересчитывают, настоящий военный лагерь, едва освещенный несколькими фонарями от сети, принадлежащей муниципалитету. С грузовиков прыгают солдаты и окружают нас, взяв винтовки наперевес. Девятый час, вечер. Свежо, как на рассвете. Окна домов закрыты, ни в одном не горит свет. Висят, покосившись, неоновые вывески. Слышны одиночные выстрелы. Наша колонна стоит посреди проезжей части улицы. У кромки тротуара, по обе стороны от нас, стоят подразделения пехоты. Нам приказывают двигаться вперед после краткого предисловия:

— Идти серединой улицы! Если кто-либо попытается бежать — перебьем всех.

Нелепая угроза: связанные таким образом, мы едва можем передвигаться. Тем более бежать.

Немало времени уходит на то, чтобы пройти один квартал до Моранде. Там мы сворачиваем направо. Колонна людей медленно течет в потемках. Минуем еще один квартал. Угол улицы Агустинас. С этой стороны площади Конституции, чуть повернув голову, мы видим дворец Ла Монеда.

Из окон дворца валит дым, вихрится, сливается с вьющимся над крышей и уносится ввысь. Языки пламени, скрытые изразненными стенами, подсвечивают дым снизу, придавая ему кровавый оттенок. Пожарные машины извергают фонтаны воды. Пожарники с полотенцами на шее машут руками, стоя на лестницах.

Их удлинённые тени мечутся по площади, где сидящие на короточках солдаты наблюдают это зрелище. Мы бредем среди груд битого камня.

Вот он, символ республиканского строя. Его лижут языки пламени, полосуют водяные струи. Воздух насыщен запахом горелого дерева. От пороха першит в горле.

Всего лишь за неделю до этого здесь было все иначе.

Ярко горели огни, и перед президентским дворцом, озаренным цветной подсветкой, проходили трудящиеся, праздную третью годовщину победы. Строительные рабочие стояли в почетном карауле перед трибуной, на которой находились президент Альенде и его министры.

Да, уже тогда эта бурлящая манифестация, с песнями и маршами, несла в себе тревогу перед лицом назревающего переворота. То были трудные дни, как, впрочем, все три года Народного единства — без покоя и передышки. По центральной части города нескончаемым потоком плыли знамена, манифестанты несли плакаты, призывающие покончить с фашизмом, облик которого зримо ощущался в актах терроризма и подрывных действиях. Многие часы длилось это народное шествие. В нем приняло участие более полумиллиона чилийцев.

...Мы пришли к победе в 1970 году через напряженную, полную драматизма избирательную кампанию, подкрепленную забастовками, захватом земельных участков беднейшими крестьянами, митингами у заводских ворот, стычками с полицией, сопровождавшимися арестами. Надо было охранять здания от нападений вооруженных банд правых; собирать по эскудо деньги, которых едва хватало, чтобы купить бумагу, краску, кисти, нанять транспорт, заплатить радиостанциям за время в эфире, выпустить народные газеты.

22 января 1970 года в нескольких кварталах отсюда сенатор Луис Корвалан заявил на митинге, устроенном Коммунистической партией: «Итак, решение принято». Левые силы, сплоченные

на основе программы, требующей конкретных действий во имя Чили, добились выдвижения кандидатом в президенты Республики доктора Сальвадора Альенде.

В те январские дни Союзом коммунистической молодежи были созданы специальные бригады, состоявшие из рабочих, крестьян и студентов. По всей стране ребята прерывали ночной сон, чтобы до утра — до начала работы или учебы — идти расписывать революционными лозунгами стены. Этим же занимались и другие молодежные группы. Надписями на стенах домов они заявляли о своих позициях, разъясняли причины и цели разворачивающейся борьбы. Бессонные ночи и агитация на протяжении девяти месяцев — таков был их вклад в победу 4 сентября 1970 года.

Цифровые данные о результатах выборов утаивались и стали известны лишь за полночь. Тайные собрания правых, дворцовые интриги, секретные разговоры в казармах, танки на улицах. Такой пришла победа. Окутанная людской нервозностью, напряженностью, Аламеда на все 40 кварталов была запружена манифестантами, полными решимости закрепить успех.

В ночном Сантьяго уже не работал транспорт, и жители столицы шли пешком, чтобы выразить избранному президенту свою поддержку при оглашении результатов голосования, сделанном с балкона здания Студенческой федерации. Как разнится та ночь нашего триумфа от этой ночи нашего поражения.

Тогда — ни одного разбитого стекла. Народные массы наводнили центр столицы. Строгая дисциплина, порядок, бдительность. Над домами рабочих поселков взмывают флаги, и их полыхание простирается до городских центров. А сейчас — горит Ла Мо-неда...

Трудящихся продолжают держать взаперти на заводах, шахтах, на стройках. Другие схвачены и убиты. Мы же, связанные как на галерах, движемся неизвестно куда и для чего... Впрочем, это нетрудно понять.

Автоматная очередь на площади.

— Живей!

Улица Бандера представляет собой темное ущелье с опрокинутыми на стоянках автомобилями, у которых изрешечены ветровые стекла. Разбитые витрины, искореженные, согнутые в сторону проезжей части столбы. Мы спотыкаемся о комья земли и развороченный асфальт. Скользим по липкой кровавой жиже. Неясные, похожие на тюки предметы, лежащие в кювете вперемешку с бумагой и сожженным мусором, которые иногда попадали в поле нашего зрения по пути следования, оказываются трупами в штатском. Колонна грузовиков, с ревом прогромыхавшая на восток, осветила их фарами, а затем снова все погрузилось в темноту.

Перед фасадом министерства обороны солдаты выстраиваются сомкнутыми рядами. Видимо, мы пришли. Нас развязывают. Приказывают рассчитаться по пять. Нам надо пробежать около пятидесяти метров, подняться по ступеням главного входа, и все это — сквозь строй солдат, пересечь вестибюль и броситься животом на каменные плиты пола. Я вижу, как группы по пять человек начинают свой бег и исчезают среди взмахов прикладов и кованых сапог, тычков кулаками в лицо, коленками в пах, под крики и плевки.

Доходит очередь и до меня: «пятый!» — выкрикиваю я, наклоняю голову и бегу, пытаюсь не отстать от номера четвертого ни на шаг. Над строем солдат стоит запах пота. Боли от ударов сначала не чувствую. Они следуют быстрыми, неожиданными толчками — по ушам, в живот, затрудняют бег. От них бросает в жар. Но когда бьют прикладом по спине и по почкам — перехватывает дыхание.

От подножки номер первый кувырком летит на землю. Мы, четверо, падаем на него сверху. Крики нарастают. Раздаются взрывы истерического хохота. Мы барахтаемся, стараясь подняться. Меня хватают за волосы и вытаскивают из кучи тел. Гремят выстрелы. Солдаты винтовками, как вилами, орудут в шевелящемся кусте из рук и ног. Поднялся первый, второй, третий. Тяжело дыша, четвертый номер и я подбегаем к ним.

Там, впереди, где строй немного расширяется, к нам обращены лица, скрытые тенью от касок. Ощущаю на шее холод штыка. Мы вновь бежим вперед под градом ударов, пока не бросаемся, задыхаясь, на пол, прижавшись лицом к каменным плитам. Позади kloкочущий злобой коридор, из которого вслед за нами выскакивают другие — все так же группами по пять. Как и мы, они распластываются на полу.

Пол вестибюля уже устлан телами. Ноги лежащих в первом ряду, который теперь оказывается последним, упираются в стену. Ноги тех, что лежат во втором, — меж головами вбежавших до них. Вскоре мы представляем собою нечто вроде ковра из человеческих тел, по которому ходят солдаты. Их сапоги ступают по рукам, спинам, ногам. Среди нас, покрывших собою примерно сто квадратных метров, возвышается лишь дон Бернардо О'Хиггинс*; его мраморный бюст установлен на пьедестале из гранита, на котором в обрамлении оливковых ветвей высечены слова о свободе.

Лежащий справа от меня парень поворачивает ко мне лицо с глазами навывкат: «Мне холодно!», — говорит он.

* Бернардо О'Хиггинс (1746—1842) — один из руководителей войны за независимость испанских колоний в Америке в 1810—1826 годах. С 1817 по 1823 г. был верховным правителем Чили. Провел ряд прогрессивных социальных реформ.

— Молчать! — гремит окрик. — Не двигаться, не разговаривать.

— Так вот они, снайперы! — слышен другой голос.

Сверху кричит женщина:

— Твари несчастные, убийцы! Кончайте их всех! Дерьмо собачье! Педерасты паршивые! Ублюдки вонючие!

На наши спины падают какие-то предметы.

Женский голос, удаляясь, гложет в верхних коридорах. И начинается допрос.

Нас, наверное, около восьми рядов, из мужчин, распростертых лицом вниз. Я лежу во втором ряду. Те, кто в первом ряду, выходят на допрос по одному. Мы слышим вопросы, ответы, до нас доносятся звуки ударов, крики.

— Ну ты, встать! Бегом — вперед! Руки на стену! Расставить ноги! Партийность?..

Любой ответ их не удовлетворял. Допросы вели тройки из представителей флота, авиации и сухопутных сил. Это были офицеры. Злобные. Коммунистов и социалистов они били уже только за партийную принадлежность. Сразу же брали под сомнение тех, кто заявлял о своем членстве в партии радикалов или партии Народное действие левых (АПИ). Их оставляли для повторного допроса. Но особенно жестоко и долго избивали тех, кто назывался «независимым», стоящим вне партий.

Первый вопрос определял остальные. Нас обвиняли в том, что мы — банда снайперов, схваченных в небоскребах центральной части столицы, виновных в смерти нескольких солдат, что мы располагаем мощным арсеналом. Поэтому усилия допрашивающих сводились к тому, чтобы установить места, откуда велся огонь. Узнать все об используемом оружии и хранении боеприпасов, заставить признаться в том, что мы попадали в цель. Их интересовали имена и адреса «наших сообщников».

Вдоль каждой стены — одна и та же картина: трое военных, избивающие штатского. Со всех сторон доносятся, смешиваясь, вопросы и ответы. Крики боли, слова, складывающиеся в отрицательный ответ, сливаются со стонами и глухими звуками ударов.

— Значит, «независимый», да? Сейчас ты у нас запоешь!

— Так... Тебя доставили сюда по ошибке. Кто попался с тобой?

— Отведите этого цыпленка в подвал!

— Ты не стрелял, хорошо. Дай мне имена тех, кто стрелял.

— Говори адреса.

— Где ты потерял документы? Громче! Не слышу!

— Альенде был педераст. Повтори!

— Если ты не служил в армии, то где научился стрелять? Кто тебя обучил? Кто тебя обучил?!

Одного из допрашиваемых ставят перед лифтом. Нажимают кнопку, половинки двери разъезжаются. Между ними помещаются его ладони. Снова нажимают кнопку. Дверцы сходятся, стискивая пальцы.

В ответ на стоны жертвы следует:

— В подвале еще не то будет! Где вы прячете оружие?

— Сейчас все «независимые»! А кто участвовал в шествиях?

— Дай его мне, он из МАПУ!*

Из кармана брюк молодого человека в синей куртке извлекают нарукавную повязку из толстой материи, на которой две красные буквы: УП**.

— Ешь! Тебе не нравится без соли? Лучше лопай тряпку, пока мы не заставили тебя дерьмом давиться!

Гоготанье.

— Сведите вниз этого трусливого головастика, он в обмороке.

Человек с повязкой во рту корчится: его тошнит.

— Запихивай снова! Ты проглотишь это, пес шелудивый!

Вокруг растрепанные, разбитые в кровь головы.

— Встать!

Меня хватают за ворот пиджака, поднимают и указывают на свободное место у стены, рядом с лифтом. От удара я лечу вперед. Оступаю на ступенях, на которые раньше не обратил внимания.

— Поднять руки, упереться в стену! Расставить ноги!

За моей спиной крутится тройка.

Кажется, первый удар пришелся по почкам. После удара одновременно в оба уха в голове страшно зашумело. Очки упали на пол.

— Это он! — кричит один, что стоит сбоку. — Попался!

Они обыскивают меня. Ищут оружие. Это уже в третий или четвертый раз за десять часов, прошедших с момента ареста. Стоя спиной к тройке, я различаю на стене капельки крови. Они сливаются и медленно скатываются вниз, оставляя за собой след, который, высохнув, темнеет.

— Твое имя, фамилия?

Я называю себя.

— Партийная принадлежность?

— Коммунистическая партия.

Кулак, направленный в лицо, застывает у моего глаза, так и не ударив.

— Так ты коммунист? И тебе не стыдно признаваться в этом?

— Нет.

Кулак снова взлетает, и моя голова откидывается в сторону.

* МАПУ — Движение объединенного народного действия.

** УП — Unidad Popular — Народное единство.

Бьют по шее, спине, ушам. Удар сзади, коленкой между ног. Сжавшись от боли, стискиваю зубы, сжимаю кулаки.

— Кто стрелял из здания радиоцентра?

— Никто. У нас не было оружия.

— Убили двух наших новобранцев. Кто стрелял? Ты? Если нет — скажи кто. Кто?!

Они хорошо знают, что из этого здания никто не стрелял. Будь это так, нас всех перебили бы. Они также пристрелили бы всех нас на месте, если бы нашли оружие на радиостанции после нашего ареста.

— Ты был одним из снайперов. Так?

— Нет, я журналист.

— Из тех, что попались с тобой, кто стрелял? Назови, и мы тут же отправим тебя на машине домой. Не скажешь — просидишь пару месяцев.

Два месяца в заточении!

Один из них хрипит мне в ухо:

— Ну ладно, вам не удалось взять оружие оттуда, где вы его прячете... Скажи мне, где это место? Давай, говори! Ты устал, ты сейчас отправишься к себе домой. Скажи где? Мы отпустим тебя и твоих товарищей с радио — и здесь ничего не было. Так где же? Ты на вид — человек приличный. Как же ты можешь покрывать преступников и подлецов?! Мы сейчас же отправим тебя домой, а?.. — Как и следовало ожидать, заученно-однообразное показное дружелюбие и неожиданная учтивость отрывочных фраз офицера сменились взрывом ярости.

Организм — это инструмент, беззвучный для внешней среды, но внутри он гремит, как барабан, под градом беспорядочных ударов ногами и руками, наносимых тремя высокими представителями наших славных вооруженных сил, послушных уздечке, которую дергает Пиночет. Три офицера, окончившие академию, которым, конечно же, аплодировали на парадах во время национальных празднеств, люди светские, не чурающиеся общества, получившие образование для того, чтобы стоять на страже границ и совершенствоваться в развитии премудростей военной науки, превратились здесь в грубых наемных убийц. Ничтожества в офицерских мундирах, абсолютно безнаказанно измывающиеся над людьми по губительному для отчизны призыву тех, кто выпестовал их по своему образу и подобию. Больно не от ударов, а от сознания того, сколь убоги чувства, заставляющие могучее сердце биться в груди безумцев, охваченных жгучей ненавистью к распластанным ниц, попираемым ногами, возвращенным в состояние, в котором они, по их мнению, и должны пребывать.

Их цель — унижить, лишить мужества. Им удастся вырвать у своих жертв крик боли, стон отчаяния. Но не отречение. Они не могут добиться и того, чтобы их пленники повторяли за ними

хулу в адрес верховного главнокомандующего вооруженными силами, убитого несколько часов тому назад в так называемой операции, которую можно назвать только одним словом: предательство. Они — предатели родины, уверяющие, что знают ее, твердящие, что любят ее и почитают. Презренные предатели!

— Мы тебя расстреляем!

Меня толкают в угол, до которого, как это ни кажется невероятным, мне стоит немало труда добраться. Там стоит человек средних лет. Рубаха его изорвана, лицо — в крови. Он неподвижен, поднятые вверх руки упираются в стену. Я становлюсь рядом и жду. С каким наслаждением я закурил бы! Приводят еще одного. Теперь нас трое. Мы тяжело дышим, как после изнурительного бега.

Альенде убит... А скольких еще убьют? Выходит, конец Народному правительству? Схваченные в сумятице переворота, мы — как части механизма, парализованного в центре. Как отсеченные от срубленного ствола ветви.

Уже полночь. Мы находимся в министерстве обороны более четырех часов.

— Рассчитайсь!

— Первый! — Второй! — Третий! — Четвертый! — Пятый!

Снова группы по пять. Значит — опять коридор смерти.

— Руки на затылок!

Теперь я буду бежать вторым. Не так уж плохо. Хуже всех тому, кто следует пятым. Бедняга, ему придется туго. Куда нас теперь поведут?..

— Нас прикончат,— шепчут те, что стоят за мной.

— Ничего подобного,— отвечает номер третий,— мы всего лишь боксерские груши.

— Бегом... ма-а-арш!

Повторяется уже пережитое. Мы бежим, пригнувшись, сквозь строй, а солдаты подгоняют нас криком и наносят удары. За последние часы таким образом пропущено уже столько людей, что у солдат появились признаки усталости. Удары, хотя и сильные, следуют реже, с меньшим пылом, чем несколько часов тому назад.

Мы пересекаем переулок, и нас останавливают у заднего борта военного грузовика, стоящего у тротуара. Впереди грузовика и позади него — по джипу с солдатами и пулеметами. Мы карабкаемся в машину по одному. Кузов усыпан щебнем и песком. Нас швыряют туда ничком. При этом руки мы должны держать на затылке. Запрещено поворачивать или поднимать голову, разговаривать. Так мы лежим некоторое время. Приводят еще две группы. Их укладывают так же. У заднего борта — солдаты с автоматами, наведенными на нас. Мы отъезжаем в неизвестном направлении.

«ТОТ, КТО НЕ СКАЧЕТ»

Грузовик долго едет по безлюдным улицам. Направление определить невозможно: взгляд упирается в грязные металлические борта. Содранные локти болят все сильнее. Асфальтированная улица, поворот, брусчатая мостовая, снова асфальт. Улица, ярко освещенная неоновыми фонарями. Снова темень. Грузовик притормаживает, медленно въезжает под желтую арку. Видимо, мы прибыли к месту назначения. Куда нас привезли? Грузовик останавливается. Запахло бензинной гарью.

— Выходи!

Мы с трудом поднимаемся и спрыгиваем на землю, почти падая.

— По пять — стройся!

Зажатые с двух сторон охраной, мы бегом направляемся к одноэтажному зданию с навесом. Деревянный настил. Доски грохочут под ногами. Мы продолжаем бег на месте перед открытой дверью, подстегиваемые ударами прикладов и ругательствами.

— Оставьте их здесь, теперь они никуда не денутся!

Снова брань, удары прикладами под ребра, и охрана уходит.

Помещение, куда нас привели, заставлено по периметру скамьями. Нам приказывают сесть. Глазам больно от яркого света неоновых трубок под потолком. Единственное окно закрыто. У входа — несколько военных: капитан в черном берете, смуглый носатый унтер-офицер высокого роста, солдаты. Они с любопытством разглядывают нас.

Вид у нас жалкий. Волосы всклокочены, грязные разодранные рубашки, пиджаки с полуоторванными рукавами и торчащей подкладкой, дыры на брюках, и все это — в крови, в пятнах мочи, перепачкано землей и пылью. В глазах — озлобление, растерянность, гнев и тоска в ожидании того, что нас ждет. В кровоподтеках и синяках распухшие от ударов лица. От нас идет тяжелый дух давно немытого тела.

Вскоре пригнали еще две партии арестованных. В течение двух часов оказались занятыми скамьи, что стояли здесь, и те,

что принесли позднее. Вновь прибывающие садятся на пол, и вот уже все вокруг забито людьми: головы, колени, хриплое дыхание.

— Вы находитесь в полку «Буин». Временно, пока вами не займется военный трибунал. А теперь — всем выйти в коридор и построиться!

Выполняем приказ.

— Здесь сложить ремни, галстуки и шнурки от обуви, а на этот стол — документы. Затем — на место.

— Можно пройти в туалет? — спрашивает кто-то.

— По очереди, и не больше двух.

Поднимая руку, мы выходим справить нужду или напиться. Охранники показывают путь к туалету и ждут у двери.

Почти все мы испытываем одно и то же: страдание от необходимости удовлетворить биологическую потребность. При мочеиспускании боль такая, что, казалось, острые когти разрывают низ живота и выходят вместе с мочой, окрашенной кровью. Будто тончайшие проволоки опутали почки и тянут их книзу с невыносимой, до обморока, болью! Остаток ночи прошел в этих мучительных выходах в туалет, после которых долго не смолкали стоны.

В лучах восходящего солнца еще заметнее стало, как посерели наши лица. За эти два-три часа отдыха от измывательств, проведенные без сна в помещении со спертым воздухом, особенно дало себя знать физическое истощение. От долгого сидения на жестких скамьях и на полу мы чувствовали себя разбитыми, налитое усталостью тело ломило, и даже легкий поворот головы отдавался болью в костях.

Утром нам дали один жидкий кофе. Было сделано несколько экземпляров списков с нашими именами.

— Одна копия остается здесь, в «Буине». В подтверждение того, что все вы доставлены сюда живыми и живыми вас вывезут отсюда.

Около двух часов дня вызвали несколько человек, которым приказали соорудить из досок стол в коридоре. Нам раздали пластмассовые миски, наполненные смесью из фасоли, картошки и мяса, и по куску хлеба на душу. Смуглый унтер-офицер дал добавку четверем наиболее крупным из нас.

Солдаты без оружия, заглядывая через плечи охраны, смотрели на нас и, уходя, тихо о чем-то переговаривались. У нас почти не осталось сигарет, и по молчаливому уговору мы поделили их поровну между шестьюдесятью или восемьюдесятью курильщиками.

Когда для проветривания открыли окно, мы увидели деревья и вдали — склоны гор Сан-Кристобаль. Оттуда донеслось эхо выстрелов. Пролетели вертолеты, и стрельба на какое-то время приблизилась. Потом снова стало слышно пение птиц. Нам дали

список, чтобы мы проверили правильность написания имен. В пять часов вечера нас стали вызывать по очереди. Вдруг относительно спокойствие было нарушено объявлением:

— Вас требует военный трибунал. Вы возвращаетесь в министерство обороны.

Мы уже знали, что это означает. Снова повторится все то, что нам пришлось там пережить прошлой ночью.

Построившись по одному, мы проходили мимо сваленных в кучу галстуков, откуда надо было быстро выхватить свой. То же самое — с брючными ремнями и шнурками. Документы возвращали, выкрикивая фамилии. Потом тем же строем мы были выведены во двор, где нас ждали с уже включенным мотором несколько микроавтобусов и джипы с солдатами.

— Охрана для вашей же безопасности. Вас хотят убить. Но мы этого не допустим.

Входим в автобусы и рассаживаемся. Рядом с водителем и на заднем сиденье — охранники, их винтовки наведены на нас.

Во дворе, развалясь в тени, отдыхают солдаты в оранжевых нагрудниках, без головных уборов. Другие, схватив винтовки и быстро построившись, вскакивают в машины, которые тут же отъезжают. Когда мы трогаемся в путь в сопровождении охраны, солдаты во дворе провожают нас равнодушными взглядами.

Таких же молодых, как они, среди нас немного. Как они ожесточились за последние двадцать четыре часа! Теперь — это люди, которые стреляли в своих близких. И убивали их. Думают ли они об этом? Или о своих семьях, что ждут их в бедняцких кварталах? Нет, не думают. У них в голове еще звучит высокопарное обращение офицеров вчера на рассвете. Призыв к борьбе против некой дьявольской силы, окопавшейся во дворце Ла Монеда, рассеянной по рабочим поселкам, строящей засады в промышленных районах, создающей организации злоумышленников, чтобы перебить офицеров, отцов-хранителей чести трехцветного знамени. А посему — жесткая дисциплина, неукоснительное и быстрое исполнение приказов командиров. Бросаться, не раздумывая, на рабочего, ибо если ты не убьешь первым, будешь убит сам. Родина не забудет тебя. И памятник тебе, высеченный из мрамора, поставят в пантеоне бессмертных, где он вечно будет возвышаться в ореоле немеркнувшей славы.

Или, быть может, они думают о своем очаге в бедняцком квартале?

Машины сворачивают на улицу Реколета. Двухэтажные дома с облупившимся фасадом. На балконах и во дворах сушится белье. Двери и окна закрыты. На некоторых вывешен флаг. Почему? Пустынные улицы вечером в Сантьяго — это трудно себе представить! У дверей домов не видно стульев, где любят посидеть и посудачить соседки. Перекрестки с веселым гомоном дет-

воры... Влюбленные, которые идут, взявшись за руки, и целуются... Не верится, что все это было!

Вега Сентраль. Тучи мух вьются под тентами овощных лавок, ползают по увядшей зелени, со вчерашнего дня оставленной без присмотра на солнце. Вокзал Мапочо. Не видно носильщиков в красных фуражках, толкающих перед собой тележки, груженные чемоданами и корзинами. Не слышно голосов таксистов, любезно приглашающих пассажиров.

Флаги на домах. И дома с закрытыми дверями и окнами. Безлюдные улицы и флаги — трехцветные полотнища, бьющиеся о стены, о водосточные трубы, полошущиеся над развалинами, над смертью, незримо присутствующей на притихших улицах.

И вдруг — огромное скопление людей, шум, гул голосов, движение. Со стороны проспекта Аламеда подъезжаем к стадиону «Чили». Подступы к нему запружены машинами и людьми. Множество солдат в форме пехоты, авиации и флота. Много карабинеров. Но огромное большинство — арестованные.

Выстроенные длинными, тесными рядами, они подпрыгивают на месте. Вся узкая улица перед воротами стадиона и проспект Аламеда на несколько прилегающих к стадиону кварталов как бы расчерчены пульсирующими линиями. Выходим из микроавтобусов с чувством облегчения оттого, что мы оказались на стадионе «Чили», а не в мрачной тиши министерства обороны. Однако ложь тех, кто отправлял нас из «Буина», окажется меньшим злом по сравнению с тем, что нас ожидает.

Едва выйдя из автобуса, мы включаемся в ритм «танца» остальных заключенных. Прыгать надо непрерывно, с руками на затылке. Таков приказ. Подскакивая, мы медленно продвигаемся к главному входу стадиона, подгоняемые охраной, образующей жесткий барьер между прыгающими в разных направлениях рядами. Наш ряд вьется среди колышущегося моря голов, то появляющихся, то исчезающих за штыками. Мы тяжело дышим. Все, кроме военных, радующихся придуманному спектаклю. С крыш домов исчезают последние лучи солнца. Наш «танец» продолжается в наступивших сумерках.

— Тот, кто не скачет,— тот «мумия», не так ли?— выкрикивает офицер.

Злобная издевка военщины. На уличных митингах в зимние месяцы, во время избирательной кампании 1970 года, молодежь, чтобы согреться, начинала прыгать, весело скандируя: «Тот, кто не скачет,— тот «мумия»!

Это праздничное настроение передавалось всем участникам митинга. Кончалось тем, что руководители на трибуне тоже начинали подпрыгивать. На митинге, состоявшемся на Национальном стадионе 4 ноября 1970 года в день вступления Альенде на пост президента, собравшиеся с энтузиазмом приняли вызов мо-

лодежи, и подпрыгивать стали все: в проходах и на трибунах, на футбольном поле и беговых дорожках. На протяжении нескольких минут весь стадион повторял этот клич, подпрыгивая, в такт словам взмахивая сплетенными руками. Это было проявлением живительного молодого задора и решимости подняться над закоснелыми условностями тех, кто потерпел крах на выборах. Предстояло сломить экономическое могущество «мумий» с помощью народных организаций, бурно растущих по всей стране. Это было оптимистическое начало процесса объединения идеалов. Теперь он грубо приостановлен.

Чей извращенный ум породил это надругательство? Как гармонирует это психологическое дополнение с тотальной войной против своего народа! Невелика слава армии, занявшей открытый город. А когда армия оккупирует города своей страны, которые беззащитны потому, что именно ей полагается их защищать, это уже не война, это — варварство и подлость. Как относятся стратеги переворота к делу рук своих? Скорее всего находят, что это великолепно. Так восхищается недоумок, созерцая заблеванную им собственную постель.

Когда какой-либо ряд выдыхается, следуют удары прикладом в спину. Тот, кто не скачет... Волнующаяся масса голов по-прежнему движется в однообразном ритме: прыжки вперед, прыжки назад. Тот, кто не скачет... Стемнело. Дыхание становится прерывистым. Тело покрывается липким потом. Лязганье металла и скрип ремней. Дети в школьной форме — в колоннах пленных. Юноши в военной форме — в колоннах тюремщиков. Золото погон. Под ногами — растоптанные книги.

Перед нами возникает капитан в черном берете. Он из казармы «Буин». Указывая на центральный вход стадиона, он что-то приказывает, но мы не разбираем. Отделившись от двигающейся прыжками хрипящей людской массы, мы устремляемся в указанном направлении. Бегом поднимаемся по лестнице. Вбегаем на стадион. Перед нами — капитан, размахивающий какими-то бумагами. Он указывает нам отведенные места: второй, третий, четвертый, пятый и шестой ряды. Делает переключку. Каждый названный встает, отвечает «здесь» и снова садится. Капитан шелкает каблуками, делает поворот «кругом» и уходит.

Позднее нам придется испытать своего рода чувство благодарности к тому, кто разместил нас в первом ряду нижнего отсека, с правой стороны от того места, где обычно устраивается помост, когда на стадионе даются представления. Капитан спас нас от избиения, которому 12 сентября 1973 года подверглись семь тысяч чилийцев и иностранных граждан при входе на стадион, где им предстояло провести кошмарные дни и ночи, запланированные палачами. Это делалось с целью подавить физически и морально тех, кто потерпел поражение в непримиримой борьбе.

Из второго нижнего отсека стадиона, с другой стороны баскетбольной площадки, широко открытыми глазами на нас смотрят сидящие там люди. Они сидят молча, в напряженных позах. Среди них узнаю знакомые лица. Это — студенты, преподаватели и служащие Государственного технического университета. Около шестисот человек. Вижу двух малышей, прижавшихся с обеих сторон к седовласому отцу, одетому лишь в нижнее белье. Остальная часть стадиона еще пуста. Ее займут те, кто у входа на стадион проходит сейчас тяжелую процедуру приема, которая будет длиться 48 часов.

Им приказывали лечь на пол лицом вниз и положить рядом с собой часы, бумажники, галстуки, документы, деньги, ключи, брючные ремни, карандаши и ручки, записные книжки и кольца, которые затем тут же подбирались и складывались в ящики из-под яблок. Их избивали прикладами, а затем переписывали поименно. После этого приказывали встать лицом к стене, поднять руки и тщательно обыскивали в поисках оружия или записок. И били по половым органам. Затем — снова в шеренгу по одному. Руки на затылок, и бегом марш! На указанные места. Шеренги арестованных растекались пятнами по нижним и верхним рядам, по балконам и трибунам.

А на рассвете следующего дня, в четверг, на поле стадиона пригнали десятки людей в синих спецовках, разутых, которым приказали сесть на землю. Это были наши товарищи, рабочие из типографии «Орисонте», которая до 11 сентября печатала «Эль Сигло», «Пуро Чиле» и другие боевые печатные издания. Их арест означал новый налет на типографию коммунистов и новые репрессии против ее сотрудников.

Среди них я узнал Барриа, босого, без пиджака и без очков, в которых я привык его видеть. Кадровый рабочий и человек обычно немногословный, Барриа уже много лет работал в «Орисонте», освоил все виды типографской работы и обучал этому других, а затем его назначили на ответственную должность ее руководителя. Защемило сердце, когда мы увидели, до какого состояния довели их в казармах полка «Такна».

...В 1957 г. на «Орисонте» совершила налет политическая полиция. Она разгромила типографию, арестовала всех сотрудников, которые были брошены в тюрьму, а затем сосланы в самые суровые районы Чили. Тогда, как и сейчас, их схватили на рассвете, зверски избили и увели, не дав одеться. Они были выпущены на свободу после массового движения протеста трудящихся Чили, на средства которых типография была восстановлена и снова начала работать. Сколько раз громили «Орисонте», сколько раз арестовывали, убивали ее работников!.. И каждый раз она возрождалась к жизни...

Еще раньше в 1948 году во времена тирании президента Гон-

салеса Виделы типография «Орисонте» также стала жертвой разгула олигархии и была закрыта. Ее возглавлял тогда Америк Сорилья, в прошлом типографский рабочий, который стал первым министром финансов в правительстве Народного единства, свергнутого два дня тому назад. Несмотря на то, что в 1948 году типография была печатана, а ее сотрудники заключены в концлагерь Писагуа, патристические газеты благодаря усилиям трудящихся продолжали выходить и распространяться подпольно, содействуя организации и нарастанию борьбы, которая привела к изоляции и падению продажного режима...

И вновь она разгромлена. Снова совершенно чудовищное надругательство над наиболее сознательной частью трудящихся нашей страны! По своей жестокости оно не уступает репрессиям начала века, когда рабочих руководителей причисляли к категории бандитов, а войска и полиция расстреливали их на месте.

Как это ни странно, присутствие на стадионе товарищей из «Орисонте» наполняет нас яростной верой в то, что мы вновь воспрянем, пядь за пядью восстановим все, что завоевано чилийским народом в тяжелой борьбе. Верой в то, что это поражение — не более как один из уроков истории, который мы должны усвоить, чтобы мощь нашего следующего натиска никогда не позволила впредь топтать наш народ.

...Когда в начале века Рекабаррен организовал совместное выступление рабочих и крестьян на севере Чили, они прошли через такие же мучения, каким сейчас подвергают нас. В Пунта-Аренас рабочих согнали в помещение профсоюзов и сожгли заживо. В Антофагасте их погнали в пампу, заставили бежать и расстреливали в спину. В Вальпараисо их сбрасывали в мешках в океан. В Темуко и Колчагуа их привязывали в свинарниках на съедение свиньям. В Икике за один день были зверски убиты несколько тысяч человек. В Ранкиле были расстреляны все крестьяне с семьями, а их дома — сожжены. Эти зверства не принесли желаемых результатов палачам. Так неужели теперь, используя прежние методы, они надеются удержаться у власти, захват которой произошел не без участия Вашингтона...

Рекабаррен! Брошенные в тюрьму, как и ты когда-то, типографские рабочие из «Орисонте», где работал и ты когда-то, вновь обретут свободу с помощью оставшихся в живых.

Наша газета «Эль Сигло» вновь будет выходить, как и прежде, когда печатники встречали рассвет, набирая твои статьи, Рекабаррен, статьи, направлявшие кулак рабочего класса. Эти три года, годы достоинства Чили, останутся уроком и целью. Твоя партия, Рекабаррен, по-прежнему в авангарде. Рабочие-угольщики снова двинутся на Консепсьон. Рабочие селитряных рудников сорвут эмблемы разбойничьей компании «Норс», навязанные им силой оружия. Рабочие медных рудников не одиноки.

Поле засеяно. До социализма, о котором ты писала и любить который ты учила нас, оставался один шаг. И мы этот шаг сделаем...

Весь стадион заполнен до предела. Новые партии арестованных останавливают в проходах у стеклянных дверей главного входа. И вся эта людская масса освещается включенными на полную мощь цветными рефлекторами стадиона. Снующие лучи прожекторов бьют в глаза. Со специальных помостов на нас направлены пулеметы, солдаты охраны также держат нас под прицелом. Мы не спим вторую ночь. Со стороны улицы доносятся выстрелы: так подстегивают оставшихся снаружи, которые вот уже двенадцать часов продолжают адскую пляску «тот, кто не скачет».

«ПРИНЦ»

Блондин с зелеными глазами, высокий, сильный. Круглая, коротко остриженная голова. На нем хорошо подогнанный мундир, в руках гибкий, послушный его воле хлыст. Свой мужественный внешний вид он старается утвердить зычным баритоном. Но когда он прохаживается, высокомерно поглядывая на нас с высоты своего офицерского чина, его бедра так вихляют, что эта мускулистая фигура смахивает скорее на женскую. Когда говорил с нами в первый раз, отвел в сторону микрофон, подключенный к разветвленной сети мощных усилителей стадиона «Чили».

— Вы меня слышите там, внизу?

— Да.

— Вы меня слышите, там наверху?

— Да.

— Вы меня хорошо слышите, в том углу?

— Да.

— Меня слышит чужеземная клоака?

— Да.

— У меня голос принца!

Он был хозяином. Распоряжался приемкой и устройством арестованных. По его приказу целый ряд с одной стороны стадиона перемещался на противоположную, а через четыре часа возвращался обратно. Он часто повторял нам о принятых здесь строгих мерах безопасности и о своей решимости заставить нас неуклонно их соблюдать, демонстрируя беспрекословное повиновение подчиненных ему солдат.

— Пулеметы там, наверху, — пятидесятого калибра. Их пули не пробивают, а рубят. Те четыре на углах — тридцатого калибра. Их очередь тоже можно разрубить человека. Мои люди, как видите, вооружены автоматами и хорошо умеют обращаться с ними. Кроме внутренней охраны есть внешняя. Стадион оцеплен воинскими подразделениями. Не питайте иллюзий насчет вооруженной подмоги извне, ваши друзья будут остановлены да-

леко отсюда. К тому же внутренняя охрана перебьет вас за пару минут. Ясно?..

Откровенно говоря, было неясно. В каком мире жил Принц? Какие такие боевые части придут на стадион «Чили», чтобы освободить пленников? Впоследствии мы поняли — его речь, обращенная будто бы к нам, на самом деле была рассчитана на солдат. Из уст своего командира, говорившего с нами, они слышали именно то, что им втолковывалось ранее. Они идут сражаться с войсками неприятеля, с которыми еще не вошли в соприкосновение. При отступлении противника на «поле боя» остались лежать убитые гражданские лица, в плен были взяты вот эти, что на стадионе. Но столкновение с вражескими войсками неизбежно. Отсюда — принятые меры предосторожности.

Речь Принца длилась долго и прерывалась его отлучками. Потом он снова продолжал говорить, появляясь уже в другом месте, где-нибудь на верхних или на боковых трибунах. Это был один из тех немногих военных, которые стараются не засорять свою речь грубыми словами и оборотами и к тому же говорить гладко, не запинаясь. Тем не менее он был грозен и беспощаден.

— Иноземня клоака, рысью — на выход, строиться по одному!

В своем углу, где их поместили, изолировав от нас, поднимаются арестованные иностранцы, около ста человек. Уже наученные, они становятся в шеренгу, упершись руками в стену и расставив ноги. Принц проходит у них за спиной и со знанием дела бьет хлыстом между ног.

— По местам, бегом!

Он лично участвовал в приемке вновь прибывших.

— Конец профсоюзам, сеньоры, конец беспорядку! Теперь надо работать и производить. Никаких митингов и демонстраций! Иностранцев мы тоже не потерпим у себя в стране. Чужеродный мусор нам не нужен! Пусть пачкают у себя дома! Слышите вы, иноземный сброд?! Чилийская раса благородна и прекрасна. Мы должны очистить нашу кровь от низкосортных примесей, которые вели нас к вырождению. Долой евреев и негров! Да, сеньоры. Мы навеки похороним марксизм и вас, презренных марксистов, запомните это! Я не знаю, что с вами сделают, но пока вы в моих руках, я преподам вам урок, которого вы никогда не забудете!

В подвальных помещениях стадиона «Чили» нет разницы между днем и ночью. Слепящие огни электроосвещения в потолке и на стенах усиливаются вспышками прожекторов, бьющих в измученные бессонницей лица. Лишь отправляясь к уборным, расположенным у главного входа, мы узнавали, что там, снаружи — день или ночь.

Третья бессонная ночь обострила нервное напряжение, независимо от нашей воли взвинченные нервы реагировали на свет

и звуки. Принц говорил и говорил. То он приказывал иностранцам построиться и солдаты шупали их, проверяя достаточно ли распухли после обработки хлыстом их половые органы. То по его команде шестеро солдат разряжали автоматы в потолок. Он выполнял свое обещание дать нам уроки, которые мы никогда не забудем. Еще бы, как нам их не помнить...

Например, этот — в четверг или пятницу. Мужчина в светлом костюме и белой рубашке, сидевший в конце первого ряда, во сне вытянул в проходе ноги. Как раз в это время мимо него проходила шестерка солдат с нацеленными в потолок винтовками. Первый солдат споткнулся и следовавшие за ним остановились. Мужчина проснулся, как от толчка, и застыл, держась за подлокотники сиденья.

— Расквитайся с ним, он запятнал твою честь! — крикнул с другого конца Принц.

Солдат обернулся и ударил арестованного в лицо. Тот, ослепленный кровью, в бешенстве ухватился за винтовку, стараясь ее вырвать. Остальные пять солдат, отступив на несколько шагов, стали полукругом и навели дула на сидевших рядом.

— Пристрелим каждого, кто шевельнется!

Крупнокалиберные пулеметы завертелись на турелях. Люди в центре стадиона медленно опустились на свои места. Все лица обращены в сторону происходящего.

У арестованного, человека лет пятидесяти, с жидкими волосами, кровь хлестала изо рта, но он не отпускал винтовку, стараясь отвести в сторону приклад. Солдат, рванув на себя винтовку, стащил его с сиденья и ударил коленкой в пах. Но человек в штатском, согнувшись со стоном, в отчаянии выбросил руку вперед и попал в челюсть противника. Каска слетела на землю, гремя, как консервная банка. Солдат потерял осанку, теперь его юношески прыщавое лицо, помимо иступления, выражало боль и испуг. Остальные солдаты из группы бросились на человека в штатском и дулами винтовок сбили его с ног.

— Оставьте их один на один! — взревел в нетерпении Принц.

Солдат без каски, весь в крови, пятна которой растеклись по кителю, пнул лежащего в лицо. Светло-синяя тройка штатского еще больше обогрилась кровью. Кровь брызнула в стороны, когда он обхватил ноги солдата, пытаясь повалить его. Но силы оставляли человека в светлом костюме, оглушенного ударами, теперь солдат мог беспрепятственно пустить в ход приклад. Держа винтовку обеими руками, он поднимал и опускал ее с силой, целясь в голову, сдирая с нее кожу, нанося глубокие раны. Над разорванным ухом уже белела черепная кость. Но лежащий не отпускал ноги солдата, и тот быстрее заработал прикладом, вкладывая всю свою силу в удары.

Раздался треск и от приклада полетели щепки. Тело поте-

рвавшего сознание штатского скатилось вниз по ступеням. Солдат ринулся за ним и обрушил то, что осталось от приклада, на голову узника. Винтовка уже была облеплена желтоватой массой, брызнувшей из раскроенного черепа трупа. Закрыв глаза, солдат ударил еще несколько раз. Отбросил остатки винтовки. Зажал ладонями уши и затрясся в истерических рыданиях, глядя на дело рук своих, результат исполненного приказа. Остальные пятеро из группы подхватили его и быстро увели.

У смертвеца на лестнице разжались крепко стиснутые кулаки. Мозолистые ладони были обращены кверху, откуда били лучи прожекторов, все время освещавшие эту сцену.

Девятилетний мальчик был убит намного быстрее и в то же самое время. Вскочив со своего места, он скачками стал подниматься по лестнице, столкнулся с одним из солдат и задел винтовку. Охранник, вдвое выше и шире мальчика, направил ствол ему в грудь и выстрелил — один, два, три раза. Маленькая фигурка застыла на мгновение и стала оседать.

Два трупа в разных местах подтверждали реальность угроз Принца. Их оставили лежать несколько часов на виду у всех, и только после этого появились врачи в белых передниках, чтобы засвидетельствовать смерть. Затем пришли санитары с носилками.

— Тупицы, болваны! Мы не потерпим протестов и неповиновения! Пристрелю каждого за попытку нарушить мой приказ! — кричал Принц. — Вы что, еще не поняли, что теперь вы — никто и ничто?.. Вы находитесь на положении военнопленных. Отбросы! Экскременты! Животные — и те выше вас!

Один из заключенных взобрался на перила, вскинул руки и крикнул: «Да здравствует Президент Аьенде! Долой фашизм!» Затем бросился вниз с десятиметровой высоты. Он расшибся и скончался на руках товарищей. Труп его также много часов оставался неубранным на виду у беспомощных, оцепеневших пленников.

Для пушего устрашения Принц отдал приказ открыть огонь. Стало дымно, с прошито го пулями потолка посыпалась штукатурка. По его приказу мы залегли под сиденьями, а те, кто находился на поле стадиона — бросились на землю ничком. С улицы тоже донеслась пальба. Уроки, которые мы не должны забывать...

В ночь с пятницы на субботу девять товарищей сошли с ума. Их пристрелили. Бессонница усиливала хаос и аритмию в заведенном распорядке дня. Едва мы начинали клевать носом, как раздавалась команда Принца подняться на ноги, обменяться местами, вновь вернуться обратно.

Чувство голода мы притупляли водой. Раз в сутки мы получали кофе и фасоль, которых хватало лишь на немногих. По-

давяющее большинство оставалось без еды. Поэтому мы пили воду. Один из заключенных потерял сознание и упал, со стоном схватившись за живот. Разговоры о голодном обмороке дошли до Принца. Он приказал выплеснуть на пол котел чечевичной похлебки, откомментировав: «Для тех, кто не наелся».

Однажды утром Принца сменил майор Акунья. При этом выдержанном человеке с голосом, севшим от никотина, обращение с нами изменилось. Он лично контролировал доставку и распределение хлеба из расчета полбуханки на человека. Впоследствии мы видели его на Национальном стадионе, зачитывающим списки тех, кого отпускали на свободу. Заключенные ни разу не слышали от него слова ободрения, но он и не оскорблял. Потом он куда-то исчез. На стадионе говорили, что он попал в автомобильную катастрофу».

После коротких отлучек Принц появлялся вновь и начинал говорить. И всякий раз он направлялся к иностранцам, выстраивал их в полусогнутой стойке с руками на стене и расставленными ногами и повторял все тот же ритуал: сначала каждого поглаживал между ног хлыстом, а затем больно ударял.

Очень скоро туалеты были забиты экскрементами и по проходам потекли зловонные потоки.

В одном из таких холодных, затопленных проходов, где содержали отдельных заключенных, мы увидели композитора и певца Виктора Хару. Он сидел на стуле, лицо его было спокойно. Мы поздоровались. На следующий день он был все там же. На лбу — свежие следы от ударов. Но он по-прежнему спокойно улыбался. Та же улыбка, что и всегда.

В понедельник, 10 сентября, мы видели его на радио прослушивающим одну из своих последних записей: «Гимн рабочих-строителей». Здесь, на стадионе «Чили», он доживал свои последние часы: когда нас отправили на Национальный стадион, Хара уже погиб от руки Принца и его подручных. Потрясенные этим известием, люди, брошенные в концлагерь, запели его песни. Мы верили в то, что споем и услышим их вновь, когда проложим светлые пути, по которым снова устремится вперед свободный чилец.

В воскресенье, 16 сентября, закончилась эвакуация со стадиона «Чили». Нас переводят на Национальный стадион, поскольку там ускорится разбирательство: на стадионе «Чили», набитом до отказа, судьи военного трибунала лишены подходящих условий для работы. Самое позднее в понедельник, 17-го, мы будем на свободе, так как в этот день мы должны приступить к работе. Так сказал уполномоченный хунты по делам политзаключенных полковник Эспиноза в первое свое появление перед нами. Одно из многих лживых официальных заявлений. Впоследствии мы имели возможность не раз убедиться в этом.

В шеренге по одному, с руками на затылке, мы выбегаем на улицу, почти касаясь локтями столичных и пригородных маршрутных микроавтобусов, стоящих на обочине. Затем рассаживаемся в них, испытывая облегчение от естественного света ласкового вечернего солнца.

— На пол, сучьи дети!

Это обратился к нам карабинер, сидящий за рулем.

— Лечь в проходе и под сиденьями! Что вы о себе воображаете, недоноски? Вы что, на прогулке! Сволота! И эти подонки хотели править страной!

Мы прибываем на Национальный стадион, ничего не увидев по пути, глядя лишь на заржавленный пол машины, да на начищенные солдатские ботинки, где размещается разум наших тюремщиков. Изможденные пятидневным голодом и недосыпанием, движемся машинально, не обращая внимания на болтовню и дурацкое кривлянье зеленых мундиров.

Хотя мы не в состоянии даже съездить им по физиономии — нас, двадцать человек, сошедших с автобуса, сопровождает охрана из сорока штыков. Они бахвалятся, высокомерные и свирепые. Мы — скорбим по убитым, нам горько от сознания, что свергнуто наше правительство. Нас жжет стыд за спектакль, разыгранный Принцем. Только в расистской гитлеровской Германии с такой массовой жестокостью обращались с иностранцами.

Он подчеркнул, что мы этого не забудем. Еще бы! Мы всегда будем помнить эту сотню иностранцев, над которыми издевался не наш режим, хотя он и чилийский. Ведь это у нас на родине они были схвачены и подвергнуты издевательствам. Что бы ни произошло с нами — не имеет значения: мы — у себя дома, и придет день, когда мы отмоем грязную одежду. Но мы ничего не забудем. Тебя, Принц, хорошо видели несколько тысяч чилийцев; мы помним каждую из твоих черт. Мы узнаем тебя, даже если ты снимешь военную форму, оттрастишь волосы, отпустишь усы и бороду.

А если ты укроешься — мы разыщем тебя.

Ты и тебе подобные заплатите за каждый удар, за каждое оскорбление.

Убийца, ты предал свою Родину, замарал ее флаг и свой мундир!

Тебе не будет покоя, пока ты не подохнешь!

Помни же это и ты!

«...В ДЕНЬ, КОГДА МЕНЯ НЕ СТАНЕТ, МОЕ МЕСТО ЗАЙМЕШЬ ТЫ...»

10
100

Каждый из нас вбегают с руками на затылке в туалет, трусит мимо занятых кабинок и направляется, минуя тех, с кем запрещено общаться, на свое место у третьей кабинки. Когда подходит очередь, входит и, вытягивая шею, отыскивает заученные приметы: верхний левый угол двери кабинки надо совместить со стеклом верхней половины главного входа. Тогда можно увидеть часть вспыхивающей рекламы магазина, расположенного между стадионом и проспектом Бернардо О'Хиггинса. Видна небольшая часть улицы, автобусы. Из этого положения, если пождать, можно увидеть их, прохаживающихся взад — вперед со скорбным выражением на лице, поглядывающих в нашу сторону.

Так впервые мы увидели жен заключенных, которые разыскивали пропавших без вести мужей. Нас ищут!

Это вселило в нас бодрость. Новость была шепотом передана от группы к группе. Родные ищут нас! Там, снаружи, женщины.

В тот день мы попытались установить очередность обзора. Более или менее она соблюдалась, пока не пришлось отменить ее: скопление людей у туалета грозило выдать существование потайного наблюдательного пункта. Наша «подзорная труба» должна оставаться в секрете, чтобы в последующие дни снабжать нас информацией.

Несколько суток провели мы на стадионе «Чили», заполнив его целиком — трибуны, поле стадиона, проходы и подвальные помещения. С одиннадцатого сентября, после переворота и нашего ареста, мы ничего не знали ни о том, что происходит в стране, ни о наших близких. Знакомые вели между собой разговоры, но тема их обрывалась на времени ареста либо перевода на стадион.

Мы попали сюда из разных мест заключения, где осталось много задержанных и убитых. Судьба одного походила на судьбу другого.

Оцепление солдатами или карабинерами мест работы. «Усмирение» артиллерией. Сорванные с петель двери, приказ выходить

с руками на затылке, распластаться на асфальте. Затем ~~погреб~~ и прочесывание. То есть уничтожение тех, кто не вышел по первому приказу, и обыск помещений в поисках пресловутых складов оружия, которые могли бы послужить оправданием переворота и убийств. Потом — военные грузовики, набитые мужчинами и женщинами, уложенными как мешки с кукурузой; высадка в расположении полка, первые допросы и снова издевательства. Общий вопрос почти ко всем: кто и где прячет оружие?..

Операция, начатая хунтой одиннадцатого числа, преследовала также цель — ликвидировать возможные очаги сопротивления в промышленных районах столицы. Глядя на рабочих в спецовках, мы догадывались о размахе и значении облавы. Стадион «Чили» был забит до отказа за каких-то три дня. Уже тогда мы ~~поняли~~, что на Национальный стадион поступали те, для кого не хватало мест заключения, — заводские рабочие и жители столицы, схваченные у семейных очагов во время гигантской варварской операции.

Нас мучил вопрос о том, как далеко пойдет то, что началось еще до переворота...

Студенты, сидящие, как и мы, на скамейках стадиона, до того, как попасть сюда, ежедневно отдавали свое время и силы до ~~ставке~~ пшеницы на мельницы и муки в хлебопекарни. Ведь Сантьяго стонал, блокированный забастовкой владельцев грузовиков. Шоссе, ведущие к портам Сан-Антонио и Вальпараисо, а также южная и северная часть панамериканской автотрассы, практически были перерезаны. Автоколонны грузовиков, принадлежавших владельцам, сохранившим верность правительству, могли прорваться в столицу лишь в том случае, если их сопровождали солдаты или группы рабочих. Нас брали измором.

Рабочие, составлявшие большинство среди тех, кто находился на стадионе «Чили», боролись с саботажем и забастовками, постоянно инспирируемыми правыми. Столица была почти парализована — транспорт не работал. И трудящиеся шли пешком. Пособники правых провоцировали беспорядки в центре, а по ночам горящими автомобильными шинами перегораживали проспект Провиденсия.

Больницы функционировали лишь благодаря самоотверженности врачей из левых и вспомогательного персонала. Забастовка Коллегии врачей повлекла за собой немалые жертвы на пунктах скорой помощи и в родильных домах. Для бедняков это было убийственно.

Правые в Конгрессе и суде говорильней о конституционности прикрывали развязанный белый террор. На заводах люди, несмотря на физическое истощение, работали в три смены; поддерживалось производство и обеспечивалось распределение. Сверху — стелющийся туман хаоса, под ним — спокойствие тру-

да... Сколько мы сможем выдержать в этих условиях и с какой стороны придет решение? Мы не знали этого...

Разгадка обернулась военным мундиром. Военные еще до переворота врывались на заводы, используя закон о контроле за оружием. Это было юридическое прикрытие, изобретенное правыми в Конгрессе и пускаемое в ход путчистским командованием вооруженных сил по мере того, как оно захватывало ключевые позиции, вытесняя патристически настроенных военных. Дезориентация в среде трудящихся. Дезориентация среди военных. Путчисты целенаправленно проводят границу между теми, кто носит военный мундир, и теми, кто ходит в спецовке.

Вооруженные силы, Верховным главнокомандующим которых является Президент Республики, охраняют стоянки грузовиков, бездействующих из-за забастовки их владельцев. Вместо того, чтобы вывести грузовики на работу или реквизировать, как им велит долг! Да, это так. И путчисты выигрывают в шулерской тасовке крапленых карт, виртуозно жульничая...

Теперь же мы разглядываем разбитые лица, поворачиваясь в разные стороны, подобно животным перед входом на бойню. Изнурение последних недель — не в счет. Фиолетовые синяки — тоже. Лишенные связи с внешним миром, хмурые, безликие, занесенные в тайные списки, мы ввергнуты в забвение, как те, кто остался заколотым на улицах или в полковых казармах. Поэтому то, что мы увидели в «подзорную трубу», придает нам мужество. Кто-то тихо насвистывает гимн, который мы так часто пели:

«...в день, когда меня не станет, мое место займешь ты...»

И хотя мы повержены, а место, которое мы занимали в жизни, на работе, пустует, эти стремительные тени, оживающие перед «подзорной трубой», наполняют жаждой жизни, вливают уверенность в свои силы. И мы оживаем.

Подруги, с которыми прожиты годы. Подруги в голоде, стачках, в маленьких семейных праздниках. Они там действуют, борются за наше освобождение. Им также грозит заключение. Но они действуют. Преисполненные решимости, они собираются у подходов к стадиону «Чили».

Только что началась вторая половина сентября.

Кордильеры срезают дымное облако от пожаров, зажженных авиацией. Танки контролируют центр города, а патрули на бронетранспортерах прочесывают рабочие кварталы и поселки. Всякий прохожий — под подозрением, а подозреваемых грубо хватают, арестовывают. Если они своим поведением наводят на мысль о попытке к бегству — по ним стреляют.

Разбитые стекла, щепки, сколотый тротуар. Размазанные пятна крови. Гул моторов, выкрики команд, поломанная мебель, сожженные книги. Страна парализована — все сделано для того, чтобы создать условия для разгула военных мундиров, одержи-

мых в эти дни одним: охотой за штатскими. Дьявольское землетрясение разрушает сейчас изменчивую красоту Сантьяго, этой обгащенной кровью частицы планеты, которая погромыхивая вращается во вселенной.

Два дня спустя после переворота, пользуясь тем, что на несколько часов отменили комендантский час, жены пропавших без вести (а может быть, вдовы?) выходят из домов на поиски. Проходят кварталы, отделяющие их от первой полицейской или полковой казармы. Спрашивают и не получают ответа. Их выгоняют без объяснений. Две-три из них испуганно останавливаются, сблизив головы. «Говорят, там... склад трупов... говорят, здесь... больница, морг...» Они намечают маршруты и отправляются в путь, строго их придерживаясь.

Еще одна полковая казарма. Префектуры. Майоры, лейтенанты. Женщины не могут идти группой: если две из них рядом, это уже группа. Изнуряющее хождение по всему городу: с юга — на запад, с севера — на восток. Транспорт почти не работает. Добраться до цели — дело долгое, уносящее все силы. В центре и на окраинах стреляют. Но даже с ребенком на руках (а есть и такие) они добираются до намеченного пункта.

Их гонят отовсюду. Они отходят и наблюдают издали. Стоят и ждут. Если увидят военного — спрашивают, нарушая запрет. Некоторых просительниц бьют. Других арестовывают, в иных вместо ответа — стреляют. Но женщины снова в движении. Города, поселки, населенные пункты охвачены неизбывной скорбью.

Одну из разрозненных групп женщин мы видели в «подзорную трубу» стадиона «Чили». На другой день толпа стала больше и плотнее. Ее разгоняли прикладами винтовок. Некоторые женщины падали. Извиваясь на земле, не жалуясь, ждали, пока солдаты устанут, и вновь занимали отвоеванное место. И оставались там. Спрашивали: «Он жив?.. Где он? За что?.. Мой муж — не преступник. Когда его отпустят?..»

Стрелок в каске, конечно, не знает этого. Действует по приказу. Но он измотан этим несмолкающим стоном и отступает, пока окрик командира не напоминает ему о его обязанности прогнать их. Со штыками наперевес охранники бросаются на толпу. Женщины бегут, падая на ходу и поднимаясь. Выстрелами в воздух солдаты отгоняют их еще дальше. Они вновь появляются по одной, робкие, останавливаются вблизи, вновь задают вопросы. Сражение хорошо натренированного воинства с отчаявшимися женщинами заканчивалось с наступлением комендантского часа и возобновлялось на следующий день. По мере того, как текли дни, женщин приходило все больше и они все ближе подбирались к цели.

Притихшие, убитые горем, возвращались к своим очагам новые плачущие вдовы. А другие, даже не зная еще, живы ли их мужья, а если живы, то где они заточены, едва прознав о еще одном месте заключения, устремлялись туда, как пчелы, чтобы вести поиск часами, днями, месяцами.

Прошел слух: «На стадионе «Чили» заперты люди!» Выставленное оцепление и огромное количество стражников подтверждали это. Ни пули, ни мощные струи воды из полицейских спецмашин, ни аресты, ни побои — ничего не могли поделать с женщинами; они ушли лишь тогда, когда стадион опустел. Его готовили к приему новой партии, а всех, кто там находился ранее, перевели на Национальный стадион. Но неутомимые женщины осадили и его. Их было так много и они проявили такую активность, что отборные боевые части, направленные для охраны тридцати тысяч «военнопленных», утратили инициативу и сдали позиции после бесплодных вылазок с целью рассеять осаждавших.

Движимые нежной привязанностью, они отыскивали концентрационные лагеря и собирались вокруг них. Организовывали автоколонны и приезжали в Чакабуко. Им отказывали в пропусках и разрешениях. Их поездки в Антофагасту, а затем и глубинную пампу длились неделями. Проходили пешком многие километры, нагруженные узлами с одеждой и едой, неделями сидели под деревьями в Пучункави в ожидании разрешения повидаться и поговорить с узниками Мелинки. Осаждали вопросами охрану военно-воздушной базы Кинтеро, чтобы получить разрешение на вход в Ритоке. Они упорно добивались отмены запрета на посещение узников на зловещем острове Досон.

Они никогда не теряли надежды. Добивались сначала согласия на записку, потом — на письмо, затем вели борьбу за разрешение на свидание и, наконец, — за освобождение. В Талькауано, перед Кирикиной, они образовывали молчаливые, упрямые очереди; на молах Вальпараисо они терпеливо стояли около превращенного в плавучую тюрьму сухогруза «Лебу», трюмы которого были до отказа набиты арестованными. Так было в Ранкагуа, Темуко, Линаресе, Копиапо; они окружили стадион в Консепсьоне, как и в Сантьяго превращенный в тюрьму. Полковые казармы, полицейские участки и тюрьмы стали синонимами в лексиконе этих бесчисленных подвижниц.

Они обращались к священникам в своих приходах. Разговаривали с епископами. Встречались с кардиналом. В церквях им оказывали приют и утешали, не спрашивая об идеологии. В них видели беззащитных и преследуемых, и протягивали руку помощи. Первых женщин, которым в 1973 году перед Рождеством удалось проникнуть в Чакабуко, сопровождали монахини и священники. На всем пути следования монастыри давали им приют:

4 ноября 1973 года — еще одна победа: коллективное посещение узников Национального стадиона. Так было покончено с изоляцией, на которую обрекли десятки тысяч арестованных и среди них — сотни женщин. Военная хунта еще не знала чилиек. Она ожидала коллективной истерики, обмороков и готовилась обернуть себе на пользу взрыв чувств: были разбиты палатки Международного Красного Креста и приготовлены носилки, установлены телевизионные камеры, чтобы запечатлеть гуманность военных.

Женщины глотали слезы, подавляя волнение. Они молчали о своих бессонных ночах, о том, что не сомкнули глаз накануне встречи. Наоборот — они ободряли, даже смеялись. Сгрудившись у ограды, они впервые увидели своих близких. Договорились между собой добиться того, чтобы эти встречи стали как можно более частыми.

До этого дня они смотрели на стадион с улицы, слышали, как по громкоговорителю объявлялись имена тех, кого вызывали на допрос. Видели, как некоторых выпускали на свободу, как те бежали по распахнутым улицам, ничего не замечая, нервно отвечая на задаваемые вопросы.

Когда женщины вошли на стадион, их охватил ужас при виде мужей, сыновей, отцов, женихов и братьев, сгрудившихся у оградительных решеток, как в обезьяньем питомнике. Но женщины преодолели страх. Ни слова о грязной, изорванной одежде, еще вчера не заметных сединах, худобе и кровоподтеках на лице. Они спокойно говорили о своих трудностях, о самом необходимом. У выхода со стадиона махали на прощание поднятыми вверх руками. А когда они ушли, их присутствие ощущалось почти физически на протяжении нескольких часов.

Палатки Международного Красного Креста негодились, как и носилки. И только дома, в ночной тиши, женщины дали волю измученным душам.

Исчез муж, а вместе с ним — и заработок. Нас приводило в отчаяние сознание нашего бессилия, невозможности помочь домашним. Огромны были усилия, которые ежедневно прилагали женщины, чтобы как-то просуществовать: ведь тех из них, кто имел работу, уволили. Они подрабатывали во фруктовых киосках, занимались выпечкой хлеба и пирогов на продажу, торговали сладостями. Они всячески изошрялись, чтобы прокормить детей и опрятно одеть их.

Помощь соседей по кварталу велика, но недостаточна. За нее благодарят, но не хотят, чтобы она стала нормой жизни. Когда заболевает ребенок — продается телевизор, а для оплаты пропусков для детей, которые также хотят навестить отца, брошенного в концлагерь, продаются часы и проигрыватель. Мужу еженедельно отдают еду, чтобы он не ослабел окончательно.

Пустеет гостиная: мебель распродана. Мать не пропускает ни одного дня, отведенного для посещений.

Семейные очаги медленно и неуклонно пустеют. Отсутствие мужчин и исчезновение таких вещей, как полочки и скатерти, торшеры и гардины, делают уютный прежде дом больше и холоднее. Люди расстаются с обжитым гнездом, причем порой меняют квартиру на одну комнату, если нет родственников, к которым можно было бы переехать. Коробящее душу нарушение привычного жизненного уклада, а главное — отсутствие мужа — все это превращает тоску женщины в **НЕНАВИСТЬ**, чувство ей чуждое и неприятное.

Нам рассказывают о наблюдениях, которые сами по себе весьма красноречиво говорят о том, что могут сделать, чего могут добиться наши женщины. Женские союзы солидарности, наконец, находят содействие. Люди, к которым приходится обращаться в различных учреждениях, постепенно склоняются в пользу просительниц, нередко старательно им помогают.

До нас доходят и другие известия. Хунта начинает перестраивать экономику в своих интересах. Сбрасываются вывески предприятий государственного сектора и вместо них появляются другие, на которых выведены имена местных и межнациональных хозяев. С возвращением прежних владельцев на заводах вновь появляется фигура надсмотрщика. Протестовать в день полочки против чрезмерных удержаний равносильно самообвинению в том, что ты — экстремист, который заслуживает решетки.

Для тех, кто вел борьбу против готовящегося переворота и призывал к бдительности, это не новость. Тем, кто оставался безразличным к надвигавшимся событиям или поощрял складывавшуюся ситуацию, новые порядки помогли прозреть.

Те, кто удержался на работе, получают значительно меньше прежнего. Еще тяжелее преследуемым по политическим мотивам и безработным. И те и другие, разумеется, лишены прав, — часто — средств к жизни. То, что не было уничтожено при облавах, когда путчисты врываются в дома, исчезло потом — в обмен на продукты.

Обо всем этом нас информируют женщины в дни посещений. Они рассказывают о механике, который сейчас стал торговать жареной рыбой. О застрелившемся соседе или о девушке с косичками, жившей в доме с балконом, которая стала торговать своим телом. То, о чем они умалчивают, мы узнаем от вновь прибывших заключенных. Их привозят десятками, и на допросах они подвергаются жестоким пыткам. Многие из них участвуют в движении, развивающемся в ответ на фашистскую жестокость.

Мы глядим на Чили из заточения, схватывая лишь обрывки действительности, протекающей там, за стенами и колючей проволокой. После того как осело облако пыли над развалинами, мы издали наблюдаем, не имея возможности помочь, как образуется вязь фактов и чувств, событий и настроений, которые станут ускорителями процесса возрождения. И улыбающаяся нежность в глазах наших подруг — часть этого процесса. Открытие, которое мы сделали в первый день нашего пребывания на стадионе в «подзорную трубу», не обмануло нас.

«ВСТАНЬ РЯДОМ!»

М'

Сектор № 7. Здесь, в темноте, содержатся более двухсот узников. С одной стороны — решетчатая загородка. С другой — лестница, выходящая наверх, на северную трибуну, под которой мы и находимся. Снизу нам видна лишь тренога пулемета, перекрывающего выход на лестницу. У пулемета трое солдат. По обеим сторонам этого коридора, выходящего на поле стадиона, — затопленные испражнениями уборные. Сквозь брусья решетчатой загородки, укрепленной цепями, взятыми на замок, мы видим танки и войска. Здесь мы проведем 14 дней, получая в сутки по полмиски вареной фасоли.

Наша группа неоднородна: около ста студентов и преподавателей Государственного технического университета, грузчики с Ла Вега и Центрального рынка, служащие из КОРФО*, торговцы целебными травами, рабочие-текстильщики, работники радиостанции имени Рекабаррена. Через два дня нам выдали по одеялу на четверых, а еще через три дня — каждому по одеялу. Через неделю появились матрасы — один на шестерых — и пакеты Международного Красного Креста, содержавшие розового цвета полотенце, кусок мыла, расческу, зубную щетку и пасту.

Теперь мы выискивали места поудобнее, таская за собой на спине немудреное имущество. Нас не беспокоят и, несмотря на обязательный подъем в шесть утра, мы имеем возможность спать большую часть суток, бросив матрасы там, где потемнее. В дождливые дни мы промокаем до нитки и драгоценные одеяла, разбухшие от влаги, уже не спасают нас ночью от воды, которая вместе с грязью сочится с трибун, служащих нам крышей.

В октябре разрешили передачи, но при «досмотре» исчезала половина, три четверти или все их содержимое.

Через несколько дней ребята из технического университета установили контакт с солдатами из охраны, что у пулемета, на верху лестницы. Между молодыми людьми разговор завязался легко. Новобранцы, которых привезли из Антофагасты 11 сен-

* Корпорация промышленного развития.

тября, спрашивали об иностранных войсках. Им сказали, что они едут воевать с регулярными кубинскими и советскими частями, но им еще не приходилось с ними сталкиваться. Солдаты отказались поверить правде, о которой им говорили пленные студенты. Во всяком случае, пока несли службу в качестве охранников. Со временем, в последующие недели и месяцы, они поймут, что их обманули.

Рабочих с завода «Мадеко» поместили к нам в полночь. Восемьдесят из них — все со следами побоев на лице — содержались до этого в казармах военно-воздушной базы «Эль Боскэ». Дрожащие от холода, измученные бессонными ночами, они еле держались на ногах. Но у них был с собой хлеб, много хлеба, который они рассовали по карманам.

Рабочие-металлисты с «Мадеко», обвиняемые в изготовлении танкеток у себя на заводе, прошли через те же пытки, что и все мы. Но побои не сломили их боевой дух, жажду действовать.

— У нас здесь нет порядка, — заявили они. — Особенно при раздаче фасоли. Вы бросаетесь толпой, когда ее приносят, вот некоторые и остаются без своей порции. Так не пойдет! Разве не понятно, что это устраивает солдатню?.. Ну, а нас это не устраивает!

— Да, это так, — согласились все. — Надо навести порядок. 300 человек разбили на шесть «рядов» по 50 в каждом. Как только приносили еду, каждый «ряд» подходил за своими порциями по очереди: ряд № 1, № 2 и так до № 6. На следующий день «ряд» № 1 шел последним и т. д. Наладили дежурство «команд» по уборке помещений, которые следили также, чтобы не заливало водой уборные, где текли краны. Стариков и тех, кто страдал от простуды, перевели в наиболее защищенные от сквозняков места. Назначались дежурные, которые следили за тем, чтобы во время дневных обходов патруль не успел заметить спящих. Собрали все имевшиеся в наличии сигареты и ежедневно выдавали каждому положенную порцию. Обработали одного из своих товарищей — Мартинеса, на котором кишмя кишели вши и клещи после заключения в полицейской тюрьме. Потребовали от Международного Красного Креста сделать дезинфекцию в нашем секторе. Нам прислали бидон с жидкостью молочного цвета, и, пользуясь кисточкой, мы обмазали друг друга этим составом с головы до ног.

Те, кто прибыл с «Мадеко», были арестованы после переворота 11 сентября. Когда комендантский час перестал действовать круглосуточно и было объявлено о возобновлении «нормальной» жизни в стране, они вышли на работу. В течение нескольких дней их никто не трогал. Однажды утром на заводе появились грузовики и автобусы чилийских ВВС. Рабочим было приказано построиться во дворе, где им зачитали список тех, кого

должны увезти на военно-воздушную базу «Эль Боскэ» для снятия «кратких показаний». На самом деле ничего этого не было, и с ними обошлись так же, как и с другими задержанными. Как и мы, они ждали решения по «своему делу».

Однажды эти рабочие предложили организовать своими силами «эстрадное представление», но все узники седьмого сектора возмущенно запротестовали. Да ни за что! У нас слишком много горя, чтобы затевать такое. Девять дней нас избивали. Чили предали. Уничтожено народное правительство, детище борьбы поколений. Еще не высохли слезы по убитым, так что нет. Вы плюете против ветра! Не будет представления.

— Это необходимо,— настаивали они.— Разве вам не понятно, что слезы и жалобы нам не помогут?.. Сейчас самое главное — выжить, а чтобы выжить — надо этого хотеть. А хотеть жить, значит дать себе слово восстановить все, что у нас отняли.

— Нам не до песен, стихов и шуток! Кто знает, в недалеком будущем мы, может быть, еще вернемся к этому. Но сейчас — нет! Слишком много горя. У некоторых жены тоже арестованы. Куда их увезли?.. Всем известно, как они обращаются с нашими женами. Пытают, как нас. И еще страшнее. Отдают солдатне, и те их насилюют! А мы будем петь и смеяться?.. Да ни за что в жизни!

— Чтобы вернуться к жизни, нашим подругам нужны сильные духом мужчины. Им будет необходима наша поддержка. И прежде всего мы должны самим себе доказать, что способны вынести и преодолеть и это и то, что нас еще ждет. Пейнета, начинай!

Гонсалес, по кличке «Пейнета», худощавый парень с челкой на лбу, спел несколько песен вместе с другими четверьмя добровольцами, объявлял желающих прочитать стихи, рассказывал анекдоты, над которыми смеялись он сам и его друзья. Все это закончилось около девяти часов вечера.

Студенты и преподаватели из Государственного технического университета наблюдали за ними молча. Остальные свистели, возмущались, шикали, ругались. Каждая из двух образовавшихся группировок оставалась при своем мнении. «Команды», ответственные в этот день за уборку помещения, старались их примирить.

На следующий день вечером рабочие с завода «Мадеко» никого не уговаривали и не убеждали. Они просто предложили всем посмотреть «веселое представление». Среди молодежи из технического университета, присоединившейся к ним, нашлись певцы и декламаторы. Примерно через час потерявший голос Пейнета с помощью другого рабочего по кличке «Чанфайна» дирижировал хором, исполнявшим куплеты, которые в дальнейшем стали «Гимном заключенных»:

«Слушай, брат, песню радости
И радостное пение тех, кто ждет нового дня...»
Не двигаясь, молча, мы слушали с глубоким волнением:

«Встань рядом!
Пой,
мечтай,
распевая.
Живи,
мечтая
о грядущей
заре».

Родные и близкие! Погибшие товарищи! Мы видели вас лежащими в грязи на улицах! Анна, где ты?.. Тебя арестовали одновременно со мной. Удалось ли тебе вырваться на свободу или тебя постигла та же участь, что и нас: тюрьма и издевательства?.. Дети мои!.. Живы ли вы?.. Где вы? Сын, полный решимости, ты уехал 11-го в центр города... Ты попал в перестрелку и видел убитых?.. Что с тобой? Валя, дочь моя, ни мама, ни я не пришли за тобой в школу в полдень 11 сентября. Куда ты делась, когда опустели классы, ушли напуганные одноклассники и учителя?.. Они увели тебя с собой?.. Или ты осталась одна в пустой школе?.. Хочу верить, что вы живы и на свободе, что этот кошмар — для вас лишь страшный сон.

«...Когда люди снова станут братьями».

Взволнованный Пейнета дирижирует, стоя в центре круга из сплетенных и поднятых вверх рук.

Поют студенты. Поем мы все.

«Когда люди
снова
станут
братьями...»

— Всем встать к стене!..

Мы не заметили, как солдаты появились в секторе. И пришли в себя, лишь тогда, когда они обрушились на нас, осыпая градом ударов и бранью. Грубо толкая в спину, они выгнали нас на поле стадиона, и по их приказу мы до головокружения бегали по газонной дорожке, то переходя на шаг, то снова рысью. Круг за кругом! Прошло несколько часов, прежде чем мы, наконец, вернулись в помещение. Охранники пригрозили нам новой расправой при любой попытке организовать политическую демонстрацию.

«ПРЕЛЮДИЯ ДО-ДИЕЗ»

.Н

Восемь часов на солнце — не так уж и много, если можно снять пиджак. Но после 19 дней отсидки в ледяном помещении это превращается еще в одну пытку.

Велодром, расположенный рядом с Национальным стадионом, забит людьми. Заключенных рассадили группами по пятнадцать человек в отдалении друг от друга. В боксах для гонщиков, напротив трибун, допрашивают женщин из Национальной службы здравоохранения. На поле велодрома, закутавшись в одеяла, сидят люди, схваченные в деревне Ла Леуга.

Мы были в партии в триста человек, которую вывели из сектора в шесть часов утра.

Конвоируемые отрядом офицера Агилы Уно, мы пришли на велодром и заняли указанные места. Он положил свой автомат на барьер дулом в нашу сторону. Заложив руки за спину, несколько раз прошелся перед нами, как будто собирался что-то сказать. Еще раз посмотрел на нас. Проверил, хорошо ли лежит автомат. Что-то приказал одному из солдат и ушел.

У пулемета остался низкорослый, косматый солдат с бегающими глазками на смуглом лице.

— Ну и видик у вас, сукины дети! — сказал он и заржал, обнажив желтые зубы.

Вернулся Агила Уно. Снял каску и отдал ее косматому солдату. Аккуратно надел на голову шапку из черного каракуля. Достал из кармана мундира список и, вызывая нас поименно, разбил на группы.

В семь тридцать утра нас, 15 заключенных, разместили на верхнем ярусе трибун велодрома. Первого вызвали на допрос примерно в десять часов, а последнего — в шестнадцать. Меня — в 16.45. Допрос вели офицеры из военно-воздушных сил.

— Ответите на несколько вопросов и, может быть, сегодня же будете освобождены.

Велодром и небо над ним были словно умыты дождем, который шел этой ночью и в предыдущие дни. Если им верить, еще сегодня нас могут освободить. Комендантский час наступает

в шесть вечера. Обычно они выпускают на свободу до четырех часов. Тогда — на микроавтобус, что идет до Сан-Диего, а там пересестя на другой, до Ренка — Парадеро, 15. Прийти домой неожиданно. Открыв дверь, увидеть радость на лицах близких. Обнять своих и — поест. Непременно хлеба, свежего, много хлеба! Избавиться от мучительного голода, от которого ноет в желудке. Помыться, хорошо намылившись, и заснуть на кровати с матрасом, с простынями. А может быть — полежать в ванне с теплой водой. Выбросить липкую, вонючую одежду. Эти брюки с заскорузлыми пятнами крови и пиджак с оторванной подкладкой. Сжечь смердящее тряпье!

Капитан ВВС в синей каске, плотный, высокого роста, выходит на площадку лестницы, ведущей вверх, на трибуны, и оглядывает нас.

— Ты, подойди сюда!

Первый в ряду нашей группы из пятнадцати человек быстро спускается по лестнице и исчезает.

Мне не повезло — я сижу последним. Но, по крайней мере, тех, что передо мной, долго не задержат. Их схватили на улице после шести вечера, во время комендантского часа. У таких обычно проверяют только домашний адрес и отпускают. Во всяком случае, так было раньше, до переворота. Вполголоса каждый говорит соседу о своей невинности и приводит доказательства. Как будто это может помочь!

— Быть социалистом — не преступление, — говорит мой сосед. — Социалистическая партия действовала легально до 11 сентября. Уже потом ее объявили вне закона. А с 11-го я нахожусь в заключении. Так что они не могут обвинить меня за партийную принадлежность.

— Конечно, — соглашаюсь я.

— Вы — коммунист, в таком же положении. Они должны нас выпустить.

На площадке снова появляется офицер в синей каске. Вытирает со лба пот мятым носовым платком и им же делает знак следующему, чтобы тот спускался.

Вызвали уже двоих. А прошло меньше часа. Где их допрашивают?.. Сколько человек участвуют в допросе?.. Какими методами ведется допрос?.. Нас остается тринадцать. Теперь, в добавление к голоду, нас мучит жажда.

Мой сосед прав. Левые партии были объявлены вне закона после нашего ареста. Теперь мы — члены организаций, запрещенных декретом. Но существование их не зависит от решений хунты. Больше половины своей жизни Коммунистическая партия действовала в подполье. Опасная, требующая предельной осторожности работа, но тысячи людей шли на это с готовностью. И хунта знает об этом. Преследования, тюрьмы, расстрелы не

сломать коммунистов. Теперь снова нашлись желающие заняться бесполезным делом.

Вызывают третьего, четвертого, пятого. 12 часов дня. Исчезает шестой. Нас остается девять. Однако дело продвигается быстро. Никто не возвращается после допроса. Оптимисты считают, что ушедшие могут находиться уже на пути к дому. Просто отсюда невозможно услышать, как зачитывают списки на футбольном поле соседнего большого стадиона. А выпускают именно там. Пессимисты полагают, что допрошенных снова изолируют где-нибудь здесь, на велодроме, так как другие места — боксы и раздевалки бассейнов заняты женщинами.

Жара усиливается. У меня начинает болеть голова. На бетонной дорожке для велогонок Агила Уно произносит речь перед женщинами из Национальной службы здравоохранения. Демонстрирует им пули. Заставляет пощупать. Показывает в нашу сторону, по-видимому, говорит, что нашел их у нас.

Уже пятый час. Осталось четыре человека. Через некоторое время — двое. И вот наверху остался я один. Солдат из охраны проходит мимо, задевая мои колени, и сует кусок хлеба, шепнув, чтобы я его спрятал. Я быстро прячу хлеб в карман пиджака и торопливо съедаю половину. Голод утихает, но жажда усиливается.

16.45. Появляется тот же рослый офицер из ВВС.

— Тебя допросят завтра утром.

Это меня не радует. Без официального допроса и думать нечего о свободе. Предыдущий, по-видимому, не действителен.

— Иди сюда, у нас есть еще немного времени.

Спускаюсь, на ходу натягиваю пиджак. Останавливаюсь рядом с офицером на лестничной площадке. Он указывает мне на дверь, и я вхожу в мрачный коридор, где стоят стол и три стула. Вижу еще одного офицера. На столе какие-то бумаги и сигареты. Подхожу. Тот, что привел меня, следует за мной. Они обмениваются репликами о холоде, о жаре, о том, что им не принесли поесть. Садятся. Оба — в темных очках, плотные, широкоплечие. По внешнему виду это — летчики. В чине капитана или повыше, если судить по возрасту. Сажусь на свободный стул и прислоняюсь к спинке. Темные стекла очков мешают видеть направление их взгляда. Но, кажется, меня разглядывают. Вид у них спокойный, но немного усталый. Следовательно, главное — не вызывать у них раздражения, бьют они, наверно, как мулы.

— Значит ты — коммунист. С каких пор?

— С 1950 года.

— Раньше состоял в Коммунистическом союзе молодежи?

— Нет.

— Сидел в тюрьме при правительстве дона Габриэля Гонсалеса?

— Нет.

— Должно быть, ты был важной птицей в партии, если руководил радиостанцией.

— Нет. Рядовым членом. А руководил радиостанцией, потому что давно работаю на радио. Только поэтому.

— Ты — журналист. В какой газете работал?

— В «Эль Сигло».

Один из офицеров сидит напротив меня. Другой — сбоку. Меня приводит в отчаяние, что не вижу их глаз. Смотрю на сидящего передо мной и вижу свое отражение в стеклах очков.

— Коммунисты управляли чилийской экономикой и расстроили ее.

— Да, в руководстве экономикой ошибки были. Правительство их признало.

— Что думают коммунисты о вооруженных силах?

— Военные должны были сотрудничать с нами в управлении страной.

— С коммунистами?..

— С правительством Президента Альенде. С Народным единством.

— Вы намеревались установить диктатуру.

— Мы хотели претворить в жизнь программу Народного единства. И для этого требовалась ваша помощь. Задача была трудной и состояла в том, чтобы экономической независимостью дополнить наш суверенитет.

— Вот именно, вы собирались установить диктатуру. Я даже хотел подать в отставку и уехать из Чили. Думал перебраться в Венесуэлу, потому что не смог бы жить при диктатуре.

Я промолчал. Меня не спрашивали, и я мог не отвечать. А тему эту затронул он сам. Спихватился и впервые запнулся, заговорив о диктатуре. А как называется то, что сейчас происходит в Чили?.. Он понял свой промах. Один — ноль в мою пользу. Я почуствовал себя увереннее. Пока мне задают общие вопросы на тему о чилийской политике, все будет в порядке.

— Почему вы старались расшатать дисциплину в вооруженных силах?

— Насколько мне известно, правительство не было в этом заинтересовано. Оно стремилось получить помощь со стороны военных в осуществлении программы, которая была всем известна и получила одобрение.

— Ложь! Вы пытались подкупить высшие армейские чины. У задержанных нами офицеров ВВС обнаружены чеки на доллары с подписью Луиса Корвалана.

Это уже выпад. Самая чудовищная ложь. Он хочет заставить меня спорить, чтобы подловить. Я устал, но не настолько. Если

сохранять спокойствие и ясную голову, можно контролировать себя.

— Это мне кажется невероятным, сеньор. Корвалан небогат. Он живет на то, что получает как сенатор. Едва ли на это можно еще и доллары покупать. Счета в банке у него нет. К тому же, как вы знаете, коммунисты, занимавшие высокие посты в государственном аппарате, оставляли себе на жизнь ровно столько, сколько зарабатывает квалифицированный рабочий, а излишки отдавали на строительство детских садов. Коммунисты — люди небогатые.

— Какой код был на радиостанции КУТ?

— У нас не было никакого кода.

— Что вы передавали 11 сентября?

— Обращение КУТ к трудящимся с призывом оставаться на рабочих местах.

— Что еще?

— Больше ничего. Ваши самолеты с первого же захода сбили главную радиомачту. Нам пришлось прекратить передачи. (Это лестно для них, если они действительно летчики. А бомбили они на самом деле метко).

Уже шестой час! У меня в кармане кусок хлеба и сигарета. Закурить бы! Но закурить — значит показать свою слабость, съесть хлеб — выказать дерзость. Терпение...

— Альенде был коммунистом?

— Нет, сеньор. Он был социалистом.

— Ты знал его лично?

— Да, сеньор. Я познакомился с ним в 1952 году во время его первой предвыборной кампании, когда его кандидатура впервые была выставлена на пост президента. Потом я участвовал на его стороне во всех предвыборных кампаниях.

— Почему?

— Коммунисты всегда выступали за него.

— А когда он стал президентом, вы набили себе карманы. Не так ли?

— Нет, сеньор. Мы, коммунисты, боролись вместе с Альенде за то, чтобы завоевать власть и осуществить преобразования в Чили. А не ради обогащения. У меня дома даже нет телефона. Я не имею собственной машины. Вы делали обыск и знаете, как я живу.

— Но твои руководители имели все это.

— Они жили скромно, сеньор.

Все вопросы задавал офицер, который собирался уехать в Венесуэлу, другой сидел справа от меня и я слышал его усталое сопение. Кажется, они ведут допрос с восьми часов утра. Хорошо, если это так. Тогда им пришлось много поработать. Чем

больше они устанут, тем лучше. Для меня выгоднее, чтобы допрос затянулся, если, конечно, это не разозлит их.

— Назови имена членов МИР*, которые работали у тебя на радио..

— Все сотрудники радиостанции имени Рекабаррена были приняты на работу как специалисты. Мы не интересовались их партийной принадлежностью. Важно, чтобы это не были враги правительства. Я могу отвечать на вопросы, касающиеся меня. Об остальных я просто не знаю. Мы, коммунисты, похожи на военных в том смысле, что о некоторых вещах не спрашиваем у друзей и не говорим даже с женами. Такого же правила придерживаются члены других левых партий.

Мне снова задают те же вопросы, что и в начале, но иначе сформулированные. И так — несколько раз. Тем не менее, допрос иногда скорее похож на беседу. О моей семье. О зарботке. Учатся или работают мои дети. Вопрос о плане «Зет».

— Вы хотели развязать гражданскую войну, предварительно уничтожив высших офицеров. Или тебе неизвестен план «Зет»?

— Я слышал о нем здесь, на стадионе. Но версии противоречивы, заключенные говорили разное. Мы в изоляции с 11 сентября. Газет не получаем, не слушаем радио. Нам абсолютно ничего не известно о том, что происходит за пределами стадиона.

— Но тебе, конечно, известно, что коммунисты объявлены вне закона и пришел конец политической безответственности вместе с пресловутым Народным единством. Тебе известно, что власть теперь в наших руках и все наши приказы выполняются. Уж это ты знаешь!

— Я знаю, что к власти пришли вооруженные силы.

— И что же ты думаешь на этот счет?

— Я не знаю, что происходит за этими стенами. Кроме, конечно, тех тяжелых событий, которые произошли в моей жизни и в жизни моих товарищей по несчастью. Должен сказать, что я глубоко сожалею о случившемся.

— Вы сами вызвали это. Своей пропагандой, целыми днями долбившей одно и то же, своими песнями «протеста». Твое радио ловко занималось пропагандой.

— К сожалению, это не так. В противном случае меня не было бы здесь.

— И нас тоже! Мы лежали бы на кладбище.

— Пропаганда велась плохо. И это одна из ошибок, которой мы обязаны поражением.

— Но люди прислушивались к вам! Вы имели влияние на КУТ?

— Среди радиостанций левых сил наиболее популярны «Порталес», «Магальянес» и «Корпорасион».

* Революционное движение левых.

— А русское оборудование, которое мы нашли у вас?

— Оно сделано в Чехословакии. Мы не успели им воспользоваться.

— Тогда у вас была бы самая мощная в Чили радиостанция, не так ли?

— Нет, средней мощности: 50 квт. Что же касается радиостанций правых партий, хотя бы таких, как «Агрикультура», «Кооператива», «Минерия», «Чилена», у них мощность 100 квт у каждой в отдельности. Кроме того, «Агрикультура» располагает оборудованием, которое при необходимости позволяет удвоить ее мощность. Вы, конечно, знаете, что 100 квт — мощность, достаточная для вещания на всю страну при наличии в провинции приемопередающих радиостанций.

Затем разговор возвращается вокруг темы об оснащении, особенностях программ различных радиостанций и об их влиянии. И снова вопросы, на которые я уже отвечал неоднократно.

— Тебе известны планы коммунистов, направленные против нас?

— Нет, сеньор.

— Они, конечно, примутся за старое. Как при правительстве Гонсалеса Виделы. Попрячутся как муравьи и возьмутся за реорганизацию. Замаскировавшись, полезут во все щели со своей навязчивой идеей о захвате власти. Не так ли?

— Да, сеньор.

— А что будешь делать ты, если тебя освободят?

— Работать. Вряд ли мне удастся устроиться в газеты, которые вы не трснули. И на радио меня тоже не возьмут. Дома у меня есть любительская радиолaborатория. Может быть, она нас прокормит. Сын поможет наладить ее. Придется заняться этим сразу же, так как материальное положение моей семьи тяжелое. Я знаю, что наша радиостанция конфискована, зарплату и пособие никто не получил.

— Законы по социальному обеспечению будут действовать по-прежнему.

Смеркается. По коридору гуляет холодный ветер. Офицер достает из ящика стола какую-то бумагу с отротированным текстом и протягивает ее мне. В ней говорится, что подписавшийся обязуется не принимать участия в какой-либо политической деятельности и не посещать митинги и собрания.

— Ты готов это подписать?

— С одним уточнением. Я уже не молод и не могу отказаться от своих убеждений.

— За это у нас никого не преследуют. Мы боремся не с идеями. И это именно так. А это обязательство — серьезный документ. Мы выполняем то, что даем подписывать. В отличие от вас, которые всегда нарушали свои обещания. Правительство

Альенде отличалось своей необязательностью. Попадешься на чем-нибудь, сам всевышний не спасет тебя от тюрьмы. Ну так как, будешь подписывать?

— Да, я подпишу. Означает ли это домашний арест?

— Можешь вести нормальный образ жизни. Разумеется, при выездах из города лучше ставить в известность карабинеров, куда и на какое время ты отправляешься. Но, повторяю. Строго запрещено всякое участие в демонстрациях, сборищах, профсоюз. Согласен?

— Да.

Он вызывает солдата. Приказывает увести меня и передает ему какую-то бумагу. Выходя, я слышу, как они встают, вздыхая с облегчением, и говорят о том, что им до сих пор не принесли поесть. За пределами коридора — рассеянный свет неоновых фонарей. Восемь часов вечера.

Недоверчиво оборачиваюсь. Неужели допрос окончен? Какая ловушка расставлена мне?.. Почему все оказалось так просто?.. Это только передышка или меня действительно освободят?.. Перебираю в памяти их вопросы и свои ответы. Допрашивавший больше вертел шариковую ручку, чем записывал мои ответы. Мне мешали их очки. Они же наблюдали за выражением моего лица. Если я не ошибаюсь, все говорит за то, что меня могут освободить. Завтра?.. Послезавтра?.. При допросе в министерстве обороны мне пригрозили шестьюдесятью днями тюрьмы. Я уже отсидел двадцать. Остается еще сорок. Больше месяца. Если освободят, рождество и новый год я встречу дома. Пока что ясно одно — меня держат в заключении из-за моей партийной принадлежности. У них было время собрать обо мне сведения. И им многое известно. Больше, чем я мог себе представить.

На меня наваливается усталость, слипаются глаза. Закуриваю и одновременно проглатываю оставшийся кусок хлеба. Ощущаю приятное шекотание где-то в желудке. Конец допроса! Ни с чем не сравнимое чувство удовлетворения от успешно выдержанного экзамена, как в школьные годы. Еще не знаешь отметки, но уверен, что показал знание предмета. И другое чувство: будто прошел по лезвию ножа и не поранился.

На трибуне велодрома нас разбивают на три группы. Агила Уно следит, чтобы мы не разговаривали. В молчании ждем уже почти час. Товарищи спрашивают меня жестами: «Как дела?..» «Хорошо», — тоже жестом отвечаю я. «А у вас?..» «Хорошо», — отвечает один. «Ничего», — показывает другой.

Агила Уно снова разглагольствует перед медсестрами, показывая им пулю. Они делают вид, что внимательно слушают. Наконец, ему приносят список, и, заглядывая в него, он выкрикивает имена и затем приказывает построиться на поле велодро-

ма. Мы выстраиваемся, образуя три прямоугольника. Накидываем на плечи одеяла. Стало довольно холодно. Кто-то вполголоса жалуется на голод. Агила слышит.

— А ты на что рассчитывал?.. Может, тебе и девку подавай?.. У меня есть средства, для петухов. Раз ты такой прыткий, прыгай на меня!

Он с вызовом сжимает кулаки. Несколько раз нас пересчитывает и столько же раз делает перекличку. Нас снова ведут на Национальный стадион. Снова в сектор?!

Я числился в списках заключенных, подлежащих изоляции. Но тогда еще не знал об этом.

«ЭКЗАМЕНЫ»

— Здесь с вами ничего не случится. Не беспокойтесь. Мы гарантируем. Но, повторяю, распорядок должен выполняться. Нарушений не потерпим. Подъем в шесть тридцать утра. В восемь — уборка помещения. Днем дверь будет открыта. Запрещено высываться, тем более — выходить. Солдатам приказано стрелять по нарушителям. Пока все. А теперь укладывайтесь! — Агила Уно выходит и закрывает дверь. Мы слышим шелканье ключа и удаляющееся топанье.

Ослабив стиснутые челюсти, мы облегченно вздыхаем: перестала маячить перед глазами военная форма, на ребра не давит дуло автомата. Ищем глазами, где можно поудобнее устроиться на ночь. Но выбирать не из чего. Прошло десять минут, как нас втолкнули в раздевалку для футболистов на Национальном стадионе. Одеревеневшие от холода, мы стоим в тесноте в накинутых на плечи серых одеялах и думаем о том, как поскорее улечься на полу, вытянуть ноги, закрыть глаза и уснуть.

Да, места здесь маловато. Ничего не придумаешь. Придется снять одеяло и, решив — класть его под себя или укрыться им, улечься на ширине одной кафельной плитки, втиснувшись между уже лежащими людьми. Весь пол от двери до капающих душевых кранов устлан телами спящих. Некуда ступить.

Раздевалка — это новая, более высокая ступень в смысле отношения к нам. Иначе это не расценишь. У нас есть уборная, умывальники и даже душ. Кроме того, как утверждал носатый унтер-офицер с большими ушами, армия спасла нас от новых побоев. Так мы поняли из его речи, когда он встретил нас здесь. Правда, мы поднялись на эту ступень, пройдя через малоприятный ритуал допроса на соседнем велодроме, через проверку наших досье в секретных архивах службы разведки, где собраны данные о связях со свергнутым законным правительством и Единым профцентром трудящихся, о партийной принадлежности и о нашей деятельности с 11 сентября по нынешний день. Так совпало, что все мы, спавшие беспокойным сном в новом месте заключения, были схвачены именно 11 сентября.

Нас было около трехсот человек, когда этим утром нас уводили на допрос. После «экзамена» сюда вернулось с «хорошей» отметкой около восьмидесяти, пополнив списки тех, кто считался «условно освобожденным». Нас, восемьдесят человек, попавших в раздевалку, продержат здесь неопределенное время: будут сверять наши ответы на вопросах и искать о нас новые данные. В зависимости от этого — освобождение или новый допрос. Судьба остальных нам неизвестна — их изолировали после первых же ответов на допросе и посадили вместе с задержанными в Ла Легуа.

Вечером нас снова переводили с велодрома на стадион. Конвоируемая солдатами из Пунта-Аренас, наша колонна, построившись по пять человек в ряду, вошла через марафонские ворота на пустое футбольное поле стадиона, свернула налево и двинулась по гаревой дорожке. Направление — правительственная трибуна. Колонна разбита на три блока: впереди — «условно освобожденные», затем — мы и в конце — те, кто прошел через допрос с пристрастием.

Они шли, поддерживая друг друга, еле передвигая ноги, уронив голову на грудь. Один из них, ослепший, запрокинув голову и глядя вверх невидящими глазами, держался за край одеяла, накинутого на плечи идущего впереди, с трудом переставляя негнувшиеся ноги. Некоторых, как в гамаке, несли на одеялах. Ряды измученных, смертельно уставших людей, истощенных месячным голоданием, нервным напряжением, со следами жестоких побоев.

В те же ворота входит, возвращаясь с велодрома, колонна женщин из Национальной службы здравоохранения, которая сворачивает направо.

Нам приказывают остановиться у навеса над трибунами и ждать дальнейших распоряжений. В белом свете мощных прожекторов влажно блестит трава на пустом футбольном поле. И вдруг тишину разрывает треск выстрелов.

— В ружье!

— Арестанты, ложись! Руки на затылок!

Треск осветительных ракет. Солдаты, бегущие между рядами трибун. Автоматные очереди. Наша охрана укрывается за барьером, огораживающим поле стадиона, и берет нас на прицел. Запах пороха. Стрелки ползком пересекают поле. Вспышки выстрелов. За пределами стадиона залпы орудий и пулеметов. Колонна женщин рассыпалась, они лежат, прижавшись к земле, многие плачут. В лицо летит шлаковая пыль, которую поднимают мелькающие рядом солдатские ботинки.

— При первом же появлении налетчиков перестрелять всех этих ублюдков!

Это — единственный голос, который мы слышали во время происшествия. Потом — топот по бетонному навесу над трибунами. Щелканье затвора, выстрелы и дымящиеся гильзы. Взрывы. Солдаты и офицеры прыжками несутся к верхним рядам пустых трибун. Надев каску на дуло винтовки, высовывают ее на улицу над верхним барьером, изрыгая ругательства, открывают пальбу и снова пригибаются.

— Эй вы, встать! Живее! Туда!

Сбитые с толку, мы поднимаемся и бежим в указанном направлении под градом ударов прикладами. Раздевалки с закрытыми дверями, кроме одной. Нас заворачивают на бегу и, натыкаясь друг на друга, мы вваливаемся в открытую дверь. Переселение закончено. Уже не слышен шум боя.

Когда то же самое повторилось неделю спустя, мы поняли, что это была инсценировка, которой преследовались две цели: поддержать в солдатах боевой дух и продемонстрировать нам их силу, боеспособность и беспрекословную готовность изрешетить нас пулями при первом же намеке на мятеж.

В тесной и холодной раздевалке дни проходили в разговорах шепотом, в стараниях согреться (бегом по раздевалке шесть шагов туда и обратно, прыжки на месте), в ожидании фасолевого похлебки, которую приносили в двенадцать дня или в четыре вечера, а могли и вообще не принести. Если выдавали еще и хлеб, каждый поступал с ним по собственному усмотрению. Мы заранее обсудили, как лучше его съесть: положить в карман и отламывать по кусочку, когда голодные спазмы в желудке не дают спать, или проглотить сразу, чтобы испытать наслаждение, когда тщательно разжеванная хлебная кашка медленно ползет, приятно обволакивая пищевод. В любом случае чувство голода притуплялось.

Сигареты, которых нам всегда не хватало, неизвестными путями попадали к нам от солдат. В церемонии курения участвовали все курильщики: каждый делал по одной затяжке и сигарета шла по кругу, пока не догорала до фильтра. Затем вторая, третья, если они у нас были. Мы курили рано утром или вечером, или в обоих случаях, если «почта» работала хорошо.

Не знаящие о существовании друг друга до 11 сентября, мы по-братски делили то небольшое, что нам доставалось: сигареты или, например, откуда-то появившуюся однажды плитку шоколада. Стоя вокруг расстеленного, как скатерть, одеяла, люди с отросшей за время заключения бородой с восхищением наблюдали за тем, кто с удивительной ловкостью делил плитку шоколада на восемьдесят равных долек.

Двойную порцию мы дали мальчику, который здесь, как и остальная молодежь, всегда был в подавленном состоянии. По ночам было слышно, как он плачет, запершись в уборной. Он

страдал от голода, от плохого обращения, слезами давая выход горю. Но в присутствии тюремщиков держался мужественно, и мы гордились им.

О себе мы здесь не говорили. Иногда знакомые не узнавали друг друга, обмениваясь понимающими взглядами. Мы знали, что к нам подсаживают агентов, которые умеют подслушивать и выведывать имена тех, кто еще на свободе.

Проходили дни, недели, и постепенно нам стало известно, в каких условиях содержатся другие узники. Мы с возмущением узнали, что если здесь нас сидело восемьдесят человек — в соседних раздевалках содержалось девяносто, сто двадцать и сто пятьдесят.

Но еще в худших условиях находились узники, которых посадили в канализационные туннели: абсолютная темнота, ноги постоянно в сточной воде, смешанной с испражнениями, голод и холод, крысы, зловонные испарения.

Однажды нас повели «на прогулку». Мы строились в тесноте раздевалки, а конец шеренги протянулся по коридору. Пока рассчитывались на «первый — второй», успели заметить детали, на которые не обратили внимания, когда бежали здесь несколько недель тому назад. Потолок над раздевалками идет наклонно вниз в сторону коридора и там спускается до высоты человеческого роста, поддерживаемый бетонными колоннами. Из-за колонн, где есть еще небольшое пространство и откуда веет ледяным холодом и сыростью, на нас молча смотрели люди: огромные глаза на осунувшихся лицах, напряженный взгляд. Растянувшись длинной цепочкой вдоль стены, они стоя проводили там дни и ночи.

Забив людьми даже самые узкие проходы стадиона, путчисты поместили сюда сотни заключенных, подлежащих изоляции, которых постоянно стерегли пулеметы тридцатого калибра. Когда они падали, никто не помогал им. И сами они не имели права помогать друг другу. Опасный маневр, когда надо было ухитриться и, улучив момент, бросить за колонны кусок хлеба или недокурную сигарету, повторялся каждый раз, как нас водили «на прогулку». Всегда находился кто-то, у кого было что-нибудь припрятано для более обездоленного, чем он. Среди изолированных я видел Осиеля Нуньеса, председателя Федерации студентов Государственного технического университета. В этот день нас оставили на трибунах всего на пять минут. В дальнейшем они стали постепенно увеличивать время «прогулки»: один час, три, четыре.

Стадион переполнен, как на футбольном матче, но игра не состоится. Занято каждое место на трибунах под навесом. Люди столпились под башней светового табло. Северные трибуны забиты до отказа. И только на самом верху кое-где пустуют места.

Ветер полощет рубашки, развешенные для просушки на барьере, отделяющем трибуны от поля. На спинках сидений и везде, где можно, сушатся на солнце одеяла. Из усилителей гремят песни в исполнении ансамбля «Лос Кинчерос» и военные марши нацистской Германии. Баука и пулеметы, установленные на навесе над трибунами, держат стадион под прицелом. В каждом углу поля — по пулеметному расчету. В застекленных боксах для комментаторов люди из службы разведки прочесывают ряды заключенных мощными биноклями и фотоаппаратами с телеобъективом. Кто и с кем разговаривает? Кто и кому подает знаки?

Когда нас оставляли на трибунах допоздна, мы видели, как по гаревой дорожке плелись длинные колонны истощенных, измученных людей. Месяц спустя после переворота можно было заметить, что некоторые солдаты начинают проявлять признаки сострадания к оборванному, истрадававшемуся узникам, не подгоняя их прикладами, разрешая останавливаться у колонок с водой, где те жадно пили, захлебываясь в кашле, прикинув к краю непослушным ртом. Мы видели, как прошел Луис Альберто Корвалан, которого на велодроме неоднократно подвергали пыткам электричеством лишь за то, что он сын Генерального секретаря Компартии Чили. Видели Корбалана Карреру, руководителя Союза социалистической молодежи, мать которого была сенатором в правительстве Народного единства.

В наше отсутствие, когда нас впервые увели на «прогулку», к нам в раздевалку поместили двух профсоюзных руководителей с одного из предприятий, находившихся на улице Сан-Хоакин. Мы застали их сидевшими в молчании, привалившимися друг к другу, бессильно опустившими руки на колени.

Этих товарищей схватили дома несколько дней спустя после убийства Президента Альенде и увезли в одну из казарм карабинеров. Им сказали, что после выполнения некоторых формальностей, которые займут не более получаса, они смогут вернуться домой. Их привели в караульное помещение и там же заставили раздеться догола, сшибли с ног, избили плетью и бросили в камеру. Кроме имени, их ни о чем не спросили.

Два дня спустя им вернули обувь, брюки и пиджаки и погрузили в полицейский фургон, который, как им сказали, отвезет их в павильоны Международной ярмарки в Сантьяго, чтобы сдать в распоряжение личного состава ВВС. Там, проверив их имена в списках, им набросили на голову мешки из-под муки, доходившие до пояса, и втолкнули в какой-то большой зал вроде гимнастического, где уже было много арестованных. Их они не могли видеть, но слышали топот ног под оглушительные звуки «Soul beat», поставленного на всю мощность.

Уколы острием штыка и приказ двигаться, соблюдая ритм, в такт с остальными. Одна пластинка — на три минуты, но по-

ставленная десять раз подряд без перерыва — более чем на полчаса. Двадцать раз — один час. В который раз вновь и вновь возникал этот иступленный вопль полудетских голосов? В 14-й, 23-й, 85-й? Они потеряли счет. Иначе можно было бы точно сказать, сколько времени длилось это дьявольское развлечение, которое высшее офицерство ВВС устроило для себя, заставляя извиваться в диком танце этих двух и еще четыреста узников, уже находившихся здесь.

Испарина. Во рту пересохло. Кто-то падает, теряя сознание. Сосок на левой груди обжигает укол штыка. Окрик приказа: «Не оставлять следов, черт побери!» Глухой стук ударившейся о бетонный пол головы. Удар каблуком в пах. Крик боли. Ритм «soul». Удушье. В глазах темнеет. Распирает живот, спазмы в желудке, горечь во рту, рвота.

В ритме «beat»! Ноги ввинчиваются в пол, не чувствуя тела. Флейты и пронзительные голоса переплетаются со звуками пианино. В голове звон. Барабаны ведут ритм «soul», ритм «beat». Под ногами липкая лужа. Приказ — соблюдать ритм, маршировать в ритме «beat»! В голове стучит: «Меня ждут дома». Струны электрогитары как будто тянут за хвост кота. Визжащие голоса, похожие на яростное мяуканье. Глаза щиплет, застилает туманом. Обморочное состояние. Тишина и провал в пустоту.

Когда ночью этих двух товарищей везли в открытом грузовике на Национальный стадион, их ноги конвульсивно продолжали дергаться в том же ритме. Ритм «beat» преследовал их в течение нескольких недель, проведенных с нами в раздевалке стадиона. И еще долгое время, уже находясь в концлагере Чакабуко, они просыпались в холодном поту, словно подброшенные лихорадочным ритмом. Им так и не возвратили часы, бумажники и нижнее белье.

Поступление новых заключенных участилось. На следующее утро после нашей первой «прогулки» мы проснулись от шума, когда в раздевалку втокнули что-то бормочущего человека. Он упал на людей, спавших на полу около двери. Широко открытые глаза, невидящий взгляд. Он был разут и одет лишь в рубашку с короткими рукавами. Остальную одежду, туго скатанную и перевязанную ремнем, бросили ему вслед. Он вытянулся на полу, хрипло шепча что-то, вздрагивая всем телом, тяжело вздыхая, и вскоре заснул.

Рано утром мы видели, как он мылся под душем, а потом долго оттирывал запачканные трусы и брюки. Два дня он ходил, завернувшись в одеяло, старательно прикрывая синеватую полосу на шее, след от веревки. Его вешали трижды, отпуская веревку каждый раз, как босые ноги начинали дергаться в поисках опоры.

Работавший государственным уполномоченным на одном из

предприятий, осажденном войсками 11 сентября, он был схвачен на следующий день вместе со всеми, кто там работал. Его изолировали, перевозили с завязанными глазами с одного места на другое, а потом он очутился в одном из помещений Национального стадиона. Там его допрашивали, заставляя указать, где спрятано оружие, о котором он ничего не знал, и назвать имена высших офицеров из вооруженных сил, с кем он будто бы имел связь.

Его не били. Но на двадцатый день изоляции сообщили, что поскольку он отказывается признать предъявленные обвинения, которые якобы подтвердились при допросе других заключенных и при обыске, военный трибунал приговаривает его к смерти через повешение. Приговор будет приведен в исполнение завтра на рассвете.

Перед казнью пришел человек, назвавшийся священником. Приблизив губы к самому уху, смиренно просил признаться в совершенных грехах, умело вкрапывая в медовые речи и молитвы те же вопросы, что задавались при допросе. Просьбы и молитвы нашептывались всю ночь вплоть до того момента, когда ему накинута веревка на шею, в последний раз предложив сознаться. Где спрятано оружие? С кем из военных имел связь? Какую роль играл в плане «Зет»?

«Твоя семья будет расстреляна», — звучит последняя угроза. Затем приказ встать на табуретку, на которой он молча сидел все это время. Затянув петлю на шее, палачи убирают табуретку. Лица жены и детей завертелись в красных кругах прихлынувшей крови, выталкивавшей глаза из орбит. Вдруг клещи на шее ослабевают, и он падает. Где-то рядом — визгливый голос, ругающий плотника, плохо закрепившего металлическое кольцо на балке. «Спаси свою жизнь, сохраненную Всевышним!» — зывал мнимый священник. «Подумай об этом, пока налаживают виселицу».

Ему дали воды. Сунули в руку кусок туалетной бумаги: «Утись!» И оставили одного.

Вернувшись, они сообщили, прежде чем возобновить допрос: «Твоя жена задержана. Мы схватили ее в гостинице, прямо в постели, где она забавлялась с любовником. Раз-врат-ни-ча-ла! Твои дети пока не пойманы. Но от нас они не уйдут. А теперь — пойдем. Расскажи все, что тебе известно».

Снова веревка на шее. Встать на табуретку! Дерганье в воздухе. Слезы на глазах под повязкой, из-за оскорбления жены с намерением замарать ее образ. Удар об пол. Смерть отсрочена. На сколько? Он этого не знал. Снова табуретка, те же вопросы, мурлыканье священника. Медленно стягивающаяся петля. Резкое падение. Провал в пустоту. Льющаяся вода. Помещение, переполненное людьми. И нет повязки на глазах.

4 ноября, когда ворота стадиона открылись под нажимом родственников заключенных, он обнимал своих мужественных сыновей и жену на седьмом месяце беременности. Он плакал от горя, но и от счастья, что грязный армейский сапог не смог замарать честь его семьи.

К нам посадили еще одного товарища, прошедшего через пытки. Поддерживая под руки, двое заключенных привели его утром из военного госпиталя. Он осторожно опустился на край освобожденной для него скамьи и в таком положении провел четыре дня, прежде чем смог лечь. От боли в переломанных ребрах ему трудно было говорить и с его губ лишь чуть слышно слетало «спасибо, спасибо, товарищи», когда мы приносили его порцию фасолевой похлебки.

Когда его допрашивали, присутствовавший при этом врач каждый раз, как он терял сознание от ударов резиновой дубинкой или электротоком, слушал сердце, давая советы палачам: «можете продолжать», «подождите секунду, пока придет в себя», «этот петух довольно вынослив». В голове звенело и перехватывало дыхание, когда его били ладонями по обоим ушам одновременно. Он слышал, как хрустнула ребра, когда два сапога взгромодились ему на грудь и придавили всей тяжестью чужого тела.

Распростертый на спине, с раскинутыми в стороны руками и ногами, он не запомнил тех, кто его топтал, как не помнил также, как и когда его привезли в госпиталь, ни когда в первый раз пришел в себя, забинтованный до самой шеи.

Положив в углу раздевалки сложенные одеяла, мы устроили ложе для изувеченных и по очереди дежурили около них. Нам удалось раздобыть лишние одеяла и получать для них двойную порцию еды с помощью тщательно продуманной системы. Как это делалось?

Перед котлом с едой выстраивалось столько заключенных с накинутыми на плечи одеялами, сколько было лежачих больных. Пока они черпали свою порцию из котла, установленного против двери, кто-нибудь из стоявших сзади отвлекал внимание унтер-офицера, присутствующего на раздаче. Достаточно было, чтобы тот отвел глаза, как наполненная миска скрывалась под одеялом, а рука вновь тянулась за другой. Тот же, кто стоял первым в очереди покрытых одеялами, становился в хвост, но уже без одеяла.

Мы применяли эту систему для одного старика и трех парней, а через несколько недель стали посылать еду даже некоторым из сидящих в одиночках. А однажды даже переправили собранную в нашей раздевалке одежду для тех, кого привозили из полицейских и военных казарм раздетыми. Надо сказать, что эта

идея зародилась не у нас. Одновременно с превращением Национального стадиона в концентрационный лагерь возникла и разрослась сеть солидарных акций десятков тысяч узников.

Вскоре нас стало больше сотни и угол с большими разросся, занимая теперь более половины помещения. Наши заботы сводились к тому, чтобы стараться не шуметь, курить лишь во время «прогулки», подавать лежащим воду, укутывать их, подбадривать. Тогда у нас еще не было радиоприемника, мы не получали газет и были лишены всяких контактов с внешним миром. Мы находились в неведении о том, что происходит в стране, зная лишь, что много задержанных, тысячи убитых, что продолжают облавы.

В нашей памяти вновь всплыло все увиденное и услышанное: рабочие, недвижимо лежащие на мостовой перед заводами на Аве-нида Викунья Маккенна. Крик в полицейском участке, где 18 громил насиловали девушку. Самолет, пикирующий на дворец Ла Монеда. Оконные стекла, от автоматной очереди падающие ледяным занавесом на магнитофон в радиостудии. Женщина с ногой в гипсе, недвижимо лежащая ничком на улице Уэрфанос. Зеленые и синие сиденья стадиона «Чили», занятые безмолвными людьми, неподвижно глядящими в одну точку. Тела, наполовину утонувшие в гипсовой пыли в товарных вагонах на станции Пуэнте Альто. Сорванные с петель двери. Хлопки шампанского перед роскошными особняками на Витакура. Полыхающие на Площади Италии груды книг, над которыми носится пепел. Колонны связанных людей, движущиеся ночью по улице Бандера. Солдаты, топчущие цветы на Аламеда. Толпа, бегущая по Сан-Диего от джипа, из которого ей вдогонку гремят выстрелы. Столб дыма, подхваченный пламенем. Трупы на центральной лестнице резиденции губернатора Сантьяго. Пинки солдат, раздаваемые привязанным за шею пленникам в министерстве обороны. Сгустки крови на булыжниках плаца в казармах полка «Такна». Военный грузовик, давящий трупы людей на Южной панамериканской автомагистрали. Город, патрулируемый армией захватчиков: грабеж, воровство, пожары, посвист пуль.

Эти картины оживают в ночных кошмарах и застывают с пробуждением — призрачные и навязчивые. Чирканье спички или звук падающих капель в душевой оживляют видения, пока новое отвлекающее раздражение не разгоняет их, и они застывают фотографиями, расклеенными на внутренних стенках черепной коробки.

Не имея возможности точно оценить масштабы происходящего за белыми стенами Национального стадиона, мы отвлекаемся, уделяя внимание вновь прибывшим товарищам, побывавшим в еще более худших переделках, чем мы. Этих несчастных становится все больше и больше.

Они мочатся кровью. У них распухшие от ударов половые органы. Сорваны ногти на ногах, руки вывихнуты, лопнули барабанные перепонки. Видны запекшиеся следы от загашенных о спину сигарет, темно-лиловые шрамы от ожогов расплавленным воском, занозы под ногтями на пальцах рук. Такими возвращались те из нашей группы, которых уводили на допросы. Поэтому с такой горечью мы провожали их, и нам стоило огромных усилий сдерживать взрыв ненависти, когда их приводили с допроса.

Носатый унтер-офицер, отвечавший за наш сектор, запрещал нам комментировать подобные возвращения. Его обычная уравновешенность изменила ему лишь однажды. В случае с четверкой наших.

В 3 часа дня мы выстроились в очередь за едой. Офицер ВВС приказал выйти четверем студенческим руководителям, схваченным одновременно — 11 сентября: один — из Государственного технического университета, другой — из Католического и двое — из Чилийского. Офицер вышел вместе с ними. На гаревой дорожке к ним присоединился патруль в синих касках, который погнал их к выходу со стадиона.

Они шли по дороге к велодрому, обмениваясь вопросительными взглядами. Офицер шел впереди — молчаливый, серьезный. Он остановился перед одной из дверей велодрома. Знаком приказал пройти, отступив в сторону. Им удалось увидеть лишь старый письменный стол, стул, лампочку под потолком и несколько приближающихся фигур. Больше они не увидели ничего, так как им накинули мешки на голову, проворно завязав их на шее.

Одному из них заклеили пластырной лентой глаза. Им связали руки за спиной, а на ноги надели кандалы. Затем резко и несколько раз развернули на месте, от чего молодые люди натыкались на стены и мебель. Вокруг распространялся запах лосьона для бритья. Трех загнали в угол, а четвертому спустили штаны. «Нагнись над столом!» — раздался у него над ухом хриплый окрик. Щипцы зажимают член. Вводят проволоку в задний проход и теребят ее. Молодой человек корчится и подпрыгивает от электротока, мощные волны которого хлещут по мозговым извилинам, треском отдаваясь в ушах. Он откидывает назад голову, но от удара резиновой дубинкой вновь тычется носом в столешницу. Ток отключают. Холодный металл щипцов и проволока вызывают жгучую боль.

Следует еще более мощный электрический разряд. Глаза застилает искрящаяся паутина, текут слезы. Он слышит душераздирающий крик. Оказывается, это кричит он сам. Удары сердца гулко отдаются в ушах. Леденеют оголенные, покрывшиеся потом ноги. Он лежит на полу. Открывает глаза. Темнота. Голоса. Кто-то стонет и тяжело дышит, хватая ртом воздух.

Второго усадили верхом на стул и тянут щипцами язык изо рта. Если он пытается убрать язык, его протыкают. С губ течет розовая слюна. И электрический разряд подобен струе едкого раскаленного песка. Он в отчаянии стискивает зубы, жует свой собственный язык, давится солоноватой липкой жижей. До сознания медленно доходит слово; оно повторяется, близится, нарастает: «Встать!» Он поднимается. Руки и ноги — свободны. Он ступает ослабевшими ногами, подталкиваемый в спину. Распухший язык, высовывающийся изо рта, затрудняет дыхание, но боль не чувствуется. С глаз снимают пластырь. Впереди — открытая дверь. Велодром. На его плечо опирается рука. Позади — еще двое.

Тех только били. По лицу и животу, пинки в пах. Их сбивали наземь и поднимали вновь. В «капюшонах», которыми они были накрыты, остались раздробленные зубы и пара раскрошенных очков. Они пробыли там почти четыре часа. И их ни о чем не спрашивали.

Мы позвали унтер-офицера, который говорил с нами, когда мы вернулись на стадион с велодрома, и потребовали прислать врача, чтобы он освидетельствовал раны четырех парней. Вскоре появился главврач военного госпиталя, который сделал запись и назначил лечение. Некоторое время спустя он прислал лекарства. Врачи из арестованных, оказавшиеся в нашей раздевалке, выхаживали их на протяжении нескольких недель, пока не поставили на ноги. Все четверо отказались от госпиталя. Они предпочли лежать на полу помещения, битком набитого человеческими существами, среди которых можно спать спокойно.

Мы выразили унтер-офицеру наши гневные протесты. Он выслушал и вышел. Впоследствии он проинструктировал нас: «Чтобы никто не выходил отсюда без моего распоряжения, моего указания, а если другая воинская часть вас затребует, вы можете выйти лишь под охраной моих людей, которые будут держать ответ передо мной!»

Впредь так и было. К нам заходили карабинеры, представители авиации и флота, разыскивая людей. Если они требовали перевода отобранных в другое место, в сопровождение отправлялась военная охрана нашего сектора. Иногда они выходили с бумагами, на которых стояли подписи и печати. Мы не знали, что делали с этими заключенными, знали лишь, что на стадион они не вернулись.

Какую цель преследовали допросы этого периода?.. Они спрашивали об оружии и все о том же плане «Зет». Если бы трудящиеся, десятками тысяч которых был набит стадион, располагали оружием, они не были бы заключенными.

Путчист Пиночет впоследствии заявил в печати, что в его руках находились нити заговора за много месяцев до переворота.

Если пытавшие нас офицеры верили в существование плана «Зет», согласно которому якобы подлежали физическому уничтожению все высшие чины вооруженных сил,— они были обмануты. А если они знали правду — что заставляло их истязать и убивать? На этот вопрос мы никогда не могли ответить ни на стадионе, ни в концлагерях, где мы томились месяцами, годами.

Быть может, единственное объяснение этих злодеяний кроется в стремлении покарать «эту рвань», оставить у нее такие глубокие рубцы, чтобы она никогда не помышляла о том, чтобы править в Чили.

«СВОБОДА»

Мы играли в шахматы и жевали корки от бананов и апельсинов. Появились самодельные карты, нарезанные из пустых сигаретных пачек. В нашей игре условной ставкой была порция мяса и бутылка вина. Подбирая трефовую масть, мысленно мы с жадностью поедали сосиски и кровяную колбасу, дюжину сочных пирогов с мясом, увесистые грозди мускателя, поджаренный хлеб, яичницу. У более осторожных ставкой был суп из птицы или из морского угря. Все эти видения беспокоили нас по ночам, когда кости переставали ныть от непривычного положения, и мы забывались тревожным сном. Нам удавалось как бы испытать все вкусовые ощущения, хотя желудки наши по-прежнему были пустыми. Так было во сне и во время партий в карты.

Однажды в субботу, в начале октября, когда мы пеклись под солнцем, сидя на трибунах с неразлучными картами в руках, громкоговорители пролаяли список заключенных, которым было приказано построиться перед Черным диском. Означавший место сбора арестованных для допроса, он был установлен под навесом перед президентской трибуной. На сей раз все вызванные были журналисты. Оскар Вейсс, главный редактор газеты «Насьон», Карлос Наудон из журнала иезуитов «Менсахе», Альберто Гамбоа, главный редактор газеты «Кларин», Мануэль Кабиесес, главный редактор журнала «Пунто Финаль», Франклин Кеведо, руководитель радиоцентра Государственного технического университета, Гильермо Торрес, репортер газеты «Эль Сигло», Рамиро Сепульведа с радиостанции «Магальянес», я и еще многие из названных и других органов прессы, радио и телевидения.

Разговаривал с нами чиновник из министерства внутренних дел. Он сообщил о решении хунты немедленно освободить нас по просьбе Правления Коллегии журналистов. Между хунтой и журналистской профессиональной организацией — отношения хорошие, сказал чиновник. Президент Коллегии Карлос Сепульведа только что назначен главным редактором газеты «Патриа», начавшей выходить в разгар переворота, вместо официального органа правительства Народного единства газеты «Насьон».

— Есть среди задержанных журналисты, которых я не назвал? — спросил он.

— Есть. Родриго Рохас, которого содержат в изоляции в гардеробной под трибунами «Анды».

— Рохас... а как полностью?

— Рохас Андраде.

— Хорошо. Я запишу его имя, чтобы внести в список. Вы все были на допросе?

— Все.

— Подождите немного здесь, я составлю бумагу, и вас отпустят на свободу.

Мы боялись поверить в такое счастье. В полдень мы сможем вернуться к нашим семьям! Радовался и Анхель Парра — композитор и певец. Его вызвали вместе с нами и сообщили, что в министерство иностранных дел поступило из других стран столько требований о его освобождении, что хунта их удовлетворила.

Впервые после стольких дней неизвестности, сомнений, побоев, изоляции мы снова вместе. Как будто прибыли на место события и толпимся в ожидании, чтобы потом сообщить обо всем в наши редакции. Недостает только фотоаппаратов, магнитофонов и блокнотов. Казалось, вот-вот мы ринемся к телефонам, чтобы успеть попасть в рубрику «последние известия».

Но информацию, подтверждения которой мы здесь ждем, не удастся опубликовать. Органы печати, в которых мы работали, уже закрыты. Так что, когда сообщенная нам новость будет подтверждена, мы будем переживать ее во время исступленного бега к зажавшейся жене, детям.

Прошло несколько часов, когда, наконец, появился посланец от чиновника.

— Возвращайтесь на свои места. Когда документ будет составлен, подписан и скреплен печатью, мы вызовем вас на это самое место.

Товарищи в раздевалке обнимали меня, прощаясь. Я благодарил, подбадривал их. Говорил им, что солидарность, которая вырвала нас из этого концлагеря, освободит их также. И скоро. Эта короткая встреча старых товарищей по работе в газетах, на радио и телевидении позволила нам обменяться новостями.

Переворот, убийство Альенде потрясли весь мир. Протесты против преступлений и арестов стали шириться с первого же дня путча. Некоторые страны объявили национальный траур по убитому президенту Чили. ООН обратила внимание на зверства, совершаемые солдатами Пиночета в нарушение всех существующих международных соглашений о правах человека. Европейская социал-демократия, как и христианские демократы, осудила переворот. Последние заявили об этом руководителям христианских демократов Чили, искавшим по миру поддержки диктатуре. Хри-

стианская церковь страны отмежевалась от хунты в своих проповедях и учредила организацию солидарности с заключенными, поддерживая их семьи, беря на попечение сирот, помогая вдовам. В адрес чилийской Коллеги: журналистов стали поступать со всех концов мира заявления профессиональных организаций работников средств массовой информации, требующие нашего освобождения. Иностранные представительства в Сантьяго переполнены теми, кому было отказано в выезде из страны. Дипломаты, аккредитованные в Чили, требуют освобождения своих соотечественников, заключенных на Национальном стадионе.

Анхель Парра сказал мне: «Я не очень надеюсь. Думаю, что сегодня не выберусь отсюда. Скорее, в следующую пятницу, не раньше».

— Да брось ты,— говорил я ему.— Сегодня же и выйдем. Даже до часу дня, до обеденного перерыва в учреждениях. Ведь не зря приезжал этот чиновник. Сейчас он определенно сидит за пишущей машинкой или возвращается из министерства обороны с оформленным по всем правилам документом.

Но Анхель Парра имел основания для пессимизма. Двумя неделями раньше его вызывали к Черному диску, чтобы сообщить то же самое. Мы попрощались тогда. Уходя, он подарил мне целлофановый пакетик с конфетами.

— Чтобы заморить червячка,— сказал он мне.— Скоро я буду сидеть дома за столом и уплетать что-нибудь более существенное.

Но Парру не освободили. Его изолировали в пустом бассейне, откуда перевели к нам, когда там стали размещать задержанных женщин.

В эту субботу нас не вызывали к Черному диску. В воскресенье и понедельник — тоже. Во вторник вызвали Парру. Наконец. Всего доброго. Удачи тебе. Остается сбежать вниз с трибуны, потом — задержка у Черного диска и — в сопровождении двух солдат — к выходу для марафонских бегунов. Скоро вызовут и нас, думали мы, стараясь удержать надежду, которая неотвратимо улетучивалась из-за редкостной неточности высокого правительственного чиновника.

Анхель Парра вернулся около полуночи. Бледный, в изорванной одежде, весь в синяках, окровавленный.

С ним случилось следующее. Его отвели на велодром. Накинули на голову нечто вроде капюшона и принялись избивать. Его били куда попало на протяжении нескольких часов. Обливали водой, когда он терял сознание, и снова били. Ему ничего не говорили и ни о чем не спрашивали. Он провел еще шесть месяцев в заключении в Чакабуко. После этого его выпустили на свободу и лишь полгода спустя разрешили покинуть Чили. Он увез с собой новые песни, написанные в застенках.

Тюремный телеграф приносил все новые тревожные вести

о допросах, которым подвергали Родриго Рохаса, бывшего главного редактора органа компартии газеты «Эль Сигло». Грузный советник президента Альянде по пропаганде возвращался в раздевалку под трибунами «Анды», где содержали в изоляции особо опасных. Он был в полубессознательном состоянии, в кровоподтеках, продолжал содрогаться от перенесенных ударов электротоком. Он сильно исхудал. Трижды его, как и многих других, выводили на казнь, имитируя расстрел. Затем избивали. Несколько раз во время сна у него начиналась кровавая рвота. За ним приходили утром и приводили вечером. Однажды притащили без сознания. На шее у него болтались связанные шнурками ботинки. Он еле волочил ноги. Ступни его распухли от ударов резиновой дубинкой. Но на этом допросе, как на предыдущих и последующих, палачам не удалось вырвать ни слова у этого кристально чистого, мужественного человека, члена Политкомиссии Коммунистической партии.

Во второй половине октября нас, журналистов, снова вызвали по радио. На сей раз мы заранее знали, зачем. Один из офицеров, наш друг, сообщил, что здесь, на стадионе, документация на заключенных находится в невообразимом беспорядке. Перепутаны и частично утеряны протоколы допросов. А те, что уцелели, смешались с другими бумагами при переезде хунты: раньше ее резиденцией было министерство обороны, теперь она разместилась в Доме Габриэлы Мистраль, переименованном в Дом Диего Порталеса (бывший дворец ЮНКТАД)*. Поэтому, объяснил офицер, чтобы избежать еще большей путаницы и поскорей выпустить вас на свободу, снова будет допрос. Скорее всего, это будет простая формальность. Надо постараться вспомнить свои прежние ответы и повторить их.

Здесь, в помещениях над трибунами, работали комиссии следователей, представляющих все рода вооруженных сил. Два дня мы дожидались очереди на внутренней лестнице. На третий нас перевели под президентскую трибуну, на скамьи для содержащихся в изоляции. Около полудня я попросил у сержанта разрешения сходить в туалет. Он приказал солдату сопровождать меня. Когда мы пришли, охранник остался снаружи, рядом с другим, который тоже привел заключенного.

Так я встретился с Самуэлем Рикельме. Мы знали, что хунта занесла его в список «десяти самых опасных в Чили, разыскиваемых в первую очередь». До переворота он был заместителем начальника Управления уголовного розыска в министерстве внутренних дел. 11 сентября он находился на своем посту, в Управлении. Когда пало правительство и был убит Альянде, он собрал в конференц-зале личный состав и сказал:

* Международная конференция по торговле и развитию. (Прим. ред.).

«Сеньоры, вы знаете, что я назначен конституционным правительством, только что свергнутым в результате фашистского переворота военных. Моя должность пользуется особым доверием Президента Республики. Я не признаю незаконную власть, захваченную в реакционном путче, и поэтому слагаю с себя полномочия. Вместо себя назначаю префекта Ромеро, самого старшего среди нас по выслуге лет и по званию. Но прежде чем уйти, хочу поблагодарить вас за верность, с которой вы поддерживали решения Управления и Народного правительства. И еще: процесс перемен, начатый чилийскими трудящимися и временно прерванный предательством, возобновится. Мы вновь освободим нашу Родину. Тогда снова потребуются ваше честное сотрудничество. Ваше мужество, действенность, ваш патриотизм. Мой последний приказ: Да здравствует Чили!»

Работники угрозыска ответили ему аплодисментами. Рикельме попрощался за руку с каждым инспектором и префектом. Взял свой портфель и вышел. Так же пешком, как ходил на работу, он отправился по улице Генерала Маккенны к себе, в рабочий квартал. Его укрыла пролетарская солидарность. Фотография Рикельме появилась на первой странице газеты «Терсера» и газет концерна «Меркурио». В конце концов он был схвачен и снова исчез.

Хунта не доверяла сыскной полиции, и в ту же ночь 11 сентября воинские части окружили казарму «Генерал Маккенна», взяли детективов на прицел, а затем надели на них наручники. В том же конференц-зале, где с ними прощался Рикельме. Этой операцией командовал генерал Баэса, который на следующий день был назначен начальником Управления угрозыска...

И вот сейчас, в туалете Национального стадиона, появляется Самуэль Рикельме, ответственный работник нашей партии, еще недавно пышущий здоровьем человек... Лицо его — сплошное фиолетовое пятно, он весь в ссадинах, изможденный, с темными кругами под глазами. На щиколотках и запястьях — струпы и рваные раны от колючей проволоки, темно-лиловый живот. Его держали в изоляции, в помещении напротив этих уборных, без пищи и одеяла. На нем были лишь брюки без ремня, изорванная грязная рубаша и ботинки без шнурков. Все это дурно пахло.

— Я доволен. Этим гнидам не удалось вырвать у меня ни единого слова.

— Постараюсь, чтобы товарищи принесли тебе поесть и одеться.

Больше мы не разговаривали. За дверью нас поторапливали солдаты. Я сообщил новость группе журналистов. От нас она разойдется быстро, так как к нам часто подходили товарищи и мы обменивались информацией.

Группа обслуживания принесла похлебку из фасоли. В этой группе работал Луис Альберто Корвалан. Разнося котлы с похлебкой и корзины с хлебом, он мог бывать в разных уголках стадиона. Мы рассказали ему о Рикельме, о том, в каком виде его доставили и об условиях в одиночке. Луис Альберто, собирая чашки и ложки, обошел все отсеки раздевалки южного сектора. Заключенные, которым он приносил пищу, услышали от него: «Товарищи, только что привезли одного из коммунистических руководителей, он в очень тяжелом состоянии. Его зверски пытали. Он почти нагой, ему не дают есть. Поделитесь, чем можете, а мы с группой постараемся передать ему».

Неизвестные люди передавали куски хлеба, наполовину выкурные сигареты, сахар. Появились две рубашки, носки, зеленые и красные таблетки витаминов. Рвали пополам одеяла, чтобы пронести их незаметно. Корвалан не расставался со своей ценной ношей, обходил коридоры, переходы, пока не разыскал нужную дверь. Подменив товарища из группы обслуживания, он проник в одиночку, передал подарки и обнял Рикельме.

«Сын «Тигра»!» — поблагодарил его тот.

Луис Альберто прошел через те же испытания, что и Рикельме. И как Рикельме, он был согрет солидарностью и братской поддержкой товарищей, пусть скромной, но очень ценной — ведь они отдавали последнее из того, что имели.

Два дня спустя заместитель начальника угрозыска Народного правительства был помещен вместе с уголовниками. Хунта рассчитывала, что эти торговцы наркотиками расквитаются с тем, кто их беспощадно преследовал, что они покончат с ним, завершив так удачно начатое хунтой дело. Однако эти преступники с уважением отнеслись к Рикельме, поделились с ним обильными запасами еды, которую разрешали передавать для них. Его огромная физическая сила помогла ему перенести пытки электричеством, побои, голод. Авторитет этого человека спас его от смерти, уготованной ему в одной из раздевалок Национального стадиона. Его мужество, политическая честность и моральная чистота возвысили его даже в глазах тюремщиков.

Наконец на четвертый или пятый день нас начали вызывать на допрос.

Допрашивали в отсеках помещения над трибунами, разгороженного переборками из дерева и стекла, с коридором посередине. Здесь, в коридоре, обычно ставили по шесть человек заключенных. Их вталкивали сюда и, накинув на голову мешок из-под картофеля, доходивший до пояса, быстро поворачивали на месте несколько раз. Затем толкали к стене, строго приказав не шевелиться, и они застывали, застигнутые окриком в разных положениях. Так они простаивали долгие часы — молча, ничего не видя, запуганные.

Меня направили в один из отсеков. Письменный стол, кресло, пишущая машинка и стул.

— Выверни карманы. Все содержимое — на стол.

Скомканный носовой платок, ключи, удостоверение личности, несколько апельсиновых корок, припрятанных на ужин, ненужный теперь галстук, щипчики для ногтей, безрукавка, которую я надевал на ночь и когда стирал рубашку. Кроме того, мыло, расческа, зубная щетка, семь эскудо, пара пуговиц, картонный календарь, в котором я отмечал дни, проведенные в заключении, картонная коробка с фишками домино, нарисованными рукой Альфаро — привратника на нашем радио, и гвоздь. Да еще шариковая ручка. Все мое имущество. Весь мой багаж. Полотенце и неразлучное одеяло я повесил на спинку стула.

Вошел офицер. Думаю, что по чину он был что-то вроде капитана карабинеров. В летах, плотный, круглолицый. Провел ладонью по моим вещам, отбрасывая одни предметы, внимательно разглядывая другие. Взял двумя пальцами удостоверение личности и сел за машинку.

Спросил мое имя, домашний адрес, гражданское состояние и все это напечатал. Рядом допрашивали Кабиесеса и Гамбоа. Я слышал выкрики допрашивающих. Этот также не говорил, а кричал. Им надо было, чтобы их слышали люди, стоявшие в коридоре с мешком на голове.

— Где ты вступил в компартию?

— В Сантьяго.

— Что ты делал в Совете по пропаганде при Канцелярии президента?

— Занимался политической пропагандой.

Это было похоже на диктант. Задав вопрос, он смотрел на меня, слушая, затем склонялся над стареньким «Ундервудом». Я старался как можно точнее повторять свои ответы на предыдущем втором вопросе. Но этот офицер хотел копнуть глубже.

— Почему тебя направили на работу в Ла Монеду?

— Все, кто в избирательную кампанию участвовал в пропаганде в пользу кандидата в президенты от Народного единства, вошли потом в состав Отдела радиовещания при Канцелярии президента. Я стал работать в Совете.

— В каких средствах массовой информации ты занимался пропагандой во время избирательной кампании?

— На радио.

— На радио горняков?

— Нет. На всех радиостанциях, которые шли на сотрудничество с нами.

Повторив подробности о работе Совета, я обстоятельно рассказал о планах, состоявших в том, чтобы публиковать выступления президента, донести до народа содержание программы

правительства Народного единства и информировать о его достижениях. Сказал об отказе радиостанций правых передавать наши программы и о распоряжениях правительства, запрещающих их деятельность, которые тут же отменялись судебными властями.

Офицер все напечатал. Он кричал. Бросал мне в лицо упреки. По несколько раз задавал одни и те же вопросы, но грубостей не говорил.

— Почему ты перешел из Канцелярии президента на радио КУТ?

— Там можно было больше заработать.

Снова вопросы о плане «Зет», о моем мнении относительно вооруженных сил.

Он протянул мне плотно исписанные страницы и предложил подписать.

Я расписался.

У другого стола, где допрашивали Гамбоа, звучали пощечины: тот был главным редактором газеты «Кларин», а в ее редакционных статьях, которые он писал, карабинеры назывались «стрелками из-за угла». После каждого вопроса у него выхватывали ножницами клочок волос на голове и срезали усы. Кабиесес отвечал на вопросы о политической линии, проводившейся в редакционных статьях вечерней газеты «Ультима Ора». Допрашивавшие не знали о существовании журнала «Пунто Финаль», издания куда более задиристого, чем газеты социалистов.

После допроса нас перевели в раздевалки, где содержались «свободноговорящие». Наша изоляция закончилась, однако новое положение мало чем отличалось от прежнего, ибо нам все так же запрещались свидания с близкими, не разрешалось писать и получать письма. Единственное, что нам было позволено, — записки в одну строчку, которые наши жены передавали для нас у входа на стадион.

В те дни я получил весточку из дома, узнал, что моя жена вышла на свободу. Я до сих пор храню этот пожелтевший листок бумаги. Он как поэма. Имея надежный тыл, как писал Корвалан своему сыну Луису Альберто, можно вынести все, что угодно, как бы долго это ни тянулось. В ту ночь я спал, наконец, спокойно. Мне уже было неважно, что новый допрос (или допросы) может оказаться безрезультатным, что это лишь тактика, впоследствии хорошо нами изученная: заронить надежду на освобождение, а потом упрятать еще подальше.

«Ждем тебя. Надеемся. Анна».

Я занялся анализом содержания записки. «Ждем», во множественном числе, означает, что все члены семьи живы, а подпись — «Анна» — подтверждает, что жена уже не в концлагере.

Осталось немного до двух месяцев, к которым меня приговорили в министерстве обороны. Эти допросы определенно не что

иное, как попытка хоть как-то оправдать длительное заключение. Обвинение в деятельности, связанной с принадлежностью к какой-либо из партий Народного единства и рассматриваемой теперь хунтой как «преступление», нам не предъявлялось. Нас держали в заключении исключительно с одной целью: проучить. Они считают, что с меня достаточно шестидесяти дней, хотя я уже начинал сомневаться в правдивости обещаний чиновника из министерства о моем освобождении. Но еще не разуверился окончательно.

Как я ошибался! Я думал, что я уже знаю хунту. Строил иллюзии о двухмесячном заключении, а мне предстояло провести в неволе два года. Прошло 716 дней, прежде чем я смог соединиться с семьей, женой и детьми, в кабине самолета, уносившего нас в изгнание.

Но обретя надежный тыл, я завернулся в одеяло мышиного цвета и наконец-то забылся глубоким сном.

«ПЕРЕБРОСКА»

Пара ног в солдатских ботинках, военная форма и каска морского пехотинца. Его винтовка направлена на нас, пока мы едим горячую фасолевую похлебку, сидя на палубе сухогруза «Андальен». Сквозь расставленные ноги охранника мерцают далекие огоньки на холмах Вальпараисо. Быстро моем миски и один за другим исчезаем в трюме. По десятиметровой стальной лестнице наверх поднимается следующая группа. За одну минуту надо успеть вылезть на палубу, проглотить похлебку и снова — вниз.

Расстилаем на полу одеяла, готовясь ко сну. Под потолком в центре металлического прямоугольника тускло светит покачивающаяся на шнуре единственная лампочка. Еще два трюма, таких же, как этот, заняты остальными заключенными. Всего — пятьсот человек. «Наиболее опасных в Чили», — сообщили в этот день газеты Сантьяго.

Почти не было заметно, когда буксиры стали выводить судно в открытое море. И только по стуку двигателей мы поняли, что уже плывем.

Лежа на спине, без рубашки, некоторые курят. Другие спят, подложив под голову скатанную одежду.

Операция «переброска» заняла у них целый день. Рано утром нам приказали построиться, взяв чемоданы и рюкзаки. Весь наш багаж, который 4 ноября принесли на Национальный стадион наши родные. Нас вывели на гаревую дорожку и несколько раз сделали перекличку. После полудня, разбив на группы по тридцать человек, погрузили в автобусы, и в три часа дня автоколонна тронулась в путь. Впереди — спецмашина, карабинеры на мотоциклах и джипы с пулеметными расчетами, затем автобус с тридцатью узниками, которых держат под прицелом двадцать охранников, и дальше — джип, автобус, джип, автобус... Колонну замыкают также спецмашины и мотоциклисты. Но это не все: в воздухе кружат два вертолета и легкий самолет с пушечным вооружением.

Двумя днями раньше было официально заявлено, что нас

переводят в Чакабуко, в пустующие служебные помещения бывших селитряных рудников, которые находятся в пампе, между Антофагастой и Каламой. Там, как нам сказали, нас продержат от двух до четырех месяцев, пока «будет решаться» наша дальнейшая судьба.

Иными словами, не имея конкретных улик для предъявления обвинения и, следовательно, возможности судить нас военным трибуналом, секретная служба вооруженных сил занималась расследованием нашей политической деятельности до 11 сентября.

Если за нами ничего не найдут, нас выпустят на свободу. В противном случае отдадут в руки правосудия (?) — военного или гражданского. «Но ни в коем случае вам не придется сидеть там больше того срока, который я назвал», — заявил уже знакомый нам полковник Эспиноза. Он лично руководил операцией «переброска», отдавая распоряжения, проверяя списки, обливаясь потом под каской, с автоматом в левой руке, пистолетом за поясом и болтающимся на шее биноклем. Его синюшное от пристрастия к спиртному лицу выражало горделивое самодовольство вояки, непреклонного с подчиненными, высокомерного с нами, с презрением выдерживавшими взгляд его водянистых глаз.

Фигура Эспинозы с огромным животом, над которым то и дело взлетала указующая длань, маячила во главе колонны от ворот Национального стадиона в Сантьяго до одного из причалов Вальпараисо, где нас загнали на судно, приказав побросать в трюмы наши пожитки, прежде чем спуститься самим.

В трюме стоит белая селитряная пыль. Одежда, узлы с пожитками, руки стали белыми от солоноватого порошка. Мы соорудили веники, чтобы по возможности расчистить место, где можно было бы сесть или лечь.

Четыре разрезанных пополам бочки из-под нефти, предназначенные под «параши», недолго оставались пустыми. Зловоние от них смешивалось с резким запахом потных тел, запертых в металлических недрах корабля. Воду нам давали один раз в сутки, спуская шланг.

Мы радовались, покинув Национальный стадион, и хотя Чакабуко не внушал доверия, мы смотрели друг на друга преполненные оптимизма, более того — довольные. Нас не трогали угрозы и оскорбления — обычный набор поучений со стороны военных. Не пугало шелканье винтовочных затворов у нас за спиной. Брошенные в затхлую тесноту трюма старого судна, мы находились едва ли не в худшем положении, чем на стадионе, но в потемках, которые казались гуще от табачного дыма, мы вновь стали улыбаться. Почему? Может быть, мы сошли с ума? Или не знали, что четыре месяца, обещанные нам, — ложь?

Нет, мы знали это. Как и то, что эвакуация из Сантьяго озна-

чала лишь способ очистить превращенный в концлагерь огромный стадион, который оказался в центре внимания страны и международного общественного мнения. Разве мы не слышали всего несколько часов тому назад криков истязаемых людей и не видели, как все время прибывают новые партии арестованных? Разве нас не угнетал страх тех дней? А постепенное методичное, злобное уничтожение организационной структуры, кропотливо созданной рабочим классом и народным движением, о чем военные твердили нам, бахвалясь?

Да, мы знали, что диктатура рьяно принялась за эту работу. Или мы не видели роскошные особняки с вывешенными 12 сентября флагами, когда нас переводили на стадион «Чили»? Или как рано утром «спасители» Чили, надравшись шампанского, шли вслед за танками и грабили то, что было добыто и создано усилиями чилийцев? Мы видели это.

Мы видели, как открылись подвалы «мумий», забитые скупленными продуктами. Как прекратилось блокирование всех городов (начатое до 11 сентября с целью не допустить поставок и вывоза продовольствия), выполнив задачу по удушению Народного правительства. Все это было так. А разве тонкая сеть, сотканная империализмом и поддерживаемая долларами США, которая в течение трех лет постоянно опутывала страну, вызывая на рынке искусственную нехватку продуктов, не распалась автоматически? Разве не обнажил свои намерения госдепартамент США, прекратив экономический бойкот Чили сразу же после свержения президента Альенде? Да, это так.

Да, мы подтверждаем, что теперь правительство — это четыре генерала-предателя, хитроумно направлявшие свои секретные службы, которые взрывали мосты, опорные мачты линий электропередачи, убили начальника охраны президентского дворца майора Арайю, чтобы создать обстановку анархии и хаоса, заранее обезглавить охрану. Так было, да. А внедренные в ряды Народного единства подстрекатели, подбивавшие на ультрареволюционные крайности, не оказались ли потом в своем подлинном качестве, как агенты разведслужб вооруженных сил, среди тех, кто пытал и убивал? Да, оказались.

Но тем не менее, мы, еще оставшиеся в живых, более или менее целые, барахтающиеся в остатках селитры в душном чреве судна, которым не довелось даже побыть вместе с вдовами и сиротами убитых товарищей, чтобы разделить их горе, пользуемся этой темнотой, чтобы... улыбаться и подбадривать друг друга.

Откуда же берется, на чем зиждется воскресающая надежда? На мечтах, иллюзиях, сказках? Нет. Мы воспрянули духом во время переброски, когда со стадиона нас доставили напрямик в Вальпараисо и набили нами трюм корабля.

Вот так это было. Начало ноября. Воздух накален палящим солнцем. Национальный стадион ремонтировался, когда мы покидали его в последней партии арестованных. Снаружи — от барьеров с турникетами до прилегающих к стадиону улиц — сотни, тысячи женщин, в молчании сопровождающих взглядом движущуюся колонну. Они обступили центральные ворота и выход к Ньюбле. Жены заключенных, их матери, дети. Старушки в накинутых на плечи черных шальных, одетые в светлое девушки. Руки прачек со вздувшимися венами.

Женщины знают, что нас переводят, но не знают — куда. Как всегда, они пришли нести караул солидарности и спрашивать, просить, требовать. Как все эти дни в сентябре, октябре, ноябре — с утра до момента, когда наступающий комендантский час заставляет их возвращаться, понурясь, к своим полупустым очагам. Они видят, как нас ведут к автобусам между шеренгами солдат. Поднимают руки, машут платками. Приглушенный расстройством, до нас долетает сладостный звук их голосов. Мы не можем ответить им. Каждый из нас тщетно пытается отыскать в толпе родное лицо.

Извивающаяся колонна автобусов приближается к боковому выходу. За стадионом женщины движутся в том же направлении, что и мы. Бегут с детьми на руках. Открытые в крике рты, платья без рукавов, в руках — цветы; развевающиеся за спиной волосы; волосы, связанные в пучок, заплетенные в косы. Девочки в школьной форме. Когда мы выезжаем из ворот и машины набирают скорость, женщины образуют бурлящий проход — многоцветье женских нарядов, улыбки сквозь накипающие слезы. Они машут платками, цветы осыпаются от неистовых взмахов. Ощетинившиеся стволами шеренги не подпускают их близко. В глазах женщин — нежность, скорбь, бессилие. Рыдания, слова прощания, пакеты с приготовленной для нас едой. В окнах везущих нас автобусов, как в рамках, — их бегущие фигуры.

Пробки на каждом въезде на улицу, на каждом пересечении дорог, на каждом железнодорожном переезде. Постоянное оцепление в пути: танкетки, джипы, радиопатрули, мотоциклисты, солдаты в касках, все время стоящие к нам спиной, в состоянии боевой готовности ожидающие налета неких освободителей, собирающихся выволочь свирепых оборванных бестий, сидящих, как в клетке, внутри этой грозной моторизованной колонны победителей.

Колонна эта, дефилирующая среди бела дня, подобно цирку, призвана привлечь зрителей — хунта преподает урок. «Дамы и господа! Вот они — марксисты: беспомощные арестанты. Гляньте на эти ничтожества! Умиляйтесь нашим мужеством — и все это задаром, сеньоры!»

Эспиноза, сидящий на переднем сиденье джипа с портативным передатчиком, делает вид, что отдает приказ своему штабу: величественный жест, негнушающаяся рука.

«Подходите, дамы и господа, но только — до цепи охранения! Полюбуйтесь! Развлекитесь! Похлопайте нам! До чего ж мы отважны! И сколь чудовищны эти закованные звери, которые отныне не смогут бродить по улицам наших городов и кусать, огрызаясь! Единственное в своем роде зрелище, дамы и господа! Все — бесплатно для взрослых и детей, уважаемая публика! И мотайте на ус! Если среди вас есть марксистская рвань — пусть поглядит на свое завтра: оно — здесь, у наших начищенных ботинок! Марксистские собаки! Подонки! Клоака! Дерьмо! Так-то, дамы и господа, вот так, уважаемая публика!!»

Естественно, что операция собрала огромные толпы жителей столицы, а потом и портового города. Привлеченные оцеплением на улицах, развернутыми воинскими частями и их вооружением, снующими в воздухе вертолетами и кружащими самолетами, люди стекались отовсюду, чтобы поглядеть на прохождение этого невиданного конвоя с политзаключенными, «батальонами самоубийц из Народного единства», как писали газеты.

Они слышали сначала приближающийся вой сирен, потом появлялись мотоциклисты, а затем — автобусы с «военнопленными». Широко раскрытыми глазами смотрели люди на чудовищную демонстрацию сил подавления. Толпы безмолвствовали. Не аплодировали солдатам, не восхищались их выправкой, не улыбались им, не приветствовали. Люди смотрели и пытались отыскать среди лиц заключенных знакомые черты своих близких. Из микроавтобусов, остановленных триумфальным кортежем, выходили пассажиры и смотрели. Без комментариев, не делясь впечатлением с соседом. Их брови осуждающе хмурились. Одна женщина поднесла ладонь ко рту, сдерживая крик, другая сжала кулаки, стиснула зубы. По лицам обеих катились слезы. Угрюмые, неподвижные фигуры мужчин. Колышущийся лес женских ладоней, которые шлют нам прощальный привет; скорбные женские улыбки, по-матерински любовные, адресуются нам. Да, они — с нами.

Да, пели их лица, мы — с вами. Если наше присутствие хоть чем-то полезно вам — мы здесь, друзья. Вот замелькал белый с каймой платок, взмыл для нас в воздухе и опустился, чтобы осушить слезы. И снова — ладони, руки, платки — импровизированный немой хор. И гнев, ненависть к тем, кто сопровождает нас, — теперь уж не таким надменным, как до этого. Это уже не римские гладиаторы, размахивающие на арене схваченной за волосы отрубленной головой противника. Сейчас — это просто охранники, тюремщики, выполняющие неблагодарную работу.

Более ста километров солидарности, выраженной тысячами чилийцев, и лишь один раз мы видели жест, осуждающий нас. Это была молоденькая девушка, со своей матерью, мимо которых проезжала наша колонна по проспекту Аргентина в Вальпараисо. Среди моря братских симпатий эта девушка вытянула руку, сжатую в кулак с отогнутым книзу большим пальцем. Это означало «смерть заключенным!» Люди отшатнулись от них. Мать и дочь остались одни. Дочь повторяет свой жест. Мать размахивается и бьет ее по лицу. Схватившись за щеки, девушка опускает голову с растрепавшимися от пощечины волосами. Взглядом мать просит у нас прощения. Она поднимает руку и машет, прощаясь с нами. Толпа смыкается вокруг них, и снова колыхается лес рук, который встречает и провожает нас, приветствуя.

Этот марш, задуманный его организаторами как гражданская казнь, явно обернулся триумфом арестованных патриотов. Сто километров солидарности с узниками. Сто километров протеста против насилия. К такому выводу пришли мы, пренебреженные гордости. Такой же вывод сделала хунта, на полдня отсрочившая нашу высадку в Антофагасте, отменившая процессию по главным улицам города.

Стихийное проявление на всем пути следования горячего участия к нам со стороны этой людской массы, состоявшей в основном из женщин, не означало, что здесь — лишь вдовы и родственники погибших. Огромное скопление людей говорило о том, что на улицы вышли не только те, кого непосредственно заделали репрессии.

Женщины знали, на какой риск шли, какой опасности подвергались. И это — всего лишь три месяца спустя после переворота, когда целые кварталы прочесывались в облавах, во время которых с одинаковой жестокостью обращались с мужчинами, женщинами и детьми. Мы поняли их безмолвные послания. Каждый из нас обменивался мнением с друзьями, расшифровывая смысл этих летучих видений, и все мы прочли эти послания так: Верьте, братья. Наше дело живет. Нас, как и раньше, — большинство. Мы еще организуемся и вернем временно утраченное, чтобы пойти еще дальше!..

«Андальен» спокойно шел уже почти три дня. Однообразие плавания было нарушено морским офицером с пронзительным голосом, приказавшим построиться и пересчитаться. Три раза за день нас выводили на одну минуту на палубу для завтрака, обеда и ужина. Заболевших товарищей мы поднимали наверх, привязывая веревкой себе на спину.

Мы выгрузились в Антофагасте 10 ноября перед восходом солнца. Порт охраняли танки. Последовала погрузка в поезд узкоколейки, и мы тронулись в путь под охраной батальонов,

одетых в маскировочные костюмы для боя в пустыне. Нас уже везли тайно, избегая гласности. Неизвестные друзья по-братски простились с нами. Причем они сами обратились к нам с предложением доставить нашим родным письма, написанные во время плавания. Они доставили наши весточки по назначению.

Так нам стала известна еще одна немаловажная деталь: среди военных нет полного единомыслия с хунтой.

«С ПРИБЫТИЕМ»

Железнодорожная станция, куда нас привезли, расположена в небольшой котловине, представляет собой зацементированную на уровне рельсов площадку, всю в трещинах, без намека на навес, какое-либо помещение или хотя бы билетную кассу. На столбе доска с надписью: «Чакабуко». Вокруг — каменистые холмы и отработанная порода. Безлюдная проселочная дорога сворачивает вправо и теряется за полузаброшенным кладбищем. Еще можно различить поблекшие краски венков из бумажных цветов, лежащих на осевших в песок могилах. Прозрачный, сухой воздух, лишенный аромата зелени. Как в кратере вулкана. Ни деревьев, ни травы, ни птиц, ни облаков. Нешадно палит солнце, обжигая кожу. Жара под сорок.

Раздается свисток и «кукушка» останавливается. В тамбурах каждого вагона — солдаты. Полусонные, мокрые от пота, измученные жаждой, мы встаем со своих мест, длинных сплошных скамей по бокам вагона, с узким проходом посередине. Сваливаем на пол свои вещи: чемоданы, сумки, корзины, пакеты и готовимся к выходу, ожидая приказа.

Нас выстраивают в центре вытянутого котлована. Наверху заняли боевую позицию солдаты с автоматами наизготовку. С бронетранспортеров на нас смотрят крупнокалиберные пулеметы. Полная тишина.

— Рассчитаться по порядку!

— Первые пятьдесят, с вещами — в грузовик. Бегом!

В двадцати метрах — пустой армейский грузовик со знакомой надписью на дверце: ПАМ (Военная помощь США). Бежим к нему, забрасываем вещи в кузов и залезаем, помогая старикам и изувеченным. Грузовик трогается, и, пытаясь удержаться, валясь с ног, хватаемся друг за друга. Некоторые падают.

Один бронетранспортер — впереди, другой следует за нами. Ухабистая, в белесых рытвинах дорога петляет между глыбами камней. Машины идут рывками. Огибаем полосу вспаханной земли: в бороздах — мины.

И вот уже виднеются желтые стены Чакабуко, бывшей коптицы заброшенных селитряных копей. Обнесенная стеной, она напоминает уродливую средневековую крепость. Въезжаем в ворота, минуем двор, ненадолго останавливаемся перед вторыми воротами, перед тем как следовать дальше.

Они не похожи на те, оставшиеся со времен рудника. Их ошестиненная решетка открывает и закрывает доступ на территорию, наглухо отгороженную от мира усиленной охраной. Настоящий концентрационный лагерь с большой территорией. Восемь сторожевых вышек. Симметрично расположенные бараки, между которыми мы проезжаем. Грузовик тормозит на бывшем футбольном поле.

— Выходи строиться!

Бронетранспортеры разворачиваются и исчезают вместе с грузовиком, чтобы доставить новую партию заключенных.

Выстраиваемся сомкнутым строем.

— На десять шагов — разомкнись! Открыть чемоданы и сумки, развязать узлы. Барахло — на землю! Одежду — тоже. А теперь — раздеться! Обыщем с ног до головы. Ну, быстро!

От зноя закипает кровь в жилах стоящих под палящим солнцем людей, за спиной которых — цепь солдат с винтовками наперевес.

Лейтенант Минолетти подходит к крайнему из нас, рывком притягивает за лацканы пиджака.

— Тебе что, уши заложило?

Хватает его за волосы, пригибает голову и бьет коленом в лицо. Заключенный молчит, обливаясь кровью. Бессознательно вытягивает руки. И летит на землю лицом вниз от пинка сзади.

— Теперь ты расслышал, подонок? Раздевайся! И побыстрей!

Упавший с трудом поднимается. Внимательно глядя на лейтенанта, снимает пиджак, рубашку, брюки, ботинки, носки...

— И трусы тоже! Тебе что, жить надоело, недоносок? А вы, что рты раскрыли? Пошевеливайтесь!

Он быстро шагает вдоль строя и плетеным кожаным хлыстом бьет нас по лицу.

Нам остается одно из двух. Терпеть или не выполнять приказ, прекрасно зная, что за этим последует: выстрел в затылок, смерть без борьбы, от удара в спину. Мы — «военнопленные», схваченные в инсценированных сражениях! Стоит ли спасать свою жизнь ценой терпения? Три месяца назад нас схватили на рабочих местах, и вот теперь, как покорное стадо, нас сажают в загоны, перегоняют с места на место, бьют, морят голодом, пытаются. Да, как молчаливое стадо, но ни на пядь не отступившее в своем молчании от того, что является причиной ареста: активная политическая позиция борцов и участников в действительных

начинаниях законного правительства, свергнутого путчистами. Так стоит ли платить за жизнь терпением? Сейчас удобный случай покончить с животной покорностью обреченных, избавиться от издевательств и пыток! Поставить точку на всем, в этой глуши, уже забытой однажды.

Пальцы на спусковом крючке — и пальцы рук, поднятых в знак прощания, машущих белыми платками.

Пальцы на курке — и заботливые, ласковые пальцы.

Шеренга касок, злобно ошетилившаяся дулами автоматов, — и вереница женских лиц на зеленых городских улицах.

Зверства фашистов — и слабые улыбки надежды.

Лающий окрик лейтенанта — и рыдание женщин, оплакивающих узников у ворот казарм.

Возможно... Возможно, мы снова будем нужны. Да, терпеть во имя будущего. Спасти жизнь, которая еще пригодится.

Взрыв? Нет. Удар в оба уха одновременно. Мои очки летят на землю. Да, жить, чтобы встряхнуть душу из этого придурковатого женоподобного лейтенантика. Отомстить за все оскорбления! Спасти страну из пропасти, где она бьется по воле офицера, пресмыкающегося перед толстосумами, запродавшими-ся янки.

В ряду, где я стою, — пятьдесят человек. Пятьдесят голых мужчин, похожих на живые мощи, отошальных, униженных, но с непреклонно поднятой головой. Впалые животы со сморщенной кожей. На спине и бедрах — кровоподтеки. Повязки на ранах. Язвы на руках. И головы, непонятно как держащиеся на исхудалых шеях.

Чемоданы раскрыты, и на подстеленные пледы и одеяла ложатся для осмотра шерстяные жилеты, обувь, пиджаки, шапки, нижнее белье, за минуту до этого чистое, консервы, остатки еды, неделю назад принесенной нашими женами на Национальный стадион в Сантьяго. Брюки, пижамы, носовые платки, лезвия для бритья, мыло, полотенца, книги.

Солдаты ощупывают разбросанные, как на базаре, вещи. Один из них ворошит белье ногой.

— Не отчаивайся, друг. Лейтенант — подонок, но лучше ему ни в чем не перечить.

Опустившись на одно колено, тщательно осматривает карманы рубашек и прощупывает ворот пиджака. Он как бы говорит сам с собой. Но слова его определенно предназначены нам.

— Знайте, у вас есть здесь друзья.

Подходит Минолетти и начинает откладывать в сторону то, что считает опасным: книги, лезвия, лекарства, все колющие и режущие предметы. Сваливает отобранное в кучу и приказывает отнести в комендатуру. Делает несколько шагов, останавливается и оглядывает нас. Как хороший актер, выдерживает паузу,

сохраняя молчание и неподвижность. Покачиваясь на расставленных ногах, пощелкивает плеткой по голенищу.

— Вы — не чилийцы. Вы — жалкие отщепенцы, сукины дети! Для вас нет родины. Есть среди вас преподаватель истории?

Из строя выходит Марио Сеспедес, тот, которого он бил в лицо коленом.

— А! Опять ты?! Ну так я покажу тебе историю вместо твоей брехни в университете и по телевидению. Я тебе дам урок истории, я вас научу петь чилийские песни, вместо завываний Виктора Хары и Парры по вашему радио. Анхель Парра уже здесь, и мы его тоже научим. А кому не понравится, может вскрыть себе вены, я верну вам ваши бритвенные лезвия. Жаль, что в свое время всех вас не пристрелили. Но здесь — каждому пуля за любое неподчинение. Запрещено подходить к колючей проволоке ближе чем на три метра. Солдаты будут стрелять без предупреждения. Приказываю здесь я, а вы — повинуетесь. И чтоб не пикнуть! Теперь у нас в стране есть власть, есть повиновение. Есть дисциплина. С профсоюзами покончено. С партиями — тоже. Кончились дискуссии. Только — повиновение и работа, работа и повиновение. И к вам, чье чилийское гражданство — под сомнением, это относится больше, чем к кому-либо другому. Или подчиняетесь, или перебьем как собак. А вы и есть сукины дети. Одевайтесь и собирайте свое барахло!

Нас отводят под дырявый навес, над двумя параллельными рядами уходящих в песок столбов. Появляются грузовики с новой партией заключенных. Их выстраивают на площадке и разбивают на группы. Осыпая ударами, под дулами автоматов, заставляют раздеться и выложить на землю содержимое чемоданов. Такая же речь. Затем еще грузовики и еще. Уже второй час дня. Жара усиливается.

Концлагерь такой же, как были нацистские. «Это надолго», — шепчет мне на ухо толстяк Гонсалес, каменщик из Сан-Мигеля. У него дрожит рука, когда он подносит мне зажженную спичку, давая прикурить. Сигарета вызывает отвращение, от дыма тошнит. Но мы курим.

Действительно, концлагерь Чакабуко выглядит так, будто его готовили на долгое время и на большое число людей. Быть может, на годы.

Солдат ведет первую партию к баракам, где нам предстоит жить. Некоторые из заключенных, прибывших рано утром, машут нам издали, укрывшись в их тени. Длинные, вытянутые столы и грубые скамьи под деревянным навесом — наши столовые. Блоки барачных по десять в каждом. Глиняная крыша. Проемы дверей и окон завешены дерюгой с клеймом «Кафэ ду Бразил». Перед каждым барачком маленький двор, внутри — две комнаты и каморка, раньше служившая кухней. В каждой комнате — трех-

ярусные нары из сосновых досок. По девять человек в комнате. Восемнадцать в бараке. Сто восемьдесят во всем блоке.

Земляной пол. Электрическая лампочка над входной дверью. Изъеденные жучком, закопченные стены. Распределяем места, стелим одеяла на досках и вытягиваемся. Гонсалес подбирает с пола гвоздь и терпеливо что-то начинает чертить на деревянной дощечке.

— Смотри, у меня уже есть инструмент,— говорит он мне.

— И что же ты думаешь изобразить?

Всхлипнув, он приближает ко мне лицо. Густая сеть морщин, следы от слез и пота делают неузнаваемой его когда-то добродушную улыбку.

— Еще не знаю. Но знаю одно — в будущем именно здесь в Чакабуко лучше всего заложить Музей Революции. А начать надо уже сейчас.

НОЧИ В ЧАКАБУКО

Находясь взаперти с восьми вечера до семи утра в двух комнатах четыре на четыре, которые сообщались между собой прямоугольным проемом, напоминавшим о некогда существовавшей двери, мы придумали неплохой способ бороться со скукой: пусть каждый из нас, восемнадцати, расскажет какую-нибудь историю. Мы установим очередь и будем выслушивать по одной такой истории каждую ночь.

Договорились, что рассказывать можно все, что угодно, руководствуясь лишь вдохновением. Каждый рассказчик волен был начать с любого момента: то могли быть личные воспоминания, события, пережитые им самим, либо рассказанные ему кем-то, мечты, планы. Лишь об аресте и всех последующих событиях не полагалось говорить, дабы не растравлять незажившие раны. История заканчивалась, когда рассказчик исчерпывал тему либо когда слушатели начинали дружно храпеть.

Ноябрь, потом декабрь 1973 года. Какими долгими были для нас тоскливые и голодные ночи! Нам отключали свет, запрещали пользоваться свечами. Мы лежали на нарах и, глядя в темноту, слушали очередного рассказчика.

Студент-медик вспоминал традиционные шутки над первокурсниками. Старый сапожник все твердил о своих сыновьях, выросших благодаря его стараниям настоящими мужчинами. Рабочий-строитель своими рассказами уводил нас в железнодорожные поселки, и мы видели, как он шагает на работу, сжимая в руке чемоданчик с инструментами, как, кирпич за кирпичом, кладет стену, не обращая внимания на дождь. Когда мы заметили, что доктор Роландо Альварес подробно пересказывает нам содержание различных фильмов, мы постановили объявлять тему заранее. А для кино мы отвели субботы.

Восемнадцать человек самых разных возрастов и профессий, и отсюда — безграничное разнообразие тем, стилей, мнений, разнообразие субботних фильмов. Один из нас — Бесерра никак не хотел укладываться в рамки предложенной темы. Он предпочитал перескакивать с одной темы на другую, перебивая сам себя.

оснащая свои рассказы многочисленными вставками. Он работал на текстильной фабрике, потом был уволен и арестован подобно сотням других обитателей Чакабуко. Его истории, рассказанные в темноте, казались бесконечным цветастым ковром, краски которого незаметно переходят одна в другую. Он жаловался, что ему трудно рассказывать, не видя лиц слушателей.

Как-то Бесерра, с присущей ему изобретательностью и ловкостью, ухитрился с помощью бритвенного лезвия и гвоздя сделать из сосновой доски, отломанной от нар, трубку. Он не курил, но тем не менее каждую ночь обе комнаты наполнялись клубами удушливого дыма. И когда пришел его черед рассказывать, он заговорил о том, какой он способный резчик и какой неопытный курильщик.

Прошло восемнадцать дней — к тому времени все мы уже вырезали на буквых досках, подобранных в развалинах бывшего здесь когда-то театра, жалкие пейзажи Чакабуко, — а Бесерра жил уже рисованием. Теперь вокруг этой новой темы вертелись наши ночные разговоры.

Иногда он просил кого-нибудь из нас попозировать ему и пытался нарисовать портрет. Но все его старания были напрасны: головы, носы, уши, волосы, глаза никак не хотели составляться в единое целое, представляя собой какую-то дикую смесь — не то лапша, не то облако, не то песчаный вихрь. Никакие шутки и подначки не могли помешать его ежедневным борениям: все с тем же невозмутимым упорством он пытался овладеть искусством рисования. Перед тем, как окончательно оставить рисунок и перекинуться уже на живопись, он вывесил на стене лучшее свое творение. Нечеткими, слабыми штрихами изобразил он женскую фигуру, старательно подчеркнув все ее достоинства. Над лицом он работал целых три дня, то подрисовывая, то убирая отдельные штрихи, пока не остался доволен. Волосы он убрал в пучок, оставив на лбу лишь несколько перепутанных прядей. Потом он подправил слегка запавшие щеки и молча уставился на женщину, глядевшую на него с портрета широко раскрытыми, вызывающими глазами. Платье без рукавов подчеркивало ее юную фигуру — подстать фигуре ее создателя, напоминавшего подростка. Он осторожно зачернил лицо, руки и ноги, заметив при этом:

— Жена у меня такая же смуглая, как и я.

Как-то он нашел огромную старинную раму цвета тусклого красного дерева и вставил в нее бумагу. С нашей помощью он соорудил подобие мольберта, вооружился акварельными красками, которые каким-то чудом попали к нему, и нарисовал некий пейзаж. Два холма, дом, рядом с ним дерево, извилистая дорога и река. Сверху, позади холмов — солнце. Картина вызвала огромное количество замечаний и пожеланий. И со всеми он согласил-

ся. Так, позади дома появился виноградник, к реке на водопой пришла корова, а крыша дома стала черепичной. Акунья, крестьянин, критиковал в его лице всех начинающих пейзажистов. Они полагают, что в деревне живут одни дураки? Почему это дорога, идущая от дома, такая кривая? Бесерра тут же выпрямил дорогу.

Цвета ему тоже подсказывали. Небо должно быть голубым, солнце — желтым, дерево — зеленым. Кто-то взял кисть и подрисовал под окном цветы. Около дома появились его хозяева. Дородная смуглянка в платье розово-небесного цвета провожала мужа — в шляпе и засученных брюках. С лопатой на плече он отправлялся на поливку и махал жене на прощание рукой.

Окончание работы над картиной совпало с открытием выставки, устроенной в лагере по случаю визита высокопоставленного лица — епископа Антофагасты Овьедо. Устроители выставки работ заключенных, покоренные размерами картины, своими веселыми красками являющей резкий контраст с грязно-желтым Чакабуко, поместили ее среди сумок из джута, хромоникелевых колец, подвесок из оникса, подсвечников из витого железа, лакированных досок с вырезанным на них изображением построек бывшей селитряной компании.

Офицеры из охраны лагеря, — предварительно заставившие нас навести образцовый порядок на улицах, в бараках, столовых и уборных, — расписывали именитому гостю прелести здешнего климата с его здоровым сухим и чистым воздухом. При этом они поглядывали на нас и бесстыдно усмехались. Конечно, речь зашла и о трудовом энтузиазме заключенных, которому способствовала, оказывается, их «отеческая» забота о нас. В хвосте процессии плелся, обливаясь потом, капитан карабинеров, ведя на поводке овчарку в черном кожаном ошейнике со стальными шипами.

— Кто это нарисовал? — спросил он, остановившись у картины Бесерры.

— Один из восемнадцатого барака, — отвечали ему не очень охотно.

— Ну и мазня! — заявил он, присовокупив грязное ругательство. — Мой кобель и то бы лучше нарисовал.

Все молчали, зная, что с начальством нельзя спорить. Правда, теперь они уже не убивали тех, кто осмеливался возражать. Они лишь сажали их на три дня в карцер, помещавшийся в старой кирпичной печи, рядом с давно бездействующей трубой.

— А это что такое перед дверью? Вторая корова? Или одна из его потаскушек?..

Все повернулись к нему спиной и стали расходиться. Капитан тоже удалился, волоча за собой пса, пытавшегося поднять ногу у какого-то опрокинутого стола.

Мы ничего не сказали Бесерре, однако он откуда-то узнал о том, какую реакцию вызвала его картина у охранника.

— Так, значит, это был Пако? — переспросил он. — Тот самый, что украл молоко? Все ясно.

Он отнесся к происшедшему довольно спокойно. Ему ведь, как и всем остальным заключенным, приходилось терпеть постоянные унижения, которые так терзают душу. Но мы все вынуждены примиряться с собственным бессилием, избегая самоубийственных столкновений. Сколько раз они открыто оскорбляли нас и сколько таких оскорблений ждет нас впереди! Мы были готовы к этому. И нам было приятно сознавать, что этот капитан действительно оказался вором, укравшим молоко у заключенных.

(В то время Международный Красный Крест направил в Чакабуку партию сухого молока — знак интернациональной солидарности с нами всего мира. Использованные банки из-под молока служили заключенным ведрами. Капитан приказал поварам сложить все пустые банки на кухне. Их набралось всего 32 штуки, которые ординарцы капитана погрузили в пикап вместе с 68 полными, запечатанными банками. Подошло к концу его двухнедельное дежурство, и он уехал из лагеря вместе с банками и со своим псом. И с тех пор мы больше не получали молоко за завтраком. Когда этот капитан снова приехал в лагерь, никто ни о чем не спросил его. Разве мы могли осмелиться на это?)

Что же касается Бесерры, то его мысль работала уже над разведением кроликов...

Во время ночных разговоров мы обсуждали между собой те виды деятельности, с помощью которых мы сможем заработать себе на жизнь, когда выйдем на свободу. Бесерра пустился в рассуждения о высокой плодовитости кроликов и о том, как легко можно прокормить целые стада этих зверьков, имея под рукой пастбища конезавода в Мелипиле. Нужно было только соорудить для них надежные клетки или вырыть прямо в земле глубокие ямы. Он расспрашивал знающих людей о том, сколько раз в году одна крольчиха может дать потомство и как велик каждый приплод. О количестве и качестве кормов. О ценах на крольчатину и использовании кроличьих шкур. Потом он погрузился в расчеты, выстроив длинные колонки цифр и набросав эскизы будущих построек.

Вначале он располагал лишь двумя парами кроликов, которые на следующий день — когда он произвел соответствующие расчеты — превратились у него в огромную колонию из 3800 зверьков. Они пожирали горы травы и взамен давали ему целые бочки мяса и ящики шкур. Он сделал участниками своего предприятия своих родителей, братьев, сестер, дедушку с бабушкой и даже соседей. Он открыл кожевенный завод и шляпную фабрику. Мощное развитие кролиководства приведет к росту

потребления крольчатины среди населения. Меня он тоже включил в свой кооператив как журналиста. Мы наметили развернуть широкую кампанию, как только изучим рынок. Однако первые же серьезные размышления поставили нас перед лицом довольно серьезной проблемы. Пропагандируя широкое потребление крольчатины, мы неизбежно столкнемся с противодействием самых юных потребителей, со слезами мальчиков и девочек, не желающих питаться мясом столь симпатичных зверьков.

Мы не знали никакого другого животного со столь же высокими темпами воспроизводства. А что если такое существует?

Поддержанные ценными советами других обитателей барака, мы решили вывести новую породу путем скрещивания кабана с крольчихой либо кролика со свиньей.

Искусственное осеменение гарантировало нас от возможных неудач, связанных с несоответствием физических данных избранных нами животных. Новая порода, представители которой были гораздо крупнее кроликов и в то же время имели нежное и сочное мясо, нас вполне удовлетворила. Мы окрестили наше детище свинокроликом. И немедленно приступили к его массовому разведению, используя опыт, накопленный в работе с кроликами. Вскоре свинокролик завоевал симпатии потребителя и существенно помог решению продовольственной проблемы в стране, вновь обретшей свободу. Мы уже всерьез, с цифрами в руках, обсуждали возможности экспорта, как вдруг Бесерра покинул процветающее предприятие и занялся разведением лягушек в овальных водоемах. Шел февраль 1974 года. А в апреле Бесерра получил, наконец, официальное извещение о своем освобождении.

Вечером накануне отъезда он подарил нам свою белую шапку и архив со всеми своими математическими выкладками. Все его друзья взволнованно прощались с ним, обнимали его. Комнатка была заполнена людьми. А Бесерра раскладывал носки, перетряхивал одеяло, запихивал в свою матросскую сумку дырявый жилет. Неожиданно он обнаружил подарок, неизвестно как очутившийся на его нарах. То был черный кожаный ошейник со стальными шипами и следами запекшейся крови.

БУДЕТ ЛИ «ПОТОМ»!

Это произошло в тот самый день, когда случился подземный толчок, и стены барачков Чакабуко украсились новыми трещинами. Все полторы тысячи заключенных были построены вначале на пустыре, а затем, по группам, — перед дверями своих барачков, куда немедленно ворвались охранники. Несмотря на то, что времени у них было предостаточно, они действовали очень быстро: поднимали дощатый пол, стащили с нар матрасы, осмотрели все углы с помощью фонариков, сорвали со стен журнальные вырезки.

Мы не могли понять, какого черта им нужно. Оружие? Документы? Подземный ход? Они забрали из нашего барака железный прут, лопату и четыре гвоздя с расплюснутыми концами, которыми работали резчики по дереву. Книги они перелистали и, ничего в них не поняв, побросали на пол и ходили по ним. Все конфискованные вещи были сложены в кучу на улице. Потом за ними приехал грузовик.

Из газет, которые изредка доходили до нас, мы узнали, что в Антофагасте устроена выставка наших инструментов, выдававшихся за оружие, которое сделали заключенные Чакабуко, якобы готовившие восстание и массовый побег. Разумеется, все это было хитрым пропагандистским трюком военных властей, стремившихся не допустить развертывания движения солидарности с заключенными.

Спустя три недели мы понесли свою одежду, матрасы и кое-какую утварь на футбольное поле. Там нас держали в строю целый день, в то время как наши жилища вновь подверглись тщательному обыску. И опять мы остались без инструментов для работы.

Это было непонятно, поскольку наши тюремщики сами решили, что каждый заключенный должен заняться какой-то деятельностью. Какой, неважно. Сначала нам позволили открыть мастерские, школу, заняться спортом. А еще через две недели все было запрещено, и охранники следили, чтобы никто ничем не занимался.

Трудно было понять лагерное начальство. Прожив первые не-

дели и месяцы в Чакабуко, мы познакомились с совершенно особым миром, привыкнуть к которому, казалось, было невозможно. Однако нас заставляли насильно принять его. Мы прибыли в лагерь физически ослабленными, со следами побоев. Нам тут же приказали приступить к работе по улучшению внутреннего облика этой «образцовой тюрьмы». Они, как видно, собирались показывать ее и ставить здесь эксперименты. Они не только помогут нам избавиться от наших идей с помощью труда, военной дисциплины, скудного питания и единообразия в одежде (ибо выдадут всем списанную военную форму), но и добьются, чтобы заключенные давали продукцию, причем не только обеспечивали себя, но и создавали излишки. Нам назойливо повторяли одно и то же каждое утро. Одно и то же сладко вещал и капеллан в своей проповеди перед отбоем, когда на землю спускались фиолетовые сумерки.

— Превратим Чакабуко в цветущий сад! — провозгласил один высокопоставленный военный.

Передвижные мастерские Национального института повышения квалификации (ИНАКАП) со всеми своими рубанками и станками разместились в бараках. Все за работу! Да, но что делать? Этого они не знали. Планов у них никаких не было. Сырья, заготовок тоже. Может быть, делать мебель? Но где взять древесину? Много возникало вопросов.

И прежде всего — с какой целью все это затевалось? Может быть, они надеялись с нашей помощью восстановить все то, что было разрушено их танками? Один юноша заявил о своем полном несогласии с приказами военных и объявил голодовку. Чего ты добьешься своей смертью, говорили мы ему. Кто узнает о том, что ты умер? Только мы, заключенные, отделенные от человечества сотней километров песков, минными заграждениями и кольцом артиллерийских батарей.

Так бы мы сказали и старому крестьянскому руководителю из центрального района, если бы не опоздали. Он повесился, привязав веревку к балке. На его решение повлияли также и другие обстоятельства. Крестьянская организация была единственным звеном, связывающим его с миром. После того, как она была разгромлена, а ее руководители убиты, после того, как погибла его жена, он попал в Чакабуко, на селитряные разработки, которые он хорошо знал.

В молодости он работал здесь на шахте. Здесь женился. Когда рудник закрыли, он переехал на юг. Но перед отъездом зарыл во дворе своего домика, на Серрано, 72, все свои инструменты. И вот ему снова довелось побывать в своем доме, теперь уже в качестве заключенного. Дом стоял пустой, заброшенный. Он стал копать во дворе и выкопал все свои инструменты. Они были так хорошо упакованы, что совершенно не пострадали, хотя про-

лежали в земле сорок пять лет. Он аккуратно разложил их на полу своей бывшей спальни, крепко привязал веревку к балке и сунул голову в петлю.

Всех нас выстроили на самом солнцепеке, когда нашли его труп. Его пронесли мимо нас — распухшее тело с прикушенным фиолетовым языком.

Не сумели мы предотвратить и еще одну смерть.

Как-то в полночь один товарищ уложил все свои вещи и направился на пост, требуя, чтобы ему открыли ворота, так как он должен немедленно ехать в Сантьяго. Он вернулся на свои нары только после того, как его избили. На следующую ночь он снова повторил свою попытку. Его посадили на три дня в карцер, помещавшийся в заброшенной печи по ту сторону колючей проволоки. После того как он отбыл наказание, его товарищи по комнате стали следить, чтобы он опять не попытался уйти. Но однажды очередной сторож заснул. Несчастный вновь отправился требовать, чтобы его освободили и отправили в Сантьяго. Говорят, что тогда его и пристрелили.

Лагерная жизнь продолжалась. Врачи и другие медицинские работники из числа заключенных организовали обслуживание пациентов, наиболее остро нуждающихся в их помощи, и облегчали их страдания, как могли. Бывший преподаватель физического воспитания вместе с известным травматологом организовали занятия специальной гимнастикой для восстановления деятельности рук, позвоночника, пальцев, нарушенной в результате избиений и пыток. Начались занятия на курсах начинающих шахматистов, которые вели опытные преподаватели. Заключенным было приказано петь на вечернем построении, и под этим предлогом возникла разрешенная начальством комиссия, которая занялась созданием хоров и фольклорных ансамблей. Во время воскресной мессы ансамбль Анхеля Парры исполнял кантату на слова из Священного писания. Немало дел было у портного. Он собрал всю мешковину, что висела в дверных проемах незаселенных бараков, и шил из нее шапки. Благодаря старой хромоникелевой проволоке, которая была здесь в изобилии, в лагере родилась целая отрасль по производству браслетов и подвесок.

Конфискация инструментов в день землетрясения вызвала всеобщее недовольство и уныние. Нам запрещали работать после того, как сами же призывали нас к труду. Когда мы узнали, что на нас распространен закон 1929 года о военнопленных, нам все стало ясно, и мы немного успокоились. Закон этот предписывает содержать военнопленных в таких условиях, чтобы они постоянно ощущали смятение, неуверенность, тоску и страх. Им надо внушить, что они потерпели окончательное поражение, надо сломить их волю, подвергнуть постоянным унижениям; низвести на положение животных.

Минолетти, который однажды издевался над Паррой и Сеспедесом, на следующий день извинился перед ними в своем кабинете. В дальнейшем же он обращался с ними так же плохо, как и раньше.

Бывали у нас и другие возможности поближе познакомиться с действующей против нас военной машиной.

Один капитан доказывал нам, что нельзя судить о них лишь по внешним поступкам.

— Каждый из нас, — говорил он, — играет определенную роль. Одни играют хороших, другие — плохих. Идет война, и в ней участвуют различные персонажи. Мы исполняем роль, которую поручает нам командование. Все роли уже распределены. Я, например, хороший. Минолетти — плохой. Когда Минолетти повысят в чине, он перепоручит другому всю грязную работу и тоже станет хорошим. Именно так обстоят дела. Но все мы — чилийцы, и наступит день, когда мы снова сможем все вместе распить бутылку вина.

Минолетти был подчиненным этого капитана.

Неделю спустя после прибытия в Чакабуко, еще в ноябре 1973 года, нас посетил командир первой дивизии генерал фон Кретчер. Чакабуко находился в его ведении. Нас собрали тогда в столовой, самом прохладном месте, и он обратился к нам с такой речью:

— Вот вам мои обе руки. Они в вашем распоряжении. И пусть в ответ каждый из вас предоставит мне одну свою руку, чтобы превратить эту пустыню в цветущий сад. Больше я ничего не прошу у вас. Трудитесь, принимайте участие во всех работах, которые мы организуем. И вы останетесь в выигрыше. Никто здесь не будет относиться к вам плохо. Вы будете содержаться здесь, пока это предписывает приказ высшего командования. Я не знаю, кто вы такие и как очутились в Чакабуко. Я выполняю приказ. Я солдат, а не политик. Несмотря на разногласия, временно существующие между нами, мы не должны забывать, что мы прежде всего чилийцы, дети одной родины. Лично я приложу все усилия, чтобы сделать более сносной вашу жизнь. Вместе со мной прибыл грузовик с овощами и фруктами. Я знаю, как вы в них нуждаетесь. Как видите, я забочусь о вас. И в ответ призываю вас сотрудничать со мной.

Гораздо выше по званию, чем капитан. И тоже хороший.

В феврале 1974 года Чакабуко посетил полковник Эспиноза. Его приезд был широко разрекламирован и пышно обставлен. Он носил полевую армейскую форму в стиле Роммеля. На груди бинокль, на боку пистолет в кобуре. Подсумок, очки пилота, фляжка и ранец. Выстроившись на солнце, мы слушали его разглагольствования.

— Как я уже говорил вам на Национальном стадионе, чилийские вооруженные силы будут содержать вас под арестом, пока все о каждом из вас не выяснится. Работники прокуратуры внимательно изучают каждое дело. Через двадцать дней они подготавливают свои доклады. Вы будете разделены на три категории: одних будут судить, других отправят в ссылку, а остальных, подавляющее большинство, выпустят на свободу.

И этот хороший.

Через неделю на внешнем аэродроме Чакабуко, подняв целые тучи пыли, приземлился вертолет. Из него вышел генерал Бонилья, беседовавший с нами в тени столовой. Впереди него была целая стена из телохранителей, двести солдат и четыре бронетранспортера. Генерал разрушил все воздушные замки, возведенные Эспинозой:

— Вы являетесь нашими заложниками. В ответ на любую акцию, предпринятую против правительства в любой части страны, мы прибегнем к репрессиям против вас. Для этого вы и находитесь здесь. Свобода вам не может быть предоставлена, поскольку обстановка этому не благоприятствует. Мы знаем, что, очутившись на свободе, вы немедленно начнете борьбу против нас. Мы не настолько глупы, чтобы поставлять кадры марксистам. Когда вы были у власти, вы считали нас, солдат, дураками. И пытались использовать нас. Расплачивайтесь же теперь за свою наивность и глупость. И постарайтесь вести себя здесь, в Чакабуко, как следует. Вы находитесь в наших руках, мы контролируем каждый шаг ваших родных и друзей. Не вздумайте исподтишка нанести нам удар, ибо мы отомстим вам в пятидесятикратном размере.

Плохой.

Он резко повернулся и направился к вертолету. Охрана следовала за ним, дробно стуча каблуками.

Хорошие и плохие.

Кому мы верили? Разумеется, тому, кто был выше чином. Бонилья был министром внутренних дел и по своему положению занимал место непосредственное за Пиночетом. Видная фигура, один из руководителей переворота. В августе 1973 года он лично явился к генералу Пратсу, командующему сухопутными войсками, чтобы заставить его отказаться от своего поста. Отставку Пратса требовали высшие чины трех родов войск. Ультиматум Бонильи три дня спустя поддержали тысячи офицеров, собравшихся возле его дома. А их жены в свою очередь поддерживали его супругу. Если Пратс будет упорствовать и откажется покинуть свой пост, в армии начнется раскол, который неизбежно приведет к гражданской войне в Чили. Выход один: Пратс должен уйти с поста командующего сухопутными войсками. И Пратс уходит в отставку, спасая этим поступком единство во-

оруженных сил, а также предотвращая братоубийственную войну между чилийцами. Его место занимает генерал Аугусто Пиночет, «конституционалист», «честный человек», «патриот», одним словом, хороший.

После создания хунты, руководство которой должны были периодически осуществлять представители трех родов войск, Бонилья считался наиболее вероятным преемником Пиночета в глазах многих военных и штатских, в первую очередь среди сторонников Фрея.* Ведя борьбу за власть в высших сферах, Бонилья постепенно растерял свои позиции. Сначала был арестован и отправлен в наш лагерь его шофер, а потом и сам генерал нашел смерть среди обломков своего вертолета. Безусловным победителем оказался Пиночет.

Хорошие и плохие.

Хорошие с вниманием относятся ко всем проблемам и всячески сочувствуют заключенным, но только на словах. Ибо когда возникает какая-то конкретная трудность, с которой они в силах справиться, тут их днем с огнем не сыщешь. Настоящих же хороших мы распознаем с первого взгляда, помним их. Они поистине переживают драму. И не носят характерной маски.

Для того, чтобы сохранить душевное и физическое здоровье, мы должны постоянно растворять в чем-то горечь поражения, которая глубоко засела в наших умах. Надо занять себя работой, использовать свои руки и мозг для создания конкретных вещей. Хорошо бы они оказались полезными, еще лучше — красивыми.

Среди заключенных рождается идея создания лагерного совета. Будет совет — будет порядок в лагере, не будет совета, а будут одни лишь сапоги охранников, начальству придется поддерживать порядок ценой ежедневных усилий, постоянного контроля, большого труда. Признайте совет, и мы наведем в Чакабуко порядок.

Каждое барачное помещение избирает старосту. Старосты выдвигают по одному представителю от каждого блока. Представители всех блоков составляют совет старейшин. Во главе совета на первых порах стоит доктор Рекена.

Совет приступает к работе. Недавние начинания обретают основательность. Распахивает двери поликлиника, обслуживаемая двадцатью врачами-специалистами, а также несколько меньшим числом среднего медицинского «персонала». 600 человек записываются в школу: одни учатся читать и писать, другие изучают двигатель внутреннего сгорания, третьи занимаются высшей математикой. Учителя начальной и средней школы и университетские преподаватели обучают свою разношерстную, но жадную

* Э. Фрей Монтальва — глава христианско-демократической партии Чили, созданной в 1957 году. Бывший президент страны.

до знаний аудиторию. Создается даже астрономический кружок со своей обсерваторией и приборами, которые напоминают изобретенные в ту эпоху, когда человечество еще не знало увеличительного стекла.

Из пожертвований заключенных составляется капитал для основания магазинчика, торгующего предметами первой необходимости, которые привозят из Антофагасты. Благодаря нашей лавке мы имеем теперь сигареты, сахар, чай, молоко. Зажигаются печи четырех пекарен.

Католики создают свою часовню с изображением рыбы на алтаре, как у первых христиан, преследовавшихся во времена Римской империи. Протестанты украшают свой храм цитатами из Священного писания. Работает почта, куда поступает вся корреспонденция, которая потом доставляется «на дом». На всех письмах и телеграммах стоит печать цензуры Первой дивизии.

Получив разрешение выйти за колючую проволоку, группы товарищей отправляются на поиски сырья и возвращаются с досками, стеклом, консервными банками, картоном, автомобильными шинами, болтами. Изобретаются дрели, приводимые в движение с помощью шнура; стамески делаются из гвоздей; пилы из металлических бочек. Из найденных досок делаются школьные парты, библиотечные полки, стулья, столы, скамейки.

Создается хор, две театральные труппы, четыре фольклорных ансамбля, оркестр народных инструментов. Артисты варьете дают представление раз в неделю, и по этим дням барак, в котором они выступают, приобретает вид настоящего театра со сценой, ширина которой двенадцать метров, а глубина — десять. Занавес из раскрашенной мешковины. Юпитеры из консервных банок. Панель, с помощью которой достигаются сложные световые эффекты. Представления варьете с их постоянным кордебалетом, конкурсами и парадами фантазии и музыки пользуются наибольшей популярностью.

Каждый очередной начальник, появлявшийся в лагере, имел высокомерный, вызывающий, презрительный вид. Они не знали, кто мы такие и за что сидим. Поэтому заранее предполагали, что столкнутся с шайкой опасных преступников. Они были солдатами и плохо разбирались в политике, но зато были поборниками жесткой дисциплины. Они воспитают из этого сброда послушных чилийцев. И если кто-нибудь проявит непослушание, у них есть приказ и они заставят подчиниться ему. По окончании краткой речи коменданта представители этих оборванцев выходили вперед и вежливо приглашали его и его людей на представление.

Ошарашенные грандиозностью декораций, высоким качеством и разнообразием пьес и музыкальных комедий, написанных заключенными; репертуаром хоров, исполнявших классические и на-

родные произведения; выступлениями фольклорных ансамблей, они начинали повнимательнее приглядываться к нам. С удивлением, которое они порой старались не показывать, они замечали, что эти люди, оказывается, обладают такими способностями, такой верой в будущее и такой творческой фантазией, какие трудно было в них предположить. И они начинали нас уважать.

Теперь уже они глядели сквозь пальцы на то, что мы не брились каждый день и носили старую форму, выданную нам, не так, как это предписывалось. И во многом другом нам удалось облегчить жесткий внутренний режим. Некоторые из лагерных начальников за все время своего дежурства совсем не показывались в бараках. Другие, наоборот, приходили не раз и с интересом наблюдали за нашими художественными и культурными мероприятиями, пытались понять, как из ничего или почти из ничего можно создавать красоту. Они беседовали с нами, восхищались нашими ткацкими станками и пропускали в лагерь солдат, чтобы те могли купить для своих девушек резные поделки, кольца, шерстяные плащи, сумки и прочие чакабукские сувениры. Деньги военных были единственным доходом нашей кустарной промышленности.

Дважды в неделю мы выпускали стенную газету, в которой старались последовательно отразить всю историю нашего лагеря. Эта газета, тщательно просматриваемая цензурой, регулярно выходила с ноября 1973 года по октябрь 1974, когда нас перевели отсюда. Как знать, может, когда-нибудь удастся разыскать и собрать воедино все номера этой газеты.

Возрос авторитет совета старейшин. На его заседания приглашались офицеры службы безопасности. Они разъясняли там свои требования к заключенным и подробно знакомились с планируемой нами деятельностью. Их поражала жизнестойкость и организованность людей, оторванных от общества, неутомимая фантазия, изобретательность, с какой те старались наладить в лагере нормальную городскую жизнь, чтобы противостоять хаосу и разброду.

Один посетитель очень хорошо охарактеризовал царивший в лагере климат. По ту сторону проволоки — мрак, неутрачивающая злорада, тревога. Внутри же — спокойствие, ясные лица, любовь к жизни. Такое впечатление, что лагерем управляют заключенные.

Посетили наш общий дом и служители церкви: два армейских капеллана и один из корпуса карабинеров. Явившись к нам со словами Христа, они, тем не менее, на первых порах относились к нам с явным недоверием. Один из них даже во время мессы не расставался с пистолетом. Но познакомившись с заключенными поближе, узнав их сокровенные мысли, они стали их искренними друзьями. Хорошими друзьями.

Но все это было до землетрясения. Со дня землетрясения и обыска жизнь в Чакабуко изменилась. Был распущен совет старейшин. Никаких старост — ни в блоках, ни в домах. Был наложен запрет на нашу деятельность, закрыты лавки, школа, разгромлены мастерские. Были введены изнуряющие построения с восьми утра до полудня. Дневное построение с двух часов до шести. Ночная перекличка на футбольном поле с двадцати двух часов до трех часов ночи.

Нас заставляли делать пробежки по песку, переносить камни и железо с одного места на другое. Участились отсидки в карцере. Была запрещена переписка. Отменены передачи посылок.

Долгое сухое лето днем. Самая настоящая зима ночью. Грязно-желтый песок. Сильные ветры во второй половине дня. И высокие столбы пыли. Неподвижные шеренги, ноги подкашиваются от долгого стояния, единственная отрада для глаз во время многочасового, ежедневного стояния — окружающий пейзаж.

Один день похож на другой. Постоянный голод. Чтение, становящееся невыносимым после нескольких страниц. Коллективные работы — абсурдные, бесполезные, изнурительные, бессмысленные. Бесконечные построения. Жизнь под замком, без света. Неистраченная энергия мужчин, обреченных на одиночество.

Возникает нечто напоминающее зубную боль. Довольно острое, настойчивое, назойливо стучащее где-то в ушах, скребущееся, постепенно заставляющее напрягать нервы во время бессонных ночей, когда лежишь на нарах, глядя в потолок. Или когда беседуешь с прошлым, с тем, что никогда-никогда не повторится.

Будет ли «потом»? Оторвать глаза от захлопнутой книги, посидеть в одиночестве, чтобы попытаться оттолкнуть нацеленное на тебя жало этого вопроса и почувствовать, как яд распространяется по твоему телу. Руки не повинуются тебе, душу охватывает глубочайшая тоска. Будет ли «потом»?

Ты вспоминаешь приятную теплоту ее тела — теплоту жены, которая стареет от тоски, своих босоногих ребятишек, не имеющих ни обуви, ни возможности учиться в школе. Ты глядишь на железную балку под потолком, и дорогие образы исчезают. На смену им приходит ощущение боли от зрелища стольких страданий, стольких измученных людей, от глухих взрывов и проносящихся чередой лиц погибших. Мы знали их, и нам больно. Сердце сжимается в комок, почти замирает, и на смену этим образам, этим мысленным встречам приходит пустота, всеобъемлющая пустота.

Будет ли «потом»? Мы задаем себе этот вопрос, сдерживая острую боль в висках, забываясь во сне или бодрствуя всю ночь, до боли в глазах вглядываясь в черную темноту. Один день, похожий на другой. Ночь, ничем не отличающаяся от предыдущей. Со своими звездами, такими бесполезно близкими, такими

неподвижными по сравнению с нами, беспцельно скитающимися в космосе.

Однажды ночью до нас донесся далекий голос, словно со звезд.

У нас было несколько радиоприемников, но для того, чтобы слушать их, требовалось предварительно принять строжайшие меры предосторожности. После отбоя патрульные в мягкой обуви бродили под окнами, подслушивая и вынюхивая. Поэтому приемники включались под одеялами на самых верхних нарах. Однажды ночью приемник очутился в нашей комнате. Мы втроем крутили ручку настройки, пытаясь услышать мир. И мы услышали его среди потрескиваний в эфире, сквозь тревожный стук наших сердец.

— Слушай, Чили.

Знакомый голос диктора Кати.

К нам обращается Московское радио. Мы узнаем о невиданном размахе движения солидарности с Чили и его борьбой. Злодеяния хунты ужаснули весь мир. Во многих странах объявлены дни национального траура в связи с гибелью Альенде. В Париже, Буэнос-Айресе, Нью-Дели, Лондоне, Каракасе проходят демонстрации протеста. Демонстранты требуют прекратить убийства и расстрелы, уничтожить концлагеря.

В Москве жители столицы СССР выражают свою ненависть к фашизму, свившему гнездо на земле Чили, протестуя против убийств. В Ленинграде, Махачкале, Иркутске проходят митинги и собрания, участники которых заявляют о своей солидарности с чилийскими патриотами, брошенными в тюрьмы. С нами...

Мы — это мужчины и женщины, арестованные за то, что защищали честь, справедливость и величие своей родины. Люди, которые начали самый оригинальный политический опыт в Чили и взялись за осуществление самых грандиозных планов в истории страны.

Свободу Лунсу Корвалану! — слышим мы.

Генеральный секретарь ООН потребовал освободить Корвалана.

Многие страны порвали отношения с хунтой. С осуждением переворота выступает социалистический интернационал. Папа Павел VI осуждает переворот. Репрессии в Чили обсуждаются даже в сенате Соединенных Штатов. Созданы комитеты солидарности на всех континентах. Протест фашизму в Чили выражают парламенты европейских стран и Всемирная федерация профсоюзов. Неприсоединившиеся страны исключают из своих рядов Чили, ставшую фашистской.

— Убавьте звук, патруль идет. Осторожно, они уже у самого окна.

Тишина.

Слышно, как поскрипывает песок. Шаги удаляются.

Декабрь. В Москве сейчас, наверное, снег.

Наши улыбки видны при свете включенного приемника.

Говорит Володя Тейтельбойм. Он характеризует режим, установленный в Чили. Говорит о его варварской системе подавления. О роспуске Национального конгресса и муниципальных органов власти, о вмешательстве в дела университетов. Он говорит о том, что все гражданские свободы в Чили ликвидированы, что стая воронов слетелась на труп покойного Президента Альенде. Но он уверен, что путчисты не смогут вытравить из сердца народа память об Альенде, который любил свою родину, на протяжении десятилетий сражался за освобождение угнетенных и эксплуатируемых и пал в бою как герой.

Жив Володя Тейтельбойм — один из руководителей Компартии Чили. Мы слышим его голос.

— ...современное положение вещей не будет существовать вечно. Ложь не сможет восторжествовать над правдой, угнетение — над свободой, фашизм — над демократией. Рано или поздно страна выйдет из мрака и состояния застоя. Нет и не может быть силы, способной надолго поработить наш народ, удушить передовые общественные движения...

Да, это подлинный голос Коммунистической партии Чили.

— ...которую ничто не сможет разрушить, она будет существовать вечно. И марксизм как научная идеология, как философия познания, как учение, призванное объяснить мир и неустанно преобразовывать его, будет существовать в веках.

Несколько аккордов гимна «Венсеремос».

Слушай, Чили.

Катя Олевская: московские дети, живущие в районе Сокола, собрали шоколад и конфеты для отправки чилийским сиротам.

Лунс Чекини: рабочие металлургического комбината на Урале решили передать свой дневной заработок в фонд помощи семьям погибших.

Благородные советские товарищи.

Олевская. Чекини. Те же самые голоса, которые много лет назад вселяли уверенность в сердца людей всего мира, доносясь из самого сердца России. СССР разгромит фашизм! Это говорилось в тот момент, когда нацистские танки обстреливали окраины советской столицы. Нужно жить, чтобы разгромить фашизм, так же как когда-то это сделали вы. И построить новую Чили, так же как вы когда-то сумели восстановить все разрушенное в своей стране и сделать Родину еще краше. Спасибо, Катя, когда-нибудь я поцелую тебя в Москве или в освобожденном Сантьяго.

«Потом» будет.

По лицам моих товарищей катятся слезы.

Я не могу вымолвить ни слова. Я тоже плачу.

ПОЧЕМУ! ПОЧЕМУ!

Мы бросились к решеткам и видели, как новая партия заключенных выгружалась из доставивших их машин. Люди выстроились в ряд для переключки, разделись догола для осмотра. Только после этого они вошли на территорию лагеря, дружески приветствуя нас.

Этих людей, также схваченных 11 и 12 сентября, держали взаперти в трюмах «Лебу» у одного из портовых причалов Вальпарансо.

Чакабуко показался им «раем». Еще бы: солнце, воздух, простор лагеря, помещение шириной в два и длиной в четыре метра. Гуляй — не хочу! К тому же есть возможность поговорить с другими. Новички заняли целый блок и краской намалевали на стенах «Баррио Пуэрто».

На корабле им приходилось хуже некуда. Постоянная темнота в трюме, служившем тюрьмой; удары хлыстами по спинам, когда они поднимались на палубу, чтобы умыться и проглотить свою порцию фасоли, изощренные издевательства.

Кое-кого из них держали в концлагере на территории бывшего курорта, выстроенного при Народном правительстве для трудящихся, который находился в деревне Пучункави поблизости от Кинтеро, в провинции Аконкагуа. «Мелинка» — такое кодовое название дали этому лагерю в ВМС.

Их нещадно муштровали, теперь они уже умеют строиться в ряды по классическому прусскому образцу. Маршируют как заправские солдаты, выпятив грудь, и орут во всю глотку «Здесь!» на утренних поверках. Щелкают каблуками, вытягиваясь по стойке «смирно» с руками безукоризненно «по швам».

Они разбираются в нашивках и не ошибутся в званиях. С вальпарансцами не случится того, что произошло, например, с Куэвитасом в день нашего прибытия в Чакабуко. От бесконечных толчков и пинков, когда ему пришлось раздеваться донага у всех на глазах, ему стало совсем худо и нестерпимо захотелось справить малую нужду. Он робко приблизился к военному, закуривавшему сигарету, и, тронув его за плечо, сказал:

— Послушай, служивый, где бы тут...

— Да ты рехнулся что ли, дерьмо паршивое! — в ярости обернулся тот.

— О, прошу прощения, капрал.

Кузвитасу немедленно была отведена здоровенная затрещина, сбившая его с ног: наказание за два греха сразу. Во-первых, военный не был простым «служивым», а во-вторых, назвав его капралом, несчастный лишь усугубил свою вину. Ведь речь шла не о ком-нибудь, а о горделивом лейтенанте Минолетти.

Прошло две недели, и вальпараисцы почувствовали себя даже еще более несчастными, чем мы. Отсутствие зелени, скудная и безвкусная еда, улицы в рытвинах или засыпанные селитрой, без единого деревца, цветка, даже травинки... Все это заставляло их отчаянно тосковать по своему океану, горам, селениям, зажатым в теснинах, по влажному ветру, оставляющему на губах привкус соли. Вскоре их кожа потемнела, стала такой же, как у остальных. Большую часть этой группы из семидесяти человек составляли преподаватели.

Прибыли две колонны грузовиков с сельскими жителями, крестьянами из Кольчагуа. До этого их несколько месяцев держали в каталажках в расположении полка «Сан-Фернандо», а потом отправили в Чакабуко. Этим пришлось особенно тяжело. Они, было, попытались выращивать кое-какую зелень. Семена, однако, сразу же погибали, съеденные селитрой. Крестьяне в своих сомбреро, сандалиях и поблекших пончо бродили, словно призраки, среди обломков, камней, развалин. Безделье для них было крайне мучительно. Кое-как они смастерили ткацкие станки и, укрываясь в тени своих барakov, занимались изготовлением крестьянских плащей.

Прибытие новичков всегда было для нас событием. Ведь они привозили известия из других районов страны. И даже если там с ними обращались точно так же, как с нами, на их рассказах неизменно лежал отблеск какой-то иной жизни, а в разговорах мелькали знакомые имена — людей свободных, арестованных или мертвых.

Самую крупную партию привезли из провинции Концепсьон.

Проведя несколько месяцев под арестом на местном стадионе «Рехиональ», они теперь продолжали свою одиссею в Чакабуко. Было их более двухсот человек. Шахтеры с «Лота» и «Коронель», принесшие нам вести о новых убийствах, имели свою организацию, вроде той, что мы создали на Национальном стадионе и здесь еще усовершенствовали.

Прибывали грузовики, привозили чилийцев с ближнего севера, из сельскохозяйственных провинций, с крайнего юга и крайнего севера. О пребывании в расположении полков, полицейских казарм у них остались осязаемые памятки в виде следов от уда-

ров плетью на спине и боках. Такие следы были у всех: у мужчин и у женщин. Подвесив к вертолетам, их погружали в море, а потом в таком подвешенном состоянии протаскивали над кронами деревьев в лесах. Некоторых буквально размазали по скалам в наизидание другим. Кое-кого без всяких «затей» сбросили с высоты. Из тех, кто уцелел после этих «воздушных экскурсий», многие остались в заточении на острове Кирикина, где находится школа юнг ВМС. Никто не мог точно назвать числа погибших. Люди только качали головами, повторяя: «Много, много».

Кое-кто из нас — «стариков» и новеньких горестно сетовал на затянувшееся заключение, на безнадежную изоляцию посреди пустыни, на усиление болей в позвоночнике, на то, что по ночам просыпаются с криком, мучимые кошмарами. Однако никто не считал себя окончательно побежденным. Сознывая, какой убийственный удар обрушился на Чили, какие потоки крови льются в стране, мы вновь и вновь мысленно переживали этапы этой трагедии.

— Я с ними еще посчитаюсь,— говорил крестьянин с вырванным правым ухом. Он потерял его, когда его подвесили к крюку, используемому для разделки мясных туш, а затем сорвали с этого крюка.

Этот человек получил землю и обрабатывал ее с сотней других крестьян в кооперативном хозяйстве по выращиванию молочного скота. Он заведовал коллективным добром и понемногу постигал дьявольски трудные для него секреты административного руководства. Ведь он еле умел читать и писать. Начал мало-помалу разбираться в доходах, расходах, капиталовложениях и в тот момент, когда — хотя еще было трудно — дела уже налаживались, был совершен переворот. Здесь, в лагере, он жил ради свободы и работы, необходимой для того, чтобы вернуть утерянное, в том числе и время.

По тому же руслу текли мысли людей с «Лучетти», «Текстиль Прогресо», «Индуметаль». Они руководили важными промышленными предприятиями. Они изведали и успехи, и промахи, и ошибки. Но сейчас каждый из этих трудящихся, приобщенных к управлению экономикой страны, чувствовал себя в состоянии делать свое дело лучше, чем раньше. «Уж мы постараемся сделать так, чтобы нам еще представился случай», — обещали они.

Что же говорить о тех, кто работал в административном аппарате, начиная с министерств и кончая предприятиями коммунального обслуживания? Они вступили в новый, неведомый им мир. Ранее прозябая за своими письменными столами на положении мелкой канцелярской сошки, сами они никогда решений не принимали. Начальствующие бюрократы заваливали их памятными записками и другой писаниной. Это отучало их мыслить само-

стоятельно. Но пришло время и они научились работать эффективно и требовать того же от окружающих.

Как те, так и другие знали о подготовке к борьбе против вечно подавлявшего и угнетавшего их режима. Оказавшись у власти, они на первых порах высматривали, с кем бы схватиться «наверху», и только потом поняли, что наверху они сами и что теперь надо ускорить начавшийся процесс. Иначе говоря, двигаться дальше вместе со всеми подобными им. Было не так-то просто приучить себя к этой несложной мысли в бурной атмосфере брожения и всяческих уклонов.

За очень короткий срок было немало сделано, мы многому научились. И если у тех, кто заправлял делами в Чили до ноября 1970 года, за плечами была 150-летняя школа практического опыта, а мы, рабочие и крестьяне, сумели овладеть премудростями управления за какие-то три года, значит, мы не без способностей.

Но победила контрреволюция. Почему? Почему? Этот вопрос мы задавали себе непрестанно с 11 числа, а быть может, даже еще раньше, когда заметили, что народное правительство дает течь, словно лодка, из дна которой выбивают одну доску за другой.

— Нам нанесли поражение не в борьбе, потому что мы и не сражались вовсе! Народ не воевал, на него просто обрушилась могучая военная машина, изрыгающая огонь. Вот как обстояло дело. Ни о какой войне не может быть и речи, хотя нас схватили, держат за решеткой и именуют «военнопленными».

Люди из Вальпараисо, Сантьяго, Кольчагуа, Консепсьона, Талки вели друг с другом долгие вдумчивые беседы, пытались разобраться, кто же в чем конкретно виноват.

— Значит, если армия выступила, чтобы уничтожить наши организации, она знала, что не встретит вооруженных противников. Сначала она выяснила, что на фабриках и заводах оружия у людей нет, и только после этого был устроен переворот. Иными словами, мы были разгромлены еще до бойни 11 сентября.

— Военщина разогнала правительство, убила товарища Альенде и ввела комендантский час, чтобы не допустить всеобщей забастовки и изловить нас, словно мошек, заперев на наших предприятиях и в поселках. Короче говоря, враг сам выбирал поле боя, потому что уже взял над нами верх. Нам нанесли поражение еще до переворота! Вот в чем суть.

— Похоже на то. Мы остались в одиночестве, товарищ. Рядом с трудящимися не оказалось никого, союзников словно ветром сдуло.

Хотя в душе все кипело, когда вспоминали о союзниках — средних слоях,— говорили осторожно, стараясь не задеть и не обидеть.

...Мысленно мы вновь прослеживали ход событий. В 1970 году на нашу долю приходилось 36 процентов всех голосов избирателей. В марте 1973 года на парламентских выборах эта цифра увеличилась до 44 процентов. За это время кое-что изменилось: решающие силы средних слоев общества — торговцы, мелкие и средние промышленники, мелкие и средние землевладельцы, люди свободных профессий — потянулись в нашу сторону. Их привлекал ясный и последовательный курс левых. Они правильно истолковали цели, преследуемые левыми, как патриотические. Мы были в большинстве, и атаковать нас было трудно.

Утверждению Конгрессом воли народа предшествовали два месяца необычайно бурных событий. Страна была ввергнута в пучину экономического кризиса. Вкладчики в панике ринулись в банки, изымая свои вклады, в том числе свои сбережения в кредитно-сберегательных кассах. Где взять деньги для таких колоссальных платежей? Тогдашний министр финансов объявил по телевидению, что в Англии будут заказаны партии специальной бумаги, чтобы отпечатать новые банкноты, поскольку находящиеся в обращении уже на исходе. Капиталы безнаказанно вывозятся за границу. Прекращается работа на промышленных предприятиях. Закрываются торговые заведения. Рвутся бомбы. По телефонным проводам распространяются зловещие слухи. В результате акции, организованной и оплаченной ЦРУ, рукой убийцы сражен генерал Рене Шнейдер, командующий армией. Этим преступлением армию пытались подстрекнуть к тому, чтобы преградить путь Альенде.

На плечи трудящихся ложится неслыханно тяжелое бремя ответственности. Но Народное единство действует в соответствии с принципами своей программы, расширяя сферу влияния. Несмотря на трудности и неразбериху, оно держит ход событий под контролем.

В ноябре Альенде официально приходит к власти. (Президентство в Чили — это самая важная ветвь государственной власти. Президенту подчиняются административный аппарат и вооруженные силы). Перед новым президентом встает задача, не терпящая отлагательства: заставить парализованную страну двигаться. Оздоровить раздутый и бесхребетный чиновничий аппарат. Неустанно разъяснять людям цели народного правительства, ибо эти цели, по-настоящему отражающие интересы большинства, извращаются реакционной пропагандой и системой идеологических диверсий извне.

Впервые в истории Чили четверо рабочих — трое коммунистов и социалист — получают министерские портфели. Правые, потерпев поражение, нашли убежище под сенью двух других ветвей власти: речь идет о парламенте и системе правосудия. Там они окопались и оттуда начали распускать свои щупальца.

Когда исполнительная власть выражает волю народа, можно достичь многого, но для этого необходимы все большая сплоченность и единство. Напористость и энергия организованных и дисциплинированных масс мобилизует большинство населения на поддержку безотлагательных мер: национализацию империалистических компаний и сфер производства, находящихся под властью национальных монополий, радикальную активизацию аграрной реформы. Вносятся справедливые изменения в шкалу заработной платы и жалования. Каждый чилийский ребенок ежедневно получает бесплатно пол-литра молока.

Исподтишка подкрадываясь к народному движению, а затем давая ростки в некоторых из его органов, появляются волюнтаристские тенденции, препятствующие усилению новой власти. Волюнтаризм, проявляемый ультралевыми, объективно играет на руку традиционно правым. Отвлекаются, рассредоточиваются силы, занятые радикальными преобразованиями.

Противники пытаются закрепиться на любых позициях, сколь бы маловажными они ни были. При всяком удобном случае они предают нас анафеме, как реформистов. На государственных предприятиях людей подстрекают выдвигать чрезмерные, необоснованные требования. Мы делаем упор на производство и производительность, а людям внушают необходимость забастовок. По улицам проходят шествия мракобесов, вооруженных дубинками.

Правые, в руках которых преимущественно остаются печать, радио и телевидение, постепенно активизируются. Не без вмешательства ЦРУ происходит убийство бывшего вице-президента Республики Переса Суховича, активного представителя христианских демократов. Это мешает возможному взаимопониманию с прогрессивными силами, составлявшими тогда в этой партии большинство.

Как ловко враги Чили используют в своих целях молодежь. Как ловко правые оказывают влияние на вооруженные силы, где прогрессивные элементы мало-помалу сдают позиции.

Империализм, используя правых, прибегает к обходным маневрам. Лесть по адресу Альенде, угрозы, попытки внести разложение в лагерь левых. Эти приемы не дают желаемых результатов.

В начале 1971 года промышленные предприятия, многие из которых до этого использовали лишь половину имеющихся у них производственных мощностей, работают уже в полную силу. Вводятся ограничения на квартирную плату, и за 12 месяцев этого года уровень безработицы, составлявший 8,3 процента, стремительно падает до 3,8 процента. Тысячи не имеющих крова семей временно въезжают в деревянные дома, пока строится капитальное жилье — 90 тысяч домов в год.

Впервые бедняки могут кое-что себе позволить, едят мясо, обувают своих детей, дарят женам материал на платье. Масса потребителей, возросшая благодаря заработной плате, приведенной в соответствие с ценами, активизирует производство, раскупает все производимое предприятиями, которые работают в три смены. Довольные коммерсанты подсчитывают выручку, но остаются без товаров, распродав все имеющиеся запасы толпам непритомливых новых покупателей с серебром в карманах. Кинотеатры и рестораны переполнены. Жилые дома в небогатых кварталах щеголяют новыми крышами, стеклами и занавесями на окнах. Появилась работа и возможность выбрать ее.

Но империализм не унимается, блокируя импорт материалов, необходимых для работы промышленности: из США перестают поступать запчасти для наземного транспорта и сырье для текстильных фабрик.

Заговоры следуют один за другим. В марте 1970 года — это заговор майора Маршалла. В октябре 1972 года — генерала Каналеса. В июне 1972 года в роли заговорщика выступает полковник Супер. Тем не менее вооруженные силы в целом по-прежнему поддерживают Конституцию, законы, перемены, преобразующие облик Чили.

Все попытки переворотов немедленно пресекаются.

Если бы нам приходилось сражаться только на одном фронте! Но мы вынуждены воевать на двух фронтах. Это производственный фронт и фронт защиты правительства. При этом, защищая правительство, нам приходится дробить свои силы, ибо, с одной стороны, ему угрожают заговоры правых, а с другой — брожение среди масс трудящихся, раздуваемое ультрареволюционными волонтеристами.

Правые утверждают, что со свободой покончено. Они обивают пороги казарм, настаивая на вмешательстве военных. Правые по-прежнему пользуются влиянием в печати, на радио и телевидении. Дабы как-то объяснить прочность экономических позиций своих органов информации, живущих в действительности за счет долларов, полученных от империалистов, они запускают в работу версию о средствах, получаемых от продажи облигаций, якобы усердно раскупаемых их читателями и слушателями.

На стенах зданий появляется надпись «Джакарта» — намек на возможное повторение кровавой расправы с левыми силами наподобие того, что случилось в свое время в Индонезии.

Рост политических «акций», характерный для 1971 года и нашедший свое отражение в результатах муниципальных выборов, на которых мы получили 51 процент голосов, застопорился. На следующий год наметился спад. Как отметит на пресс-конференции Володя Тейтельбойм, значительная мера вины за этот спад ляжет на нас самих, если мы, как Народное единство, не примем

срочных мер. Он заявит и о недостатке гибкости в работе со средними слоями. Вместо того, чтобы приобщить эти слои к нашему великому делу освобождения отечества, мы нередко отталкиваем их.

Это сказано им в марте 1972 года. С какой страшной убедительностью подтвердили правоту его слов последующие месяцы!

Надписей «Джакарта» на улицах становится все больше!

Из 180 радиостанций, действующих в Чили, правые распоряжаются 130, в том числе самой крупной. Национальному телевидению, аудитория которого — вся страна, никак не удастся вырваться из-под влияния правых, дающего о себе знать в его наиболее популярных программах.

9-й канал (телевидение Чилийского университета), целиком руководимый левыми и бывший явным фаворитом телезрителей в период прихода Альенде к власти, оказывается теперь по популярности на последнем месте. Это происходит из-за сектантского характера их передач и неумения справиться с техническими и экономическими трудностями.

Из администрации 13-го канала (Католический университет) вытеснены все левые, и эта телевизионная станция превращается в открытый рупор реакции, мятежа и государственного переворота. Благодаря щедрым подачкам в долларах они не знают финансовых забот. Складывается любопытная ситуация. Левых изгоняют из органов массовой информации, где распоряжаются правые. Правых же невозможно вытеснить даже из Национального телевидения. Есть, видите ли, закон, который запрещает это.

Газетный концерн «Эль Меркурио», финансируемый, как известно всем и каждому, ЦРУ и многонациональными компаниями, по-прежнему выпускает огромными тиражами три газеты в столице и еще несколько — в провинциях. У левых тоже есть газеты, но только «Эль Сигло» в полной мере отражает взгляды Народного единства и Президента Альенде. «Кларин», другая левая газета, выходящая большим тиражом, нередко заигрывает с теми, кто, не входя в Народное единство, пытается извне навязать правительству авантюристический курс. Другие газеты лишены влияния. И, самое главное, нет ни одной из них, обращающей свой голос к тем слоям населения, которые могли бы пойти на сотрудничество с нами. В лучшем положении оказалась Книжная палата, занятая, стараниями Хоакина Гутьерреса, распространением среди массового читателя качественных и содержательных литературных произведений. Ведь такие произведения — необходимая духовная пища для большинства народа, охваченного неукротимым стремлением к освобождению и созидательному труду.

Издательство «Киманту», имея прекрасное современное оборудование, не смогло подняться на уровень задач, вставших пе-

ред трудящимися, когда они пришли к власти и создали свое правительство.

Но уж где действительно были необходимы творческий импульс и постоянные усилия, направленные на достижение конкретных целей, так это в кинематографе. Мы располагали студиями «Чилефильмз», устаревшими, но еще пригодными для создания доходчивых, волнующих зрителей кинолент. Половина времени, однако, уходила на отвлеченные споры и бесконечные теоретические рассуждения. В кинотеатрах не было фильмов, а некоторые из тех, что выходили... уж лучше бы их и не снимать. Только в последний год до переворота был запланирован и налажен выпуск еженедельной кинохроники и появилось несколько полнометражных фильмов. Но время было упущено.

Революционный процесс в Чили в силу своих характерных особенностей лишал — или почти лишал — нас права на ошибку. Мы же наделали множество ошибок. И какой же великолепный урок терпимости и понимания преподали нам трудящиеся, когда в марте 1973 года мы получили 44 процента голосов избирателей. Не поддаваясь на удочку пропагандистского аппарата, день за днем восстанавливавшего их против начатого дела, испытывая немало лишений и трудностей, они, тем не менее, продолжали поддерживать порядок, не утратили классового чутья, сохранили душевную твердость. Они продолжали идти вперед, занимаясь созидательным трудом, мечтая о новом времени своей родины, которое непременно настанет.

А на стенах по-прежнему писали «Джакарта».

Когда же подрывные элементы, пойманные с поличным, представляли перед судами, эти последние брали на себя заботу о том, чтобы немедленно выпустить их на свободу. В случае закрытия какого-либо органа информации правых, судьи и парламент начинали толковать законы по своему усмотрению, отменяя санкции правительства. Они пользовались своим надежным большинством, чтобы гарантировать виновным безнаказанность.

Каким же образом мы, тем не менее, ухитрились действовать?

Какие были у нас возможности двигаться вперед, если Конгресс не давал нам законов? Что нам удалось все-таки сделать, скажем, в сфере промышленности и банковском деле?

С 1931—1932 годов, отмеченных радикальными социальными преобразованиями, остался в силе декрет, на основании которого правительство имело право экспроприировать предприятия, сокращавшие или вообще прекращавшие у себя производство, вызывая тем самым неполадки в снабжении населения. Этот декрет применялся нами в каждом подходящем случае. Трудящиеся брали такое предприятие в свои руки и снова пускали его в ход. Затем власти договаривались с бывшими владельцами о приоб-

ретении его в собственность государства. Так в экономике родился сектор общественной собственности.

Не было и не могло быть закона о национализации банков, хотя такой национализации требовали профсоюзы банковских служащих, и она была насущно необходима для зарождающейся новой экономики. Ничто, однако, не мешало государственному учреждению — Корпорации промышленного развития — на индивидуальной основе прямо договориться с акционерами, владельцами или немногих акций, или крупных пакетов. Приобретая таким образом акции и получив большинство в правлениях, Корпорация получила и контроль над банковской системой. По тому же принципу были национализированы филиалы международных банков в Чили.

Каждое из этих мероприятий, которым отчаянно сопротивлялись правые, удавалось провести в жизнь только благодаря энтузиазму и поддержке трудящихся масс. Решающую роль здесь сыграла готовность рабочих и служащих взять дело в свои руки, решимость справиться с задуманным.

Поэтому фашисты угрожали, малюя надпись «Джакарта».

Пока, наконец, не привели свои замыслы в исполнение.

* * *

Появление стай бродячих собак, облаивающих патрули, которые обходили лагерь, прерывало наши беседы, посвященные до-тошному анализу того, что же представляло собой наше правительство и как нам надлежит вести себя, когда мы вновь соберемся с силами.

Как ни странно это звучит, но появление собак в Чакабуко внесло в атмосферу нашей жизни какую-то теплую нотку... Теперь в лагере с нами жили не только мухи и крысы, но также десятка два бродячих дворняг.

Как-то на рассвете в одном из домов появился авангард собачьего десанта: до ужаса худая ободранная сука с поджатым хвостом, которая вот-вот должна была ощениться. Мы ее приютили, накормили и постарались устроить поудобнее, чтобы она могла спокойно произвести на свет свое потомство. От нас она получила кров и имя: ла Пунта. От ла Пунты родились Сорба и Мамерто. Много позже это трио получило мощное подкрепление в лице полудюжины псов, прибредших из пустыни. Каждое утро они поднимали тучи пыли, носясь между рядов заключенных, выстроившихся на перекличку, а по ночам лаяли на звезды и на солдат. Собачий лай приветствовал печальные рассветы в этом концентрационном лагере, где полторы тысячи чилийцев с нетерпением ожидали возможности вырваться на свободу, что-

бы присоединить свой голос к песне сопротивления, слова которой писались на воле.

Кое-кого освободили, а остальным давали понять, что очень скоро за этими счастливчиками последуем и мы. Мы собирались под сторожевой вышкой у ворот и пели, прощаясь с уезжающими. В облаках пыли, поднятых колесами грузовиков, можно было различить носовые платки, которыми мы махали на прощание.

Многие из уехавших тогда вновь были схвачены позднее, и мы встречались с ними в других лагерях. Они ни в чем не раскаивались, но только действовать по выходе из тюрьмы собирались более осторожно.

Все заметнее становились перемены в настроении военных. Когда я был госпитализирован во время пребывания в Чакабуко, солдаты рассказывали мне, как они устали от порученного им дела и какое отвращение оно у них вызывает.

Был случай, когда солдат, стоявший на часах у входа в госпиталь, выстрелил в себя. Срочно вызванные врачи из числа заключенных пытались спасти его, немедленно сделали ему операцию, но он умер.

— Среди нас много больных, — говорили солдаты, — мы видели страшные вещи. Сами мы из Антофагасты, и нас привезли в столицу 11-го. Работу нам дали самую паскудную: подбирать по ночам мертвых и грузить их на машины. Одному моему приятелю по роте пришлось застрелить паренька, который лежал среди мертвых и сам был вроде как мертвый. Когда мы его взяли, он приподнялся. Тут мы сообразили, что он еще жив. Лейтенант заставил его встать на колени и приказал моему другу выстрелить ему в лицо. Тому всю голову разнесло. Приятеля моего демобилизовали, потому что он после того тронулся... Сам я видеть не могу крови, меня каждый раз прямо рвет... Хоть бы все это поскорее кончилось.

ОКРАИНА ИМПЕРИАЛИЗМА

Нам объявили:

— В Сантьяго вам разрешили посещения. Ваши родственники придут завтра и послезавтра. Встречи — по получасу в помещении бывшего театра компании «Чакабуко». Все привезенное посетителями мы проверим и потом передадим вам. Вы сами с собой ничего уносить не должны. Запомните это хорошенько, чтобы не повредить тем, кто придет вас навестить. Их и вас обыщут при входе и выходе. Мы не допустим передачи каких-либо поручений или бумаг.

Неделю приводили мы в порядок старый театр. Его здание, когда-то элегантное, сохранило следы былого великолепия. Со своими балконами, ложами и галереями оно походило на все другие оперные театры. Большая сцена и просторные артистические уборные. В них кое-где еще сохранились изодранные драпировки. В прошлом здесь выступали знаменитые театральные труппы, услаждавшие своим искусством англичан — ведущих администраторов фирмы. Говорили, что некогда тут пел сам Карузо. Кроме театра был тут и танцевальный зал «Филармоника». Чакабуко украшали очаровательные коттеджи в сугубо английском стиле, отданные затем во власть беспощадного времени и крыс. Сейчас в них размещаются офицеры и солдаты, комендатура, офицерское казино, солдатский клуб, столовая...

— Подстригитесь, побрейтесь и приоденьтесь! Кто не будет выглядеть прилично, того не выпустят. Пусть пеняет на себя. Вызывать будем по списку, по мере появления родственников. Поосторожнее в разговорах: помните, что за вами все время наблюдают...

Что еще примечательного было в Чакабуко? Чуть поодаль от площади — мы называем ее между собой площадью Сальвадора Альенде — начинается двойной ряд глиняных построек, по десять в каждом. Некогда это были жилища чилийских рабочих. В этих домах не было воды — не то, что в жилищах англичан. Воду доставляли из центрального источника Чакабуко снующие повсюду продавцы воды....

Была здесь и стройная церквушка с колокольной и крестом, вздымающимся высоко в небо. Внутренность ее, так же как в бунгало англичан, отделана импортным, со вкусом подобранным деревом. Был там примечательный прямоугольник земли, способный что-то родить, единственный на сто километров вокруг. Около двенадцати метров в длину и четыре в ширину при толщине земляного слоя 80 сантиметров. Это была плодородная земля, однажды выполнившая роль балласта на судах, транспортировавших селитру. Земли этой было достаточно, чтобы на протяжении всего года доставлять свежую зелень к столу высокопоставленных служащих «Чилиен нитрэйт компани»...

— Когда будет объявлено, что время посещений истекло, значит — все, конец. Вам надлежит немедленно попрощаться с родными и построиться. Никаких опозданий! Если кто задержится, за это заплатят его родственники. Ясно? А теперь можете разойтись.

Кто придет и к кому? Несмотря на мучившие всех сомнения, надо было побриться, хоть как-то привести в порядок одежду, начистить ботинки. Сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь: наконец-то, спустя три месяца, можно будет обнять жену и детей, дотронуться до них, прочесть в их глазах то, чего не выразишь словами. После того, как они проделают столь долгое путешествие в пампу, всего каких-то полчаса на встречу! Ладно, все равно успеешь спросить сам и ответить на вопросы.

В ночь накануне долгожданной встречи мы спали беспокойно. Вспоминая близких, Куэвитас глаз не мог сомкнуть, повторяя: «Когда меня схватили на стройке 12-го, мать была одна, лежала болящая в постели». Матери этого товарища было 80 лет, и она была парализована. Если соседи ее не бросили, возможно, она еще жива и, как знать, может быть, даже придет...

В начале века Чакабуко был центром деятельности примерно тридцати селитряных компаний в провинции Антофагаста и поддерживал тесную связь со своей метрополией.

В 20-е годы «Чакабуко» была еще процветающей фирмой с системой организаций, принятой на предприятиях по добыче селитры. Порядки были самые строгие, всех проверяли и на входе, и на выходе. Имелась своя пожарная команда и отряды бойскаутов. Существовала собственная служба вооруженной охраны, финансируемая компанией. Два патруля карабинеров появлялись каждые 24 часа, чтобы брать тех, кто проявил хоть какое-то недовольство или крамольное направление мыслей...

На утренней перекличке объявили, что имена тех заключенных, к которым придут посетители, пока неизвестны. Списки должна была привезти с собой группа приезжающих женщин. Скопление узников у подножия сторожевой вышки близ главного входа свидетельствовало о предстоящем событии. И наконец, в

клубах пронизанной солнечными лучами пыли появились три автобуса — развалюхи, грязные, с явно перегретыми моторами. Было что-то около четырех часов дня.

Вот автобусы останавливаются. Мы видим, как из них выходят женщины и несколько сопровождающих их священников и монахинь. Женщин одну за другой ведут в здание театра, а они жестами приветствуют нас и кричат: «Веселее, держитесь!»

Они это кричат крайне взволнованным людям, отделенным от них проволокой, сотней метров песка и солдатами, расставленными через каждые пять шагов, держащими винтовки на изготовку. Пытаемся разглядеть своих, но... слишком далеко, да и на глаза то и дело набегают слезы. Даже кричать не можем: перехватило горло, а если пробуем, то вырывается рыдание, а не подготовленный заранее ласковый привет. Посетителей больше сотни, но нас-то больше полутора тысяч. Ну, кого-нибудь все равно вызовут. К кому-то приедут завтра.

Цветные платья женщин, их голоса, несколько детей, цепляющихся за юбки приехавших, — все это само по себе такой замечательный подарок, что нам уже не так горько и обидно, если придется дожидаться посещения еще три или шесть месяцев. Один из наших товарищей — Гильермо Торрес издает крик и падает без сознания, отброшенный ударом тока: в возбуждении он схватился за проволоку...

Как-то мы рылись в горах бумаг, сваленных в старых бездействующих мастерских, и к нам в руки случайно попала общая тетрадь в черном переплете, исписанная от руки одним из охранников на службе компании. Датирована она была 1922 годом. Она воспроизводила картину прямо-таки военных порядков, царивших в Чакабуко. Отмечалось время ухода в общие туалеты и время, проведенное там. Это же относилось и к посещению душевых. Начиная с 9 часов вечера действовал комендантский час. Тех, у кого в доме было шумно позже этого времени, брали на заметку, и таким образом накапливались основания для вычетов из заработка в конце недели. Или даже основания для увольнения без всякой компенсации в конце месяца.

Если рабочий возвращался в обнесенный стенами городок Чакабуко позже девяти часов вечера, его имя у входа записывали, иногда присовокупляя к этому примечание вроде следующего: «Грегорио Мартинес Кабесас явился пьяный, колотил ногами в ворота и оскорблял охранника». Но рядом обычно можно было увидеть и другие записи, например: «Мистер Шуман приехал в три часа ночи, очень веселый. Как всегда, приветливо шутил»...

Узники выходили по одному, с пустыми руками. Их уже подвергли обыску. Построившись в ряд, они направились к зданию театра. Женщины сидели там далеко одна от другой, на отдельных скамейках. Рядом с каждой — солдат. Заключение должен

был сесть на скамью так, что солдат оказывался между ним и посетительницей. Если солдат был не так бдителен, как его начальник, лейтенант Александр Ананиас, он отворачивался, и муж мог поцеловать свою подругу, взять ее за руки. Говорить можно было только громко, не произнося, боже упаси, ничего, что можно было бы принять за планы свержения хунты.

Но вот истекли положенные тридцать минут, узники выходят, посетители строятся в ряд. Обыск. Арестанты возвращаются к себе за решетку. Женщины — на свои места в автобусах. Половина продуктов, привезенных посетительницами, так и не попала к заключенным...

В марте 1922 года покончила жизнь самоубийством молодая супружеская чета. Он — пришелец с Юга, она — индианка с гор. Они легли в постель, положили между собой заряд динамита, подожгли его, и были разорваны в клочья. На следующий день им предстояло бы покинуть Чакабуко, так как муж остался без работы и без дома. Ему была невыносима мысль о возвращении назад еще большим бедняком, чем прежде, с беременной женой, не знающей, где ей предстоит дать жизнь их ребенку.

Как-то во время представления в театре охранник задержал человека, который продавал газету социалистов. В кармане у него нашли список 22 подписчиков. Этого человека, а вместе с ним и всех названных в злополучном списке передали в руки карабинеров. В общей тетради не говорилось о том, что те сделали с ними, но из нее мы узнали, что жены и детишки этих двадцати трех были в ту же ночь вышвырнуты на улицу вместе со всеми своими пожитками...

На следующий день посетители прибыли несколько позже, уже около шести. По дороге возникли осложнения, так как в Сантьяго женщинам не выдали пропуск, разрешающий их автобусам двигаться ночью. Поэтому им пришлось ночевать в католических монастырях и церквях, гостеприимно распахнувших перед ними свои двери. Они продали радиоприемники, телевизоры, часы, чтобы привезти что-нибудь поесть своим томящимся в заключении мужьям. Как и накануне, половина продуктов, особенно фрукты, была конфискована.

Вальдес, совсем молодой рабочий-строитель, женатый всего каких-то полгода и обозленный присутствием солдата во время свидания с женой, сказал ей: «Если бы мы были одни, женушка, я предложил бы тебе заняться блудом». У солдата, тоже почти мальчишки, от смущения запылали щеки, и он рассыпался перед ними в извинениях. «Будь моя воля, я оставил бы вас наедине. В вашем положении мне было бы так же тошно, как и вам. Как представляю себе, что мне не позволили бы поговорить с глазу на глаз с моей невестой... Кроме того, у меня у самого отец арестован в Вальпараисо».

Мать Куэвитаса не навестила его, потому что умерла с голоду, одна-одинешенька в своей хибаре. Соседи обнаружили ее уже разлагающийся труп в конце сентября.

Прошли свидания, и вновь началась обычная тоскливая монотонность, к которой мы так и не могли никогда привыкнуть. В шесть подъем, в семь завтрак, в восемь переключка. До девяти — уборка помещений. Затем каждый занимается своим делом. В полдень порция фасоли. В шесть отбой, а в девять нас запирают на ночь. Охрана меняется каждые две недели. Нудная речь офицера службы безопасности. То одна военная форма, то другая: сухопутные войска, авиация, карабинеры. Истребители-бомбардировщики, ежедневно проносящиеся над самыми крышами в два часа дня. Они прилетали из Серро Морено в Антофагасте, дабы мы не забывали, что нас бдительно сторожат. Одним из наших сторожей был крюконосый капитан Сантандер.

— Вас, небось, интересуется, почему я по эту сторону, а вы — по ту? — как-то риторически вопрошал он, обращаясь к нам. — По трем причинам. Во-первых, при правительстве Народного единства я не смог купить машину, потому что меня надули в фирме, через которую я это собирался сделать. Во-вторых, моему брату располосовали пряжками физиономию в драке в университете. В-третьих, когда меня послали в Панаму в составе военной стрелковой команды, ни один тамошний банк не захотел выдать доллары по чеку нашего Государственного банка, доллары, которые полагались мне на прожитие.

— Не удалось, значит, тебе сходить к девкам, — пробурчала рядом со мной заключенный из бывших солдат.

Сантандер любил поразглагольствовать и при этом расхаживал, слегка пощелкивая по крагам кончиком поясного ремня.

— Нас пытались расколоть, но это не вышло. Заваруха могла бы начаться только, если бы в вооруженных силах начался раскол. Но мы держались и всегда будем держаться заодно. Потому, что мы — отечество. А вы, вы — враги отечества. Посмотрите, в каком положении вы теперь. Сколько нашлось у вас настоящих друзей, которые пришли на помощь вашим семьям сейчас, когда вы разгромлены и угодили за решетку? Раз, два — и обчелся. Вы в одиночестве, и к нулю сведена ненависть, семена которой вы хотели посеять среди чилийцев. Мы, вооруженные силы, возродим отечество!..

Чакабуко умер, и вместе с ним приказали долго жить все селитряные компании провинции, за исключением двух. Рабочие в поисках заработка перекочевали на Юг. Опустевшие поселки, словно призраки, вставали по обе стороны дорог. Чакабуко, защищенный свими стенами, меньше других пострадал от набегов мародеров.

При народном правительстве были приняты меры для превращения его в «Музей селитры», наглядно рассказывающий об одном из аспектов нашей истории. Готовились, в частности, коллекции расчетных черепаховых фишек, выдававшихся в конце проработанной недели. С ними связана история восстания горняков, которые хотели, чтобы им платили деньгами. Войска по приказу правительства отвечали на это залпами из скорострельных винтовок. Правительство действовало по указке иностранных компаний. Но стреляли-то чилийские солдаты.

Сейчас происходит то же самое насилие и не только на Севере, а повсюду в Чили. Ставшее более совершенным оружие обращено против ставшего более сознательным и зрелым народа. Этот народ, идя по стопам рабочих селитряных рудников, почти завоевал всю власть для чилийцев в ходе самого яркого и смелого государственного эксперимента, когда-либо имевшего место в истории нашего отечества. Нас, думающих именно так, большинство, пусть даже пока мы разбиты и разобщены.

Этого не понимают ни Сантандер, ни Минолетти, ни Ананиас. Переворот был совершен для того, чтобы спасти загнивающий, хищнический капитализм и утвердить чужестранное империалистическое господство. Сейчас свою волю диктует не Лондон, а Вашингтон. Там тоже говорят по-английски, и дело сводится все к тому же грабежу богатств чужих недр. Как следы этих «славных деяний» остаются развалины и вдовы. При этом, в отличие, например, от Вьетнама, янки даже не приходится самим нажимать на курок: за них это делают другие. Новобранец из Антофагасты, подбиравший мертвых в Сантьяго, жаловался, что ему на войне досталась самая грязная работа. Генералы, совершившие переворот, наверняка на это не жалуются, хотя янки в своей стратегии колонизации далеких народов оставили на долю чилийских генералов войну и репрессии против их соотечественников, иными словами, тоже самую грязную работу...

От селитры ничего не осталось. На горизонте восходила звезда национализированной меди.

«В НОГУ»

— Добровольцы с ведрами!

Вызов повторился три раза. Многие из заключенных выскочили из-под навеса столовой с ведрами, этими универсальными сосудами, служившими нам для раздачи фасоли и кофе, стирки и кипячения белья и мытья полов. Наполнив водой, их передают из рук в руки к заброшенному строению, над которым видны языки пламени. Пожар.

Клубы дыма вырываются из-под крыши, покрытой оцинкованным железом. Смеркается.

В одной из печей старой пекарни, желая навести порядок и устранить опасность возникновения пожара, решили сжечь гору старой пересохшей бумаги: конторские книги, расчетные карточки, платежные ведомости, личные дела, заявки на запчасти, разнарядки на селитру, корреспонденцию на немецком и английском. Новобранцы, которым поручили это дело, не учли, что раскалятся кирпичи печи, и спохватились только, когда показались дым и пламя.

Однообразие лагерной жизни нарушено. Заключенные бегают между солдат, безрезультатно поливая из ведер ближайшие постройки. Кто-то, руководствуясь воспоминанием о действиях пожарных в подобных случаях, подсказал, что нужно сорвать крышу. Трое или четверо заключенных и столько же новобранцев вскарабкались и сорвали оцинкованные листы железа, сумев избежать нахлынувшей огненной волны.

Начальник лагеря приказал вывести два танка и опрокинуть на пожар с их помощью баки с водой. Упершись в баки, танки взрвали моторами и начали медленно двигаться вперед. Первый, продвинув качающийся бак на три метра, толкнул его на камень и опрокинул. Все давали указания — начальник и сержанты, новобранцы и заключенные. Последних было больше и они орали громче всех.

— Осторожно! Медленнее! Не так! Не так, морда! Давай, давай!

Второй танк прошел пять метров, окруженный толпой галдящих советчиков. Дрожала броня, гусеницы скребли землю, в которой увязал бак.

— Ну, сейчас!

Еще одна пробуксовка и завывание мотора. Неожиданно бак смялся, превратился в кучу сплющенного железа и оказался под брюхом машины, ставшей похожей на гуся в луже. Подбадривающие возгласы сменились насмешками. На водителя, изумленно высунувшего голову, показывают пальцами. Все мы, кроме офицера, смеемся, совершенно забыв про пожар, горящие обломки, падающие рядом.

— Всем заключенным построиться за оградой, так вас растак!

Нас считают, проверяя и перепроверяя список. Нет, никто не сбежал, даже не попытался. Как всегда, они боятся ошибиться, в особенности после того, как чуть не сбежали двенадцать товарищей с тридцатью новобранцами.

Это случилось две недели назад. В Чакабуко содержались заключенные самых разнообразных профессий и специальностей — адвокаты, столяры, преподаватели языков, историки, электрики, механики, сельхозработники, пекари, фельдшера, ученые, журналисты, актеры, конферансье, бывший армейский полковник, бывший капитан карабинеров, инженеры, шоферы, рыбаки, диетологи, официанты, железнодорожники, тюремные охранники, жестянщики, радио- и телетехники, кинематографисты, ветеринары, стоматологи, текстильщики, шахтеры, портные, сапожники, штамповщики, токари, строители, экономисты, счетоводы, поэты, торговцы, специалисты по вычислительной технике, старшеклассники и студенты университета, циркачи, лирические певцы, старатели, музыканты, печатники, живописцы и маляры, математики, астрономы, медики 20 специальностей, банковские служащие, нефтяники, лесорубы, мельники, водолазы, продавцы газет, повара, учителя начальных школ и профессора из университета и т. д. и т. д.

Мы и сами удивлялись, когда дежурный вызывал на построение каких-либо специалистов:

— Медики!

— Электрики!

— Преподаватели высшей математики!

— Парикмахеры!

Иногда нас делили на группы по специальностям.

В то утро мы не поверили, что лейтенант Канальс найдет, что ему нужно. Он приказал:

— Капельмейстеры, поднимите руку!

Поднялось 12 рук...

Их прикрепили к 30 новобранцам призыва 1974 года. Канальс

хотел организовать оркестр флейтистов и барабанщиков для парада во время одного из праздников в Антофагасте.

Один из заключенных — Филистоке возглавил руководство обучением оркестра, который должен был быть подготовлен за две недели. Было разрешено использовать плац, и целыми днями там слышался бой барабанов и синкопированные музыкальные фразы. И правда, наши товарищи знали свое дело — через неделю вояки маршировали под ритмичное музыкальное сопровождение.

Королевское величие начинало звучать в голосе Филистоке, когда он, пользуясь своим положением, подавал подчиненным команды: В ногу! Прямо... шагом марш! Левое плечо вперед! Стой!

Некоторые заключенные прижимали лица к решетке, наблюдая за всем этим. Двенадцать наших товарищей демонстрировали свои способности и знания, недоступные непосвященным, давая пищу для размышления охранникам, удивленно следящим за четкими перестроениями подразделения под руководством вырванных из гражданской жизни политзаключенных.

Филистоке, хотя ему и выбили все зубы на Национальном стадионе, обладал зычным голосом. Его команды, преодолев часть плаца, отведенную под упражнения, заставили маршировать, к нашему удовольствию, и солдат по ту сторону решетки. В трех метрах от нее Филистоке дирижировал барабанами. Солдаты маршировали через плац и возвращались назад. Никто не произнес ни слова. Для нас это было развлечением. Охрана продолжала наблюдать с любопытством. Музыканты слепо подчинялись дирижеру. На восьмой день музыканты, наигрывая, топали по всем проходам Чакабуко. Уверенные в себе, brave, они маршировали, ловко выполняя самые неожиданные команды. Лейтенант Канальс был доволен и благодарил их за службу.

На девятый день музыка стала удаляться от решетки. Подтянутые, они промаршировали мимо комендатуры, мимо потрескавшихся офицерских бунгало прямо к главным воротам. Филистоке, строгий командир, возглавлял колонну. На подходе к караульной будке он прокричал не останавливаясь:

— Поднять шлагбаум!

Часовые не только пропустили их, но даже отдали им честь. В ответ колонна протопала десять метров парадным шагом.

30 музыкантов и 12 инструкторов удалялись в сторону Пан-американского шоссе по единственному свободному от мин проходу. Вот пройдены двести метров. Молодые, веселые, мужественные, одетые в гражданское и униформу, они полны жизнерадостности, которая слышна и в перестуке каблуков, и барабанном бое, и в чистом звучании флейт. Девять часов. Утренний солнцепек наводит мысли о весне.

Дюжина охранников смотрит им вслед со своих вышек. С глиняных крыш наших барачных мы видим, как они уходят по дороге, свободной от решеток и винтовок.

Вот они легко миновали заминированный участок и вышли на Панамериканское шоссе. Мелодии уже не слышно, только ритмично бухают барабаны. По мере удаления их ряды кажутся более сплоченными и уменьшаются в размерах.

Резко затрещали звонки на башнях. Короткие вопросы и ответы. Во дворе комендатуры заурчали моторы. Приказы. Беготня. Благожелательное настроение у охранников на вышках исчезло, автоматы направлены на лагерь. Клацают затворы, ревет громкоговорители:

— Лагерь, внимание! Никому не двигаться с места!

Три джипа в сопровождении двух грузовиков с солдатами несутся на полной скорости к Панамериканскому шоссе.

Между тем музыканты и их инструкторы, отбивая шаг и наигрывая, приближаются к повороту, за которым мы их теряем из виду. С вышек начинают стрелять. Пули шлепаются у наших ног, поднимая фонтанчики земли. Джипы обошли колонну, остановились. Вышел офицер, жестикулирует. Оркестр возвращается строем, без музыкального сопровождения.

С грузовиков прыгивают полсотни солдат. Взяв винтовки на изготовку, они сгоняют музыкантов в полукруг. Те, хотя и испуганы, но держатся подтянуто.

Безвинных новобранцев в наказание продержали три дня на солнце в одних трусах. Инструкторам дали по несколько пинков в зад. Филистоке сместили с должности и занесли его подвиг в дело. Он просидел два года, хотя ему в самом начале и объявили, что выпустят через месяц. Он был выслан за пределы страны прямо из заключения.

Никто из них не думал бежать. Но почувствовав под ногами дорогу, они захотели только одного — идти и идти. В этот момент они были свободны. И мы вместе с ними.

«ПАМЯТНИК»

«Геркулес» прокатился по взлетной полосе и, взлетев, неровно стал набирать высоту, увозя из Чакабуко 150 заключенных.

В пять утра выехали из лагеря на автобусах, сопровождаемые грузовиком с нашими чемоданами, сумками и мешками. В Серро Морено погрузка в самолет и полет в столицу. Затем — концлагерь Трес Аламос. Если расписание будет выдержано, то можно оказаться на свободе в пять или шесть вечера этого же дня. Позже канцелярия прекращает работу, поэтому придется провести там еще одну ночь в ожидании свободы. А может быть, еще очень-очень долго. Было много случаев, когда товарищей не выпускали неделями и месяцами, несмотря на соответствующее распоряжение министерства внутренних дел.

16 октября 1974 года.

Тринадцать месяцев и пять дней в заключении.

Фашистской хунте исполнилось столько же.

Одиннадцать месяцев и семь дней в Чакабуко.

Для большей половины пассажиров, набившихся в темное чрево самолета, летевшего, подрагивая, над Тихим океаном, это время аккумуляровалось в седине, огрубевшей коже, неизбывной тоске.

Тремя днями раньше тоже отбыла большая группа. Никто точно не сказал, куда и зачем. Однако офицеры намекали на закрытие концлагерей, ибо их существование усиливало неуважение к хунте как внутри страны, так и за ее пределами. Поговаривали о высылке и освобождении.

Стиснутые на своих сиденьях, мы не могли не думать о свободе. Никто из нас не был судим, никому не было предъявлено конкретного обвинения. А раз нет приговора, не определен и срок заключения. Однако уже от сознания того, что покидаешь эту дыру в пустыне, становилось легче и пробуждались надежды.

В Чакабуко 420 товарищей остались ждать, когда их имена назовут на утренней поверке.

Сейчас там полдень. Наверняка они бродят около кухни, ожидая сигнала на обед, чтобы хоть наполовину утолить голод.

Чакабуко... Рабская копия печально известного изобретения гитлеровского нацизма. Трагический фарс с репродукторами, вылаивающими приказы и марши, колючей проволокой под током, пронумерованными людьми, постоянным вдалбливанием абсурдных и противоречивых инструкций, рассчитанных на подавление воли, на то, чтобы заставить человека бездумно подчиняться, лишить его способности здраво мыслить, приучить жить запуганно, придавленно, растительно.

Солдаты и офицеры, сменяясь каждые пятнадцать дней, осуществляют здесь эту идею. Прибывают свирепые, с новыми силами, но только на две недели. И отбывают раньше, чем начнут уставать или сходить с ума, изо всех сил стараясь, чтобы никакие заразные мысли не проникли в их стриженные головы. Пятнадцать дней, а потом снова «очистительный душ» занятий и тренировок.

Однако эта попытка скопировать гитлеризм дает сбой при практическом исполнении. Злобно настроенные вначале солдаты, вынужденные сосуществовать со своими соотечественниками-заключенными, людьми той же социальной принадлежности, с тем же языком и потребностями, смягчались в последующие дни. Затверженное в казармах забывалось, и, глядя на нас с вышек, они никогда не упускали возможности завязать разговор, спрашивали, откуда мы и за что взяты. Маленькие знаки внимания с их стороны отражали уважение и доверие. Заключенные втайне от начальства делали новобранцам ножи, если они теряли их на учениях в пампе. А иногда, ночью, на вышку снизу подавали горячей воды для кофе, сигарету, а то и чего-нибудь пожевать. Ведь они были такие же бедные и бесправные, как и узники, хотя и носили мундир.

Случалось, что нас заставляли с утра до ночи перевозить металлолом или камни на расстояние метров в пятьдесят и складывать в кучу, а на следующий день все это перемещать на старое место. Контроль поручался солдатам, поскольку офицерам не хотелось в сорокаградусную жару наблюдать за исполнением столь бессмысленного задания. Офицеры присутствовали на утреннем разводе или при распределении заключенных на работу, когда над каждой группой назначали старшего из солдат. Конечно, на виду у начальства мы копошились как муравьи, таская рельсы и трубы. Как только оно исчезало, активность снижалась и работа вообще прекращалась.

Мы всегда находили с солдатами уголок в тени, чтобы поговорить и покурить. Кто-нибудь, солдат или заключенный, брал на себя роль дозорного наблюдателя. При появлении начальника подавался сигнал тревоги и начиналась лихорадочная деятельность. Потом снова выставлялся наблюдатель. Ничто не может помешать двум обитателям района Ренка, пусть один из них

в униформе, а другой в арестантской одежде, поговорить о своем родном квартале. Кто запретит солдату находить знакомые черты в заключенном, таком же рабочем-металлурге, как и его отец?.. Они избегали разговоров на тревожащие душу темы, но не всегда успешно...

Географически селитра залегала в Чили, и чилийцы добывали ее в обмен на силикоз — профессиональное заболевание шахтеров, но фунты стерлингов огромным потоком лились в Англию. Только жалкие капли пенсами падали на родине селитры для поддержания власти, гарантировавшей верные прибыли.

В тридцатых годах за отсутствием рынка сбыта селитры хозяева выгнали рабочих без каких-либо пенсий, погасили печи и отправились в Лондон «переваривать» прибыль. Здесь же остались развалины, мусор и... покойники.

История повторялась... Особенно много покойников пришлось на последнюю четверть прошлого века... Подстрекаемая английскими монополистами, Чили вступила в войну с Перу и Боливией. Ведь аппетиты Англии на селитру, которой только в Перу было очень и очень много, росли неудержимо.

В конце концов, кровью обмундированных рабочих и крестьян война была выиграна. В Чили стало больше вдов. Чужестранные монополисты стали получать еще больше прибылей. Тогдашний президент страны Бальмаседа пустил себе пулю в висок. Ведь враги его идеи национализации селитряных копий оказались сильнее.

Местные прислужники старого хозяина напускали на себя траурную торжественность, присутствуя на церемониях воздвижения крестов и возложения бумажных цветов на кладбищах севера. Жертвы были забыты раньше, чем их похоронили...

Прошло немного времени. И вот уже у чилийской селитры появился новый хозяин, осененный звездами и полосами. Рабочие копей получили новых надсмотрщиков. Но борьбу против угнетения, которая стояла им больших жертв, они никогда не прекращали. Шахтеры посеяли добрые семена — они оставили трудящимся страны классовую организацию и поставили перед ними цель борьбы — социализм.

Цель животрепещущую. На пути к ней случались и взлеты и падения. Народный фронт в тридцать восьмом. Небывалый размах борьбы в семидесятом. И три года неустанного созидания, проходившего в тяжелейших условиях.

В семьдесят третьем еще один поверженный президент, настезь распахнутые перед Вашингтоном кладовые богатств и... руки, протянутые за тридцатью сребренниками, но прикрытые плащом коммерции...

До Сантьяго три часа полета. На скамьях в четыре ряда нас швыряет из стороны в сторону. Дюжий экипаж наблюдает за

нами, пистолеты сняты с предохранителей. Через два с половиной часа покажутся квадратики кварталов Сантьяго. Мы его не видели год. Может быть, нас ждет свобода. И можно будет шагать прямо квартал за кварталом и на пути не встанет ни решетка, ни охранник?..

В семьдесят третьем Чакабуко стал исторической достопримечательностью, хотя и не внесенной в музейные каталоги. Нас заставили обживать его, и мы решили оставить наш вклад в его прошлое. Это — памятник, который фашистам не найти никогда. Они могут разрушить задымленные бараки, стереть с лица земли рисунок улиц, сжечь театр и перепахать плац, но наш памятник им не уничтожить.

Пусть ищут. Они ничего не найдут. Пусть смотрят как следует, пусть применяют миноискатели, они наведут их на ложный след. Сотни и сотни людей осторожно и заботливо месяцами трудились над ним. Он виделся тысячам глаз, и тысячи глаз восхищались им, когда он был закончен. И когда заключенных увозили, то каждая группа торжественно прощалась с ним, обещая исполнить то, что стало смыслом нашей жизни,— уничтожить фашизм, освободить Чили, построить бесклассовое общество, о котором мечтали шахтеры. И мы, пассажиры этого самолета, тоже...

Некоторые беспокойно дремлют. На многих браслеты в виде змейки и кольца, сделанные из монет. Много таких поделок спрятано в наших узелках, наваленных в хвосте самолета вперемешку с пальто и баулами...

Вспоминается, как много усилий пришлось нам затратить, чтобы возродить целительные для нас занятия лагерными ремеслами...

— Хорошо, вы будете работать, и мы даже позволим вам получать материал. Продажу изделий будем производить мы через Женский комитет, возглавляемый Первой дамой страны, Люсией Ириарт, супругой Пиночета. Половину прибыли получает изготовитель, а половина пойдет на нужды Женского комитета — приблизительно так выразился полковник Эспиноза.

Благодарим Первую даму за беспокойство, но дело это наше, нам его и решать — приблизительно так ответил лагерный совет старейшин.

В то время хунта как раз заявила, что каждое государственное предприятие должно стать хозрасчетным, чтобы обходиться без государственной дотации, будь то нефтеперегонный завод или больница, железная дорога или университет, сахарный завод или средняя школа. Очень удобный способ развалить госсектор и безболезненно передать его частному капиталу. Вы нам, мы вам.

Выходит, и концлагеря в качестве «предприятий» должны перейти на хозрасчет, и мы должны платить за фасолевую похлеб-

ку и пули, за транспорт и жалование охранникам? Ну уж нет. Этого нас сделать не заставят, здесь их власть кончается. Мы будем часами маршировать под солнцем или ночами стоять в строю при четырех градусах ниже нуля, но уж если не захотим, не будем кустарничать. И заставить нас невозможно.

Эспиноза пообещал ответить нам, но ответа мы так и не получили. И еще несколько начальничков брались за нас, но, без распоряжения применить оружие, успеха не имели.

Нам удалось без начальственных «забот» возродить кустарные мастерские. Правда, наши изделия оказывались за пределами лагеря только благодаря приехавшим на свидание родственникам. Открыть же выставку в Антофагасте или Сантьяго или салон по продаже — как некогда мечталось из желания помочь близким деньгами — нам так и не удалось...

Лететь еще полчаса. Наверное, мы летим уже над провинцией Сантьяго. Нас разбудили затемно, еще видно было созвездие Ориона...

Накануне вечером, после проверки, осматривали при свете карманных фонарей наш скудный багаж. В Чакабуко нет электричества. Движок сгорел в июле 1974. Сгорело и помещение электростанции. По счастью, никто не пострадал. Не прошло и двух часов после пожара, как появились танки из Калама и автобусы с солдатами из Антофагасты. Ведь столб дыма был виден издали. Решили, что взбунтовавшиеся заключенные сожгли лагерь и бежали. Запретили движение по проходящему рядом Панамериканскому шоссе и расставили вокруг Чакабуко артиллерию.

Запустили запасной генератор, и в три часа ночи над лагерем снова зажглись сторожевые прожектора. Нас пересчитали и разрешили спать. Два дня спустя запасной генератор тоже вышел из строя, и лагерь навсегда остался без электрического освещения. Ограда из колючей проволоки также оказалась обесточенной. Начальство усилило охрану...

Самолет снижается. Его потряхивает, когда он проходит сквозь облака. Прибываем в Сантьяго. Сейчас пролетим над газгольдерами Газовой компании и приземлимся в Лос Серильос. Через немногие люки не разглядеть пейзажа. Он сейчас должен быть зеленым, внизу ведь весна.

Наконец-то мы увидим что-то другое вместо желтых северных песков. И не будет этого одуряющего солнца. И над нами будет небо, на котором зимой появляются облака. И мы снова увидим дождь, потоки воды, молнию, услышим гром, почувствуем запах зелени. Покончено с низкими утренними тучами, только обещающими дождь, с пустынностью заброшенной железнодорожной станции, покрытой копотью. Здесь центр Чили. Здесь, быть может, нас ждет свобода.

Мы приземлились. Не вставать с мест! Не двигаться! Самолет остановился. Никто не двигается. Тишина. Голоса снаружи. Приказы. Беготня. Визг тормозов. Никто не двигается. Зажужжала боковая дверь, откидываясь вверх. Никто не двигается. Экипаж сурово наблюдает за нами. Хлынула волна свежего солончатого воздуха. Отстегнув ремни, строимся в проходах. Прыжок на землю. Облачный, туманноватый день. Наконец-то мы в...

Мы не в Сантьяго. С одной стороны зеленые холмы и белые домики, с другой — бухта. Взлетная полоса почти упирается в море. Слышен щебет птиц, жужжание moskitov. Пахнет травой. Мы растерянно смотрим друг на друга. Этого места никто не знает. Говорить нельзя. Строимся.

Напротив, держа нас под прицелом, несколько сотен солдат. Хунта была представлена поровну всеми родами войск — пехотинцы, моряки, летчики и карабинеры с офицерами во главе. Какая вежливость, какая честь для нас! Командовал морской офицер. Тонкий, смуглый, он подошел к нам жеманной походкой и молча стал смотреть на нас. Важный болван, разгневанный тем, что лагерные оборванцы не опускают перед ним глаз. Знаем мы таких. Свирепо смотрят тебе в глаза, а если ему несколько секунд отвечают тем же, опускают очи долу, избегая обвиняющего взгляда заключенного.

Он пальцем отсчитал десять заключенных и указал на хвостовой отсек самолета и на грузовики. Яснее ясного. Надо перегрузить вещички. Первая десятка, потя, нагрузила два грузовика. На смену офицер отсчитал другой десяток, включая меня. Заканчиваем погрузку. Где же мы все-таки?

Прибытие сюда полностью разрушило надежду на освобождение.

Лезем в грузовики, и снова организуется столь знакомая нам колонна. Радиофицированный патруль, джипы, автобусы с солдатами, мотоциклисты, мы, погруженные, как скотина, в грузовики, а за нами опять машины, оружие, каски, зловещие взгляды.

Выезжаем с аэродрома. У ангаров люди в белых куртках и желтых касках. Рабочие. Приветствуют нас неуловимыми жестами. Наши друзья, как везде, как сегодня утром в Серро Морено.

Проезжаем эвкалиптовый лес. Глаз отдыхает, полной грудью вдыхаем ароматный воздух. Вспышка ненависти, вызванная приемом на аэродроме, затухает, но остается мысль — нас по-прежнему считают опасным зверьем. Двигаемся по широкой мощеной дороге. Она пуста, ее очистили для проезда нашей колонны.

Три часа дня с небольшим. Въезжаем в деревню и поворачиваем около усаженной цветами площади. Газетный киоск, аллея. За вышитыми занавесками окон одного дома видны лица. Выхав из центра деревни, останавливаемся на склоне холма. Решетка. Деревянные островерхие бараки, выкрашенные в го-

лубое, зеленое и желтое. Морская пехота в охране. Вьезжаем, разгружаемся, идем с мешками на плечах. Строимся на лужайке.

Лагерь обитаем. Тоже политзаключенные. Откуда-то доносятся гитарные переборы. Мелодия знакома всем. «И лучше будет родина, которая грядет!» Наш гимн: «Народ, когда един, тогда непобедим!»

Аэродром — это база ВВС в Кинтеро.

Деревня, которую проехали,— Пучункави, концлагерь — Мелинка.

Нас проверяют по списку и обыскивают. Проверяют вещи.

Большая группа, уехавшая три дня назад из Чакабуко, тоже не попала на свободу. Вон они, приветствуют нас издалека.

МЕЛИНКА

Собака, опустив хвост и нюхая землю, бежит и лает. Найдя камень, хватает его и, подбежав к нам, выпускает из пасти. На камне видна ее слюна. Это — красивый служебный пес с черной мордой и торчащими ушами, послушный и игривый. Своего рода талисман концлагеря Мелинка. Он живет здесь уже несколько месяцев, его бросил один из охранников из-за того, что пес потерял зубы и злобность. Теперь он все больше привязывается к заключенным, бегаёт по всему лагерю, заглядывает в барак и лает, когда они поют. Пес забыл о своем прошлом, но мы помним это прошлое.

Наказывая заключенных, их заставляли бежать, а пса, на- травливая, посылали вслед. Специально обученная собака набрасывалась на тех, кто бежал медленно, и впивалась в ягодицы. Почуяв кровь, она еще больше свирепела и прыгала, пытаясь достать до горла жертвы. Если человек падал, она вонзала клыки в его запястье и волочила, пока он не вставал на ноги.

Вначале заключенные решили ее убить. Но потом передумали, разгадав ее слабость: собака любила сладкое. Каждый раз, когда она появлялась одна в лагере, они давали ей конфету, но не приближаясь, а забрасывая подальше, заставляя искать. Собака бежала, находила конфету и, жмурясь от удовольствия, сжевывала. Встав на задние лапы, просила еще и еще... Потом, приходя в лагерь, разыскивала тех, кто кормил ее сладостями. Постепенно, но не без известных усилий, мы научили ее в обмен на сладкое искать и приносить нам различные предметы. Несколько позднее мы научили ее приносить небольшие камешки, а потом и камни покрупнее. Кончилось тем, что умный пес потерял клыки, но еще больше привязался к нам. А охранник, который привел эту собаку в лагерь, забыл о ее существовании, когда она стала безопасной...

Мелинка. Райский уголок, превращенный в концлагерь. Десять досчатых домиков на цементном фундаменте, предназначенных для летнего отдыха. В каждом по десять комнат с шестью койками, покрашенными в яркий голубой, зеленый, красный

и желтый цвета. Мелинка расположена на зеленом склоне холма, в тихой деревушке Пучункави, провинции Аконкагуа, где, кроме местных крестьян, живут рабочие из Вальпараисо.

Место отдыха для трудящихся, у которых никогда не было ни своего дома отдыха на берегу океана, ни возможности провести неделю за городом с обслуживанием, как в обычном отеле. Народный санаторий Пучункави, действовавший всего лишь два летних сезона в 1972 и 1973 годах. Теперь — это концлагерь Мелинка, обнесенный двумя рядами колючей проволоки, обложенный мешками с песком, со сторожевой будкой у входа. Он находится в ведении военно-морских сил Чили. Охрану несут морские пехотинцы.

Когда прибыли мы, чакабуканцы, здесь уже находилось около сотни арестованных. Они напоминали кадетов своей выправкой и дисциплиной. Знали назубок военные команды, повторяя их хором. Маршировали, как один человек, чеканя шаг и вовсю горланя песню «Лили Марлен», резко занося плечо вперед на поворотах. Стремительно сбегались по свистку, быстро становились в три ряда, локоть к локтю, рассчитывались по «порядку номеров», четко выполняли команды «на месте, шагом марш», «внимание», «смирно», застыв как статуи, выпятив грудь и задрав подбородки, внимали речам офицеров.

Увидев все это, мы смеялись над ними, но на следующее утро смех застрял у нас в горле. В течение всей недели с шести часов утра нас заставляли маршировать, поворачиваться налево, направо, кругом. Нас вымуштровали, как солдат, не научив только одному: обращению с оружием, которым были вооружены наши «инструкторы».

Теперь у нас, чакабуканцев, был такой же казарменный вид, как у других заключенных, находившихся в концлагере Мелинка до нашего прибытия. Правда, мы отличались от них цветом кожи. От постоянного воздействия лучей северного солнца кожа начинает шелушиться и облезать, поэтому мы выглядели опаленными. Отличались мы комплекцией — были истощены. В Мелинке кормили получше. Здесь нам предоставлялась возможность получить, например, добавочную порцию фасоли или супа. Но в результате годичного голодания наши желудки настолько уменьшились, что первый же ужин, состоявший из булочки и фасолевого супа на бульоне из конских ног, полностью вернулся обратно со страшной рвотой. Нам хватало небольшого куска хлеба и чашки кофе, а любое превышение этой нормы вызывало спазмы желудка.

Мы стали получать больше еды, доходившей до нас от родственников. Но все-таки в течение месяца, что наша группа находилась в Мелинке, нам так и не удалось до конца утолить свой голод. Правда, ребра выпирать перестали.

Нас разместили по шесть человек в комнате. Отобрали радиоприемники, медикаменты, режущие предметы (ножницы, бритвенные лезвия), а также наши поделки, сочтенные оскорбительными для вооруженных сил: брелоки с решетками и наручниками.

Мы были измучены ежедневными построениями, по многу раз в сутки: в 7 утра, в 8, в 9, в 10, в 12, в 14, в 16, в 18, в 20 и в 21 час.

И это не считая экстраординарных, которые постоянно повторялись наравне с обязательными. Услышав свисток, мы бросали любое занятие и бежали строиться, рассчитывались по порядковому номеру и ждали приказа.

Администрация лагеря придирчиво требовала чистоты и опрятности в одежде. Пришлось проститься с нашими бородами и длинными волосами.

Нам выдали форменную одежду синего цвета, которую носят механики. Следили за длиной ногтей и проверяли уши.

Около дороги строились две сторожевые вышки, вооруженная охрана постоянно сновала между бараками. С ней никому не разрешалось говорить. Было позволено обращаться лишь к сержанту, и то с расстояния трех шагов, вытянувшись по стойке «смирно» и предварительно отчеканив: «Разрешите обратиться, мой сержант».

— В плохое время вы прибыли,— говорили нам «старожилы».— Предыдущая охрана была очень хорошей и не заставляла нас потеть, как эта.

Действительно, за неделю до нашего прибытия охрану сменили. Свыше 50 солдат прежних охранников из морской пехоты установили дружеские отношения с заключенными. При ежедневном общении с ними солдаты узнали, что заключенные — хорошие и честные люди, со взглядами, диаметрально противоположными взглядам их начальства, люди простые, измученные концлагерями и мыслями о своих оставшихся одинокими семьях, преданные идеям равенства и справедливости.

В один из обычных дней несколько грузовиков и джипов с морской пехотой остановилось у ворот лагеря. Пехота быстро сошла с автомашин, окружила Мелинку, установила пулеметы. Офицеры и солдаты с криками ворвались на территорию концлагеря и обезоружили охранников, поставив их с поднятыми руками вдоль стен домов. После тщательного обыска всех посадили под конвоем в грузовики и увезли. Мы так и не узнали, где они и что с ними стало. Но очевидцы не раз вспоминали о том, как солдаты в цветущей форме, усаживаемые в автомашины, улыбались и поднимали сцепленные в дружеском пожатии руки, издавали прощаясь с заключенными.

Замена охраны не означала государственного контрпереворота, как думали некоторые.

Режим в лагере ужесточился. Охранники говорили нам:

— Мы не знаем, какое конкретное преступление вы совершили, но, должно быть, что-то очень плохое, если вас держат здесь. Те, кто прибыл до вас, знают, что такое боевая тревога. Вы также должны хорошо усвоить это. Несколько свистков подряд и один винтовочный выстрел — сигнал тревоги. Все заключенные должны застыть на том месте, где она их застала. Не бежать и не падать на землю. Оставаться в том же положении, в каком она застала. Для нас боевая тревога означает нападение извне, и прежде чем дать отпор атакующим, мы расчищаем свой тыл. Таковым для нас являетесь вы — лагерники. Ясно?

Куда яснее. В такой ситуации можно спокойно нас перебить.

Если вдруг охране приходило в голову провести репетицию, то сейчас же раздавался невероятный свист, беспорядочная стрельба, охранники сновали между нами. Если тревога репетировалась в ночное время, лагерь освещался ракетами, свет от которых проникал в наши комнаты, где мы, застыв на месте, прислушивались к тому, что происходит снаружи.

Накануне пасхи, в день Святой пятницы 1975 года Мелинка пережила боевую тревогу, незабываемую для заключенных и для охраны. Уже стемнело, и нас заперли в бараках, когда вдруг раздался сигнал тревоги. Со всех сторон лагеря слышались уже знакомые свистки, выстрелы, громкие крики. В небо взметнулись ракеты, нас оглушили нарастающий звон разбиваемых в окнах стекол, треск выламываемых дверей. Охранники врываются в наш барак, выталкивают нас пинками. У них неузнаваемые, озверелые лица, оскаленные в крике зубы. Летят со стен полки, топчутся книги. Они взрезают чемоданы, матрасы, рвут в клочья нашу одежду. Опрокинуты «параши», на пол летят очки, наша чеканка по меди. Они напоминают дьявольский смерч, уничтожающий все на своем пути. Разбита лампочка у входа, разорваны фотографии жен и детей, висевшие у нас в изголовье. В темноте слышны автоматные очереди. Нас толкают, сбивают с ног. Поднимают пинками.

— Беги к ограде, подонок!

Человек бежит и останавливается за шаг от колючей проволоки.

— На ограду, вперед!

Удары штыком, треск белых и синих осветительных ракет, автоматные очереди над ухом. Снова приказ с разбегу бросаться на колючий забор, на стальные шипы, в кровь раздирающие тело.

— А! Ты хотел вырваться отсюда, мерзавец? А ну, беги к водяной бочке!

В лагере есть резервуар для воды, чуть побольше обычной нефтяной бочки.

— Залезай! Головой вниз!

Заключенный, ошеломленный, прикладывается к краю бочки и лицом касается воды.

— Я тебе, подонок, приказал головой вниз, а не морду мыть!

Его хватают за ноги, задирают их кверху и враз погружают в ледяную воду. Силой держат под водой двадцать, тридцать секунд, минуту. Потом вытаскивают полузахлебнувшегося, хватающего ртом воздух, оглохшего.

— Теперь пей! Тебе говорят, пей, подонок!

Заклученный пытается пить и теряет сознание.

Все это не прекращалось до утра.

Следующий день, как обычно, начинается и проходит в построениях. Охранники пытаются внушить нам, что это был налет извне. В мыслях у заключенных вопрос — кому жаловаться? Комменданту Мелинки, Сото Агилару? Или командующему военноморскими силами, члену хунты, активному деятелю переворота адмиралу Хосе Торибио Мерино? С кого спросить? И с того, и с другого.

Ничего, что они недоступны для простых смертных и заняты тем, что пытаются сохранить теплое местечко с помощью интриг и оружия. Это они придумали инсценировку, отдав приказ послушным исполнителям. Дыхание у полузадохнувшихся восстановится быстро. И кровоподтеки рассосутся. Даже рубцы от ударов кортиком со временем сгладятся. Но невозможно снять с вас вину. Ни ложь, ни расшитые золотом мундиры не скроют вашей вины, Мерино и Сото!

300 избитых и униженных в ночь на Святую пятницу узников Мелинки знают, что пока должны сдерживать свой гнев: только с освобождением Чили придет и их освобождение, и справедливое возмездие. А сейчас продолжать жить здесь, за колючей проволокой, жить во имя этой цели.

Рядом с концлагерем расположен полицейский участок. На другой стороне улицы — несколько домов, и еще несколько — на соседнем холме. По дороге бегут автомобили, грузовики, автобусы, курсирующие между ближайшими селениями. Идут крестьяне в самодельных сандалиях, с заступом на плече. В минуты перерыва наблюдаем за жизнью тех, кто живет на свободе и проходит мимо нас. Прохожие украдкой поглядывают на нас и продолжают свой путь. Охранники у ворот заигрывают с девушками, шагающими в брюках или коротких юбках, демонстрируя свои порозовевшие на солнце стройные ножки.

Мы открыли нечто новое для нас. Военные, получив увольнительные, переодеваются в гражданскую одежду и группами отправляются в город. Никто не уходит один и один не возвращается. Всегда вчетвером или впятером. До переворота люди в военной форме, где бы они ни появлялись, пользовались неиз-

менным уважением и вниманием. Теперь — нет. Их ненавидят и презируют. И поэтому тюремщики и каратели облачаются в гражданскую одежду.

Однажды мы услышали, как с радиофицированного грузовика объявили о вечере танцев в Пучункави. Традиционный местный праздник, с оркестром, избранием королевы, цветами и гирляндами. Он состоялся в субботу. Некоторые охранники, нарядившись по-праздничному, надушившись, в начищенных до блеска ботинках отправились на вечер. На следующий день они кусали ногти от злости — настолько «хорош» был оказанный им прием. Нам стали известны подробности.

Молодые солдаты из морской пехоты, одетые в гражданскую одежду, купили входные билеты и проследовали в танцевальный зал. Подошли к группе девушек и пригласили на танец. Девушки отказались, с достоинством ответив: «Мы с тюремщиками не танцуем. Оставьте нас в покое. Вам лучше убраться отсюда».

Моряки ответили грязными оскорблениями. Тут их окружили друзья девушек, и началась жестокая драка. Удары в лицо, летящие стулья, выкрики: «Солдафоны, педерасты!» В ход пошли палки. У многих лица в крови. Оркестр как ни в чем не бывало продолжает играть танцевальную музыку. Появились полицейские: что здесь происходит?

Танцзал пустеет. Щелкает одиночный револьверный выстрел. Оркестр резко обрывает мелодию чилийской кумбии. Публика оставляет недопитые стаканы и также торопливо покидает зал. Один из организаторов вечера размахивает билетной книжкой: не забудьте уплатить. «Пойдешь со мной в полицейский участок», — слышится голос. «Да не тяни ты меня за рукав, полицейская морда, я из морской пехоты Чили».

Свисток, и появляются карабинеры. Моряки бросаются враспыльную, спешат улизнуть. Им, молодым, удастся оторваться от преследователей. Они перескакивают окопы Мелинки, делая непристойные жесты людям в военной форме. Карабинеры, чертыхаясь, подробно докладывают начальству полицейского участка о происшествии.

Начиная с этого дня отношения между полицейскими из участка и охранниками из концлагеря Мелинка испорчены. С этого же времени морские пехотинцы отправляются на танцевальные вечера в Вальпараисо или в Винья-дель-Мар, где их никто не знает.

Ты пометил это для себя, Мерино?

Каждую неделю у нас новый офицер службы безопасности. В субботу в полдень нам приказывают построиться. Прощаемся с одним, другой здоровается с нами. Без проявлений вежливости, разумеется.

— Вы не знаете меня, я не знаю вас... Но чилийский военный

флот подавит волю любого, даже самого сильного, и горе тому, кто навлечет мой гнев неповиновением.

Затем уходит и всю неделю сидит в своем помещении.

Как-то сержант отобрал шесть заключенных и приказал им «добровольно» поработать — выстирать одежду солдат. — Только и всего? Не дождетесь! — заявили те. — Мы моем нашу посуду и котлы, в которых готовим. Этого достаточно. Ну а свои обноски солдатня пусть сама стирает. — Но это — приказ лейтенанта. — Не имеет значения. — Тогда пойдем к нему. — Идем. — Они отказываются стирать солдатам белье, мой лейтенант. — Вы свободны, сержант. Ну так, в чем дело? — Комендант, мы не будем делать эту работу. Считаем, что нас хотят унижить. Мы косим траву на территории лагеря, помогаем на кухне, выходим на построение от 10 до 12 раз в сутки. Разучиваем и поем гимны морского флота, авиации, пехоты и карабинеров, убираем лагерь, словом, делаем все, что означает вклад в наше вынужденное пребывание в Мелинке. Но солдаты вполне в состоянии заняться собственным туалетом.

— У них нет для этого времени. После ночного дежурства они спят днем. А когда дежурят днем, спят ночью. Кроме того, у них строевые занятия и другая служба.

— Тогда отправьте их одежду в прачечную.

— Для этого нет средств, а кто-то должен им стирать.

— Предлагаем вам следующее. Мы, арестованные, проводим сбор средств и на собранные деньги расплатимся с прачечной. — Вы свободны.

Гордость — их уязвимое место.

В этот же вечер охранники полоскали в мыльной пене свою форму, трусы, нательные рубашки, для просушки развесив на колючей проволоке.

Однажды один из офицеров поручил сержанту выяснить, кто из заключенных знает автодело. Их оказалось двое. Им было предложено осмотреть, зачистить, зашпаклевать и покрасить его «Фиат-600». Но ребята отказались, заявив, что они выполняют эту работу, если им хорошо заплатят. Пришлось двум рядовым в течение недели драить автомобиль своего начальника.

Нам разрешалось свидание с родственниками с 14 до 17 часов в любой день недели, кроме понедельника. С раннего утра толпились женщины у ворот лагеря, ожидая встречи со своими. Свидания проходили в столовой лагеря после предварительного обыска их и нас. Разрешения на встречу выдавались в столице, в здании Конгресса, где расположился штаб концентрационных лагерей под началом полковника Эспинозы.

Здесь весьма искусно занимались проволочками. Женщин заставляли приходить к 7 часам утра, они выстраивались в длинную очередь и ждали, пока их примут, а прием длился всего

час — с 13 до 14. Иногда им разрешали свидание. В другой раз — нет. Когда им надоела бюрократическая волокита, они поехали в Пучункави без разрешения.

Охрана лагеря, преградив им путь, стала осыпать их оскорблениями и, стреляя в воздух, заставила отступить. Но они продолжали настаивать на своем, пока им не удалось, минуя визиты в здание Конгресса, иными путями получить разрешение на поездки в Пучункави для свиданий с заключенными — мужьями, отцами, сыновьями. Потом мы узнали от них, что в последующие месяцы подобных трудностей уже не было. Более того, с помощью церкви женщины сумели организовать поездки в Пучункави на автобусах не только из Сантьяго, но и из Консепсьона, Линареса и Кокимбо.

В начале октября 1974 года в газетах появился список 100 политзаключенных, осужденных на высылку за пределы Чили. В этом списке значилось и мое имя. За все время неволи велось следствие по нашему делу, но так и не были найдены мотивы для судебного разбирательства или приговора к тюремному заключению. И вот цена освобождения из концлагеря — вынужденный выезд из Чили.

Из этих 100 человек в Мелинке находилось 40, остальные содержались в других концентрационных лагерях. 16 ноября нам приказали в полдень быть готовыми к отправке в Сантьяго.

Один охранник накануне нашего отъезда мне сказал: «Лучше уехать из Чили. Вы даже не представляете себе, как плохо обстоят дела в стране. Людям нечего есть. У всех подвело животы».

Прощание, объятия, выражение товарищеских чувств. Мы покидали друзей, с которыми так много пережили. Нам трудно с ними расставаться. Но они сами говорят нам, что другого решения пока нет. Надо вырваться отсюда, прийти в себя и продолжать борьбу за новую Чили. В общем-то ясно, что хунта долго не продержится. Мы, с достоинством отстаивая наши принципы и взгляды, внесли свой скромный вклад в дело возрождения родины. Тюремщики заставили подчиняться наше тело, но не наш ум. Напротив, наша идейная убежденность возросла. Люди в военной форме узнали, кто такие истинные патриоты Чили. В умах других были посеяны семена сомнений. Все честные труженики на нашей стороне.

Около полудня появились зеленые автобусы карабинеров. В них повезут нас. А прибыли они, битком набитые новыми заключенными. Новые аресты. Результат облав за последние месяцы. Среди них мы видим знакомые лица. Толстяк Хасинто Назал, профсоюзный руководитель Клаудио Алемани. Они бледны, с трудом передвигаются. Назал не в состоянии держаться на ногах, у него нарушен вестибулярный аппарат. Его держали в одиночной камере в подвалах училища ВВС с завязанными глазами

в течение 120 дней, лишив каких-либо связей с внешним миром, запретив сидеть и лежать. Он потерял все зубы, из-за ударов по голове в ушах у него постоянный шум. Глаза, привыкшие к мраку одиночки, не выдерживают солнечного света, света электроламп.

Стали более изощренными методы допроса. Людей, попавших в новую волну облав, пропускают через целую систему пыток и приемов с целью вырвать признания, добыть адреса и фамилии. Металлический матрас с подключенным электротоком, на котором держат жертву несколько дней подряд. Наркотические инъекции. Наряду с этим весь арсенал зверств, который использовался против нас. Мы пришли в ужас от нанесенных им увечий, нас потрясли их рассказы.

Чего добивалась хунта? Их схватили, но остались другие, они продолжают героическую борьбу, рискуя свободой и жизнью, организуя и расширяя ряды сопротивления. Как муравьи, они бесшумно и осторожно делают свое дело, преодолевая ступень за ступенью путь, ведущий к возрождению, сохраняя мужество, выдержку, зная о том, чем грозит им заключение. И если их бросят за решетку, они вынесут все, не выдав секретов, или унесут их с собой, как Алфонсо Карреньо и Луис Баеза, погибшие в застенках училища ВВС. Эти два человека, уничтоженные физически, остаются для нас символом моральной стойкости, заставляющей тюремщиков задуматься об уготованном им будущем.

«Слушай, брат, песню радости...»

Это поют, прощаясь с нами, узники Мелинки, когда мы садимся в автобусы карабинеров.

Сержант, свирепо муштровавший нас, ругавший за нечеткий шаг и недружное пение «Лили Марлен», пытается что-то сказать нам. Но произносит лишь одну фразу: «Я хочу, чтобы вы никогда сюда не возвращались». Прикладывает руку к фуражке, делает полуоборот и удаляется, глядя в сторону. Прячет от нас глаза. На них — слезы.

Карабинерам раздают пайки на дорогу. Слышен приказ трогаться. По ту сторону колючей проволоки наши товарищи поют, кричат, желая доброго пути. Среди хора добрых пожеланий различаем голоса наших охранников.

Беззубая собака, схватив с земли камешек, виляет хвостом.

«ЗОЛОТОЕ ЯЙЦО»

Исчезла с горизонта цепь зеленых холмов и эвкалиптового леса, на которые можно было любоваться из-за колючей проволоки. Перед глазами прямоугольный двор, обнесенный высокими беловатыми стенами из цемента. На пустом дворе — единственное рахитичное апельсиновое деревцо. Трес Аламос — столичный, сравнительно новый концентрационный лагерь. Находится он в старинном монастыре, расположенном на Авенида Департаментал, почти на углу улицы Викунья Маккенна.

Караван автобусов, доставивших заключенных из Пучункави в Трес Аламос, быстро промчался по улицам столицы. Перед нами промелькнули Панамерикана Норте, Пласа Италия, Викунья Маккенна. Пустые улицы, закрытые магазины, кое-где освещены витрины. Нас разместили в бараке номер 1.

При отъезде из Пучункави нас тщательно обыскали. Однако по прибытии в Трес Аламос мы вновь подверглись строжайшему осмотру. Нам выдали потрепанные ватные одеяла и матрасы. Ночь прошла спокойно. Но в 6 часов утра зажегся свет и забарабанили в дверь, приказав в 7 часов построиться во дворе на переключку. В 7 часов 30 минут завтрак: чашка кофе и кусок хлеба. Через полчаса опять построение: с нами будет говорить комендант лагеря. Мы уже знали, что он нам скажет. Как обычно — речи и угрозы.

— Вы пробудете здесь недолго, затем отправитесь в Россию и в другие коммунистические страны. Пребывание в Трес Аламосе покажется вам отдыхом по сравнению с условиями в тех местах, где вы находились раньше. Однако предупреждаю, не пытайтесь выкидывать шутки со мной. Не будете дурить, я вас оставлю в покое. Ну а в противном случае — заставлю есть собственное дерьмо. Я вояка и действую как вояка. В вашем секторе приказываю навести чистоту, чтобы все блестело. И чтоб выполнять любую работу! Разумеется, здесь нет принудительных работ, но тот, кто откажется работать добровольно, будет иметь дело со мной.

Полдесятка карабинеров держат нас под прицелом автоматов.

Комендант лагеря карабинер, подполковник Конрадо Пачеко, низкого роста, тучный, губастый, в больших темных очках.

— И чтоб никаких дурацких песенок «протеста» и прочих глупостей. Пора бы понять, что в Чили покончено с политиканством. Вас выставляют из Чили и ведите себя спокойно в последние дни на родине. Полное повиновение любому приказу, я подчеркиваю — любому. Вот, например, ты, шаг вперед!

— Я тебе говорю, шаг вперед! — Указывает пальцем в направлении, где стою я. Оглядываюсь, ища глазами того, кто не выполняет приказ.

— Я к тебе обращаюсь, очкастый!

Растерявшись, делаю шаг вперед. Он подходит, внимательно всматриваясь в меня.

— Тебя зовут Карраско. Ты — из Амунатеги?

— Да.

— Помнишь меня?..

Он протягивает мне руку, чтобы поздороваться. Ничего не понимая, продолжаю стоять по стойке «смирно».

— Не узнаешь меня?.. Мы учились на одном курсе в лицее Амунатеги. Ты там всегда увлекался радио и театром. Вспоминаешь?

— Честно говоря, нет.

— А сейчас, без очков?..

— Да... Вспоминаю...

— Давай руку! Вот так. На тебя жалко смотреть. Постарел, похудел и в лохмотьях. Какого черта ты тут делаешь?..

— Меня привезли сюда.

— Ну, конечно, ты влез в грязные дела. Вот к чему привели тебя пресловутое Народное единство, сеньор Альенде и твоя партия. Без слов ясно!.. Встань в строй.

— Слушайте меня внимательно. С политикой покончено. Хватит бегать по собраниям и устраивать заговоры. Вы — в твердых руках. И не нужны Чили. Родины у вас нет. Ваших начальников — тоже. Куда они подевались? Смотались при первом же выстреле... И теперь попивают виски с проститутками, шляясь по загранице. А вы?.. Никто о вас и не вспоминает. Нам известно, в каких условиях живут ваши семьи. Они умирают с голоду, а вы — пленные. Скажите спасибо Альенде.

Ну так вот. Вам разрешены свидания с родственниками по вторникам и четвергам, между 9 и 11 часами утра. Один родственник на каждого заключенного. На полчаса. В дни свиданий запрещено получать передачи и что-либо передавать родственникам. Они могут приносить вам еду и одежду в субботние дни утром. Чтобы вы убедились, что я хороший и понимающий человек, разрешаю создать совет старейшин из 4 человек. Я буду

иметь дело только с ними. Вы ставите свои вопросы перед советом, а он ставит их передо мной. Все, можете разойтись.

По команде «разойдись», независимо от нашей воли, срабатывает условный рефлекс, привитый в концлагере Мелинка. «Да здравствует Чили!», — кричим мы во всю глотку, подняв правую руку, сжатую в кулак, и четко выделявая полуоборот.

— Ишь ты! Как вас вымуштровали!

Он уходит, сопровождаемый охраной. Громко хлопает обитая жестью дверь. Я тут же становлюсь предметом насмешек.

— Ого, какие у тебя дружки!.. И вы правда были однокурсниками?.. Интересно, каким тогда был Пачеко? Паинькой или хулиганом?.. Да, ты — малый непромах, знал, с кем дружить!..

Совет старейшин, стихийно возникший в Чакабуко, разрешен в Трес Аламосе. Это отличает наше новое место заключения от Мелинки, где были запрещены все виды организации заключенных.

На новом месте представители от каждого барака договаривались от имени заключенных о необходимом с тюремщиками. Мы старались сохранять единство среди заключенных, отбивая постоянные нападки со стороны раскольников. Занимались вопросами проявления явного фаворитизма в отношении малоустойчивых и слишком частой отправки на «добровольную работу» нетерпеливых. Через совет пропорционально распределяли работу по лагерю, возложенную на заключенных, а также создали небольшой фонд средств продуктов и одежды из пожертвований самих заключенных для нужд тех, кому родственники приносили меньше, и для тех, кто ничего не получал.

Поскольку они собирались изгнать нас из страны, надо использовать возможность и создать уже сейчас какую-то организацию, что может нам пригодиться в будущем.

Председателем совета был избран Гало Гомес, бывший проректор университета города Консепсьон и бывший председатель Национальной комиссии по научно-техническим исследованиям. Я был включен в совет.

Возможно, совету удастся облегчить положение заключенных и, поскольку мы находимся в Сантьяго, добиться более частых и продолжительных свиданий с родственниками. Этому есть оправдание. Нас высылают за границу. Необходимо уладить целый ряд чисто житейских дел.

Нам кажется чудовищным изгнание из страны. Оно означает, что Пиночет выполняет свое намерение отделаться от оппозиции, выслав ее из страны. Генерал Бенавидес, нынешний министр внутренних дел, говорил, что нужно избавиться от 900 тыс. до 1 млн. чилийцев, которые твердо стоят на «альендовских» позициях.

Возможно, мы, 100 человек, являемся первыми из обречен-

ных на это массовое изгнание... Значит, хунта вкупе со своими советчиками из олигархии пытается таким образом отвести в сторону отвращение мирового общественного мнения к творимому ею варварству!.. Она собирается ликвидировать концентрационные лагеря, заявив народам мира, требующим соблюдения прав человека: «Вы требуете свободы этим матерым преступникам?.. Прекрасно! Мы дадим им свободу, но за пределами наших границ. Принимайте их. А вы, социалистические страны, столь активно выступающие против нас, берите их себе. Они — ваши».

И она сделала нас жертвой своего дьявольского маневра.

Рано утром в понедельник появляется Пачеко в сопровождении высокого, элегантно одетого штатского, который держится свободно. С ними еще один штатский, низкого роста молодой блондин, тоже шегольски одетый.

— Эти господа прибыли сюда, чтобы побеседовать с вами. Они вручат вам анкеты, которые должны быть заполнены. Вы меня поняли?.. Должны быть заполнены. Следует указать свои личные данные и страну, в которую вы хотите отправиться. Вы обязаны написать в анкете: Россия или Куба. Понятно? Я не хочу иметь неприятностей. И не люблю повторять приказ. Избранная страна: Россия или Куба. Или они вам не по душе?.. Не забудьте. Таков мой приказ.

Затем начинает говорить один из штатских.

— Добрый день, господа.

Мы, идиотизированные дисциплиной Мелинки, рываем хорошо, словно одержимые:

— Добрый день!

Штатский удивленно моргает, пораженный яростным многоголосым ревом. Но тут же приходит в себя. И спокойно направляется к нам, застывшим по стойке «смирно».

— Я, Самуэль Налегач, являюсь председателем Комитета по оказанию помощи беженцам, сокращенно — КОМАР. Меня сопровождает господин Козак, из Межправительственного комитета по вопросам европейской иммиграции — СИМЕ. Несколько позже к нам присоединится представитель Международного Красного Креста. Еще до вашего прибытия в Трес Аламос мы связались с вашими семьями и сообщили им, что по решению чилийского правительства вы должны покинуть пределы Чили.

Организация, которую я возглавляю, создана протестантской церковью. Возможно, к ней примкнет также католическая церковь. Какова наша миссия? Помочь вам и вашим семьям, которые поедут с вами, решить многочисленные проблемы, связанные с отъездом. Комитет, возглавляемый господином Козаком, создан Организацией Объединенных Наций, он окажет вам помощь в устройстве за границей. Мы оставляем вам анкеты, а в 5 часов вечера зайдем за ними. Прочитайте их внимательно и заполните.

Мы вам по-христиански советуем это. С завтрашнего дня мы будем поддерживать с вами постоянный контакт для разъяснения любого вопроса, так как примерно через две недели вы покинете Чили. До свидания, господа.

Дамы в синих передниках из СЕНДЕ, организации под эгидой полковника Эспинозы, пышно именуемой Национальная помощь арестованным, входят, любезно приветствуют нас и раздают анкеты. Затем все уходят.

Вопросы, вопросы, вопросы... Через две недели мы уезжаем. Вместе с женами и детьми. Из его объяснений явствует, что все расходы, связанные с выездом, будут полностью оплачены. Тогда — конец мучениям. Мы образуем группы. Строим планы. Каким транспортом воспользоваться? Самолетом? Пароходом? Самолетом проще. Теперь только туристы пользуются пароходом. Мы правильно сделали, что в Чакабуко изучали иностранные языки. Это нам пригодится. «Гуд мornинг, мистер Налегач. Хау а ю? Ай эм вери хэппи! Бонжур, мадам».

«Внимание, пассажиров 725-го рейса просят пройти на посадку через выход № 3», — уже слышится нам.

Прошла вспышка радости, и мы принялись читать анкету: фамилия, возраст, образование, знание иностранных языков, профессия и род занятий, гражданское состояние, лица, состоящие на иждивении, страна, в которую хотите выехать, и т. д. Страна, в которую хотите выехать?

Обсуждаем этот вопрос. Здесь — суть проблемы. Пачеко приказал указать Россию, Кубу или другую социалистическую страну.

— Укажи, и все!

— Конечно, и никаких проблем.

— Все равно стоимость проезда оплачивает ООН.

— Минутку, давайте подумаем. Почему от нас требуют проситься в социалистические страны? Попытаемся ответить на этот вопрос.

— Да потому, что мы — марксисты.

— Именно социалистические страны начали кампанию солидарности с Чили.

— Они не будут создавать проблем в связи с нашим приездом.

— Предположим, что мы указываем социалистическую страну. И что же дальше? А дальше то, что хунта сразу же начнет кричать на весь мир о том, что политзаключенные сами изъявили желание отправиться в СССР, на Кубу или в другие социалистические страны. Ведь так все и будет?

— Именно так и не иначе.

— Допустим, все мы, 100 человек, едем в социалистическую страну. Что последует за этим?

— Они туда же вышлют еще сто. Ведь сказали же они, что мы — первые сто по списку.

— Совершенно точно.

— Затем еще сто и еще сто. И все будто бы по просьбе самих заключенных. Так ведь?

— Затем тысяча, две тысячи. Девятьсот тысяч, как заявил генерал Бенавидес.

— Кто сможет их ограничить?

— Хунта выбросит всех левых, всю оппозицию, если захочет. Половину страны.

— Что касается меня, я максимально выполнил свой долг как политический заключенный. С меня хватит. Тюрьма разъедает мне душу.

— А если социалистические страны, разгадав маневр чилийской диктатуры, скажут нет, что они не примут ни одного политзаключенного?

— Это будет означать еще один гол в пользу хунты. Ведь она может рассуждать таким образом: социалистические страны не перестают настоятельно требовать свободы чилийским политзаключенным. А когда узников освобождают с условием, что они примут их к себе, социалистический гуманизм кончается.

— Выходит, что дело дрянь.

— Сделаем так: не будем заполнять графу, где надо указать страну, куда мы хотим выехать. Или укажем любую другую страну, например Верхняя Вольта, Монако.

В обмене мнениями участвовали почти все собравшиеся в большой комнате, нашей спальне. Некоторые сидят прямо на полу или лежат на матрасах, но большинство разговаривают стоя, жестикулируя с папиросой в руке, то поднимая, то опуская полузаполненные анкеты. Всем было видно, что дело усложняется.

Кто-то предложил: пусть совет старейшин обсудит и представит свои предложения к 16 часам. Члены совета, в свою очередь, могут по своему усмотрению посоветоваться с другими. Предложение, которое выработает совет старейшин, будет поставлено на голосование и, если будет принято, станет обязательным для всех.

— Согласны?

— Согласны.

Для нас вопрос был ясен. Если хунта требует, чтобы мы указали в анкетах социалистические страны, и, более того, конкретно называет, какие именно, это не сулит ничего хорошего. Из нас хотят сделать приманку в какой-то кампании, разворачиваемой хунтой. Предлагаем оставить незаполненной графу о стране. Но те, у кого есть связи с какой-либо конкретной организацией в любой стране, где он надеется устроиться, может указать ее.

— Мне предлагали работу в Лондоне,— сказал кто-то.— Я напишу в анкете — Англия.

Предложения совета старейшин были сообщены собравшимся в 16 часов. Никто не должен указывать социалистическую страну, и пусть будет, что будет. Пачеко не волен распоряжаться нами до такой степени.

Ровно в 5 часов вечера у нас забрали анкеты. А через час радио уже передавало, что «первые 100 человек» находятся в Сантьяго и готовятся к выезду за границу.

На следующий день в лагере появился Налегач и тут же встретился с членами совета старейшин.

Мы попросили его проинформировать нас относительно Комитета по оказанию помощи беженцам (КОМАР).

— Комитет был создан после 11 сентября 1973 года с целью оказания помощи в освобождении иностранцев, арестованных в Чили. Тех, кого нам удалось освободить из тюрем, мы поместили в большом загородном доме с многочисленными комнатами, являющемся собственностью католической церкви и расположенном в местечке Падре Уртадо. Пока шло оформление иностранцев на выезд из Чили, ответственность за их судьбу, а также их содержание мы взяли на себя. После того как к выполнению этой миссии присоединился Международный Красный Крест, мы рассчитываем, что каждые шесть дней сможем отправлять за границу группу иностранцев.

В случае с вами на это уйдет больше времени, так как вы — первая группа чилийцев, уезжающих за границу. Но в министерстве внутренних дел нам сообщили, что уже готовы списки второй и третьей партии выезжающих из страны. Начиная с сегодняшнего дня наш Комитет располагает бронью на 20 билетов на каждый самолет, делающий остановку в аэропорту Сантьяго. Через некоторое время за вами последуют члены ваших семей.

— Почему нельзя выехать сразу вместе с семьями? Кто нас будет сопровождать до аэропорта? И есть ли гарантия, что мы действительно попадем в аэропорт и не «потеряемся» по дороге? Кто поможет нам оформить наши дела, получить имеющиеся документы об образовании, справки?

— Наш Комитет, КОМАР. Или члены ваших семей, или же наши люди, специально назначенные в Трес Аламос. С завтрашнего дня здесь будут находиться два наших адвоката, которые займутся решением всех проблем.

— Кто будет оплачивать расходы по оформлению нужных нам документов? У нас и у наших семей нет средств даже на одну гербовую марку.

— Все оплатит КОМАР.

Нам показалось, что все слишком легко и просто. Вызывала

сомнение и заинтересованность КОМАР в оказании содействия нам.

— Через какое время после нашего отъезда выедут наши семьи?

— Примерно через одну, две недели.

— Кто дает гарантию, что они выедут?

— Ну... это обещание, которое дает правительство.

Собрание закончилось. Сегодняшнее утро — время свиданий. Мы должны быть готовы к моменту вызова. До этого надо занять очередь и в невероятной давке успеть побывать в туалете, надеть лучшее, что есть у каждого. После этого подойти к дверям и ждать, когда назовут твое имя, потом бежать и построиться с внешней стороны металлической двери, затем подвергнуться обыску, пробежать по коридорам, выходящим на внешний двор, где уже стоят два длинных стола и скамьи.

Из каждого барака № 1 и № 2 выпускают по 20 человек. Впускают 40 человек родственников, которые занимают места напротив своих близких. Нельзя ни обняться, ни переброситься словом. Нужно, сидя друг против друга на расстоянии ширины стола, говорить так, чтобы карабинеры слышали каждое сказанное слово. Запрещено соприкасаться руками. Охрана зорко следит за тем, чтобы кто-нибудь не передал записку или микропленку, что якобы уже имело место.

Свидание длится 10—15 минут. Вот оно закончено. Построиться заключенным. Построиться посетителям.

Совет старейшин просит коменданта лагеря принять их сегодня же вечером. Встреча состоялась два дня спустя. Входим в контору коменданта, окно выходит в сад. Письменный стол, накрытый стеклом. Несколько телефонов. В углу пулемет на треноге. Камин. На стене плакат с надписью «Будь краток, мы отстали на три года» (три года Народного единства). Восемь месяцев спустя текст плаката был изменен, и висел он уже во всех учреждениях страны: «Будь краток, мы отстали на девять лет». (К 3 годам Народного единства они присовокупили 6 лет правления христианских демократов). Пачеко предлагает нам сесть.

— Посмотрите налево. Это — фотокопия вырезки из одной газеты. — В рамке за стеклом квадрат бумаги с рисунком, вырезанным из газеты «Пуэро Чиле», закрытой хунтой еще 11 сентября. Главного редактора этой газеты Хосе Гомеса Лопеса держат в застенках столичной тюрьмы тоже со дня переворота. Его заместителю Эухенио Лира Масси удалось скрыться от ищеек хунты и выехать за границу. Он прожил несколько месяцев во Франции и умер.

— Золотое яйцо! Кому же посвящается рисунок? Мне, Конраду Пачеко. И что же вы думаете насчет того, что ваши газеты

чернили полмира? Мое отношение к ним однозначно. Меня они окрестили преступником...

Это произошло спустя месяц после прихода к власти Народного правительства. Полиция применила тогда оружие против крестьян, и двое из них были убиты. Народная кровь была пролита, едва только к власти пришло правительство трудящихся. Командовал этой операцией карабинеров Конрадо Пачеко...

— Они и теперь занимаются тем же самым. Мигель Варас, который работал в Национальном телевидении, приговорил меня через Московское радио к смертной казни. Вот так-то!

Мы с трудом скрывали чувство удовлетворения, которое вызвали у нас его слова.

— Ну так вот. Сеньор Альянде меня преследовал.

— Тогда вас уволили со службы?

— Нет. Меня перевели из полицейского участка Барранкаса в одну деревню провинции Талка. Я мог ездить к семье только раз в неделю. Просто варварство. И в таких условиях — целый год.

— Но мы уже больше года находимся в худших условиях. И нам ни разу не разрешили навестить наши семьи. Но мы не собираемся жаловаться по этому поводу и обращаемся к вам в связи со следующим: поскольку мы вынуждены покинуть страну, нам необходимо уладить целый ряд вопросов. Для этого нам необходимо подробно и наедине переговорить как со своими близкими, так и с дальними родственниками.

— Вашу просьбу я передам кому надлежит. Что еще?

— Питание недостаточное.

— У нас нет лишних средств. Вы, господа, нам обходитесь очень дорого.

— Освободите нас и мы перестанем быть обузой государству.

— Этот вопрос не моей компетенции. Я лично освободил бы вас всех. Но здесь я выполняю указания высшего органа — правительства.

— В таком случае разрешите передачи продуктов питания каждый раз, когда нас навещают родственники.

— Это для того, чтобы обмениваться записками?

— Мы, сто человек, находимся в заключении с сентября 1973 года. Больше года. За это время нас изучили вдоль и поперек, не один раз обыскивали наши дома, перепроверяли наши связи и тем не менее ни одному из нас не предъявлено никаких обвинений, никто не был отдан под суд, никого не судили. Какие секреты мы можем выдать? Какие инструкции можем получить?

— Ладно, я займусь этим.

— Мы считаем ненормальной обстановку, в которой проходят свидания с родственниками. На свидание допускается лишь один родственник, между нами — стол и пулемет.

— Сами виноваты. Мы засекали передачу записочек.

— Этого не может быть. Вы обыскиваете нас перед свиданием с родственниками и то же самое делаете с ними.

— Тем не менее это так. Во всяком случае я передам и эту вашу просьбу. Хотя мне не следовало бы даже слушать вас. И вы знаете, что я имею в виду. Анкеты. Не хотите отправиться в Россию?

— Мы — чилийцы и имеем право жить в Чили.

— Хорошо. Это мне нравится. Охрана, отведите их в барак.

Да, это — человек скользкий и злопамятный. И к тому же еще и страшно обидчивый. Сложная задача у нашего совета. И тяжкое будущее у заключенных.

Вечером в барак входят охранники со списком и сообщают, что 10 заключенных должны скосить сухую траву на заросших наружных дворах. Нас сторожат полицейские собаки, пока мы вырываем ее голыми руками, рая пальцы. Охранники обращаются с нами с открытой злобой. Считают, что мы — в привилегированном положении, поскольку нас ждет выезд из страны. А уехать из Чили сейчас — это то, о чем они и мечтать не могут.

В бараке, где нас держат, сто человек. На всех — четыре уборные и три душа. Здесь всегда длинная очередь, особенно по утрам, когда надо торопиться на перекличку. Здешнее питание напоминает нам Чакабуко. Утром — кофе, в полдень — тарелка фасолевого похлебки, вечером — суп из кукурузной муки.

Передвижение ограничено отведенным нам жизненным пространством. Днем барак быстро нагревается от солнечных лучей. Двор заливают палящие лучи солнца. Остаются комнаты и коридоры барака, где мы и проводим время, сбросив рубашки. На цинковой крыше барака воробьи свили гнезда. В это время года они выводят птенцов, которые часто выпадают из гнезд и, скользя по наклонной крыше, падают во двор. Нескончаемый поток муравьев непрерывно двигается по стенам и полу комнат, забиваясь черными комками в припрятанный нами хлеб.

Занимаясь уборкой дворов, мы смогли узнать, что представляет собой весь лагерь Трес Аламос. Всего три барака, вместе с нашим, похожие друг на друга, из кирпича и цемента, каждый обнесен высокой стеной. Барак № 1 занимаем мы, или «иностранцы», как нас теперь называют. Во втором — содержатся заключенные, арестованные недавно, которые приходят в себя после пыток перед тем, как будут отправлены в другие концлагеря. Третий — известный как Куатро Аламос, все время закрыт. На железных дверях надпись, выведенная красной краской: «Вход запрещен. Опасно. Взрывчатка». В дальнейшем нам стало известно, что здесь содержатся заключенные, подлежащие абсолютной изоляции, которыми непосредственно занимается тайная пиночетовская полиция ДИНА. Кроме того, есть еще деревянный барак, от-

деленный от остальных баскетбольной площадкой и обнесенный колючей проволокой. Здесь содержат 150 женщин.

В главном здании с террасой и небольшим сквером, которое отделяют от улицы высокие стены, находятся комендатура, кухня, поликлиника, столовая для карабинеров и помещение для охраны. В подвалах — «одиночки», без доступа света и воздуха. По углам внешней стены лагеря возвышаются четыре сторожевые вышки. Между бараками № 1 и № 2 — еще одна вышка.

Наша работа состоит в том, чтобы, разбившись на группы, убирать барак и двор, приносить и уносить котлы с похлебкой, тарелки и хлеб с кухни, подстригать газоны.

Нами занимаются два унтер-офицера: одного, желтого и желчного, мы прозвали «22»; другого, смуглого и пузатого, — «Ворон». Это — ищейки Пачеко, его глаза и уши.

Для большинства из ста заключенных выезд из Чили при всем драматизме был выходом из положения. А то, что они уезжали с семьями, да еще и под защитой ООН, было дополнительным благом. После тюрьмы, постоянных перегонов из одного лагеря в другой, вынужденного подчинения всякого рода унижительным приказам появился слабый луч надежды на возможность свободно вздохнуть и восстановить силы.

Получить свободу — высшая цель в Чили. Потом — другие проблемы: нет ни работы, ни возможности получить ее. ДИНА ведет постоянное наблюдение за бывшими заключенными, поэтому использование прежних связей исключается. Жизнь под постоянной угрозой нового ареста, который может последовать за первым шагом на свободе. Или арест близких родственников. Или таинственное исчезновение.

На следующий день нас посетит представитель Международного Красного Креста. Мы должны заявить ему о том, что выезжаем из Чили по доброй воле, а не по принуждению. Только в этом случае будет дано разрешение на выезд.

Сегодня в Чили можно иметь только иллюзии. Выезд за границу открывает какую-то возможность. Наши жены, имевшие работу до переворота, потеряли ее лишь потому, что их мужья находятся в заключении. Полиция запретила нашим детям продолжать учебу в школах и в институтах. Да и средств на это нет. Начальные школы для них тоже закрыты.

До сих пор никто не определил, сколько еще времени мы будем находиться за решеткой. И хотя наши имена преданы гласности, нас продолжают держать в заключении, предлагая единственный выбор. И мы должны согласиться на него. Мы знаем, что хунте нельзя сказать «нет», тем более, когда находишься в концентрационном лагере. Отказ немедленно влечет за собой еще более суровое наказание заключенного и членов его семьи.

Представители Международного Красного Креста беседовали с каждым из нас наедине.

— Вы выезжаете из страны добровольно? Да? Нет?

— Что произойдет с тем, кто скажет «нет»?

— Он останется в стране, но в заключении.

Еще до этого мы обменивались мнением по этому вопросу, большинство высказалось за выезд из Чили. Тем не менее принятие окончательного решения должно быть сугубо личным делом. Сторонники отказа от выезда составляли явное меньшинство. Они с трудом аргументировали свою позицию, их называли «непонятыми героями» и даже «безответственными в отношении своих семей», которые обрекались на неизбежные репрессии фашистских властей. Во всяком случае во время индивидуальной беседы с представителями из Международного Красного Креста каждый решал свою судьбу по собственному усмотрению.

Кончился октябрь. Прошел ноябрь.

Был на исходе декабрь 1974 года.

Но никто из ста за границу не выехал. Быстрого продвижения наших дел по многочисленным инстанциям, которое обещал нам Налегач, не состоялось. Между тем мы вновь занялись постановкой небольших пьес, обучением грамоте, различными ремеслами, беседами об экономических возможностях Венесуэлы в связи с повышением цен на нефть. На пьесы мы приглашали барак № 2 и заключенных женщин. Мы делали это с согласия коменданта, но затем он наложил на это запрет. Более того, и «артистов», и зрителей лишили на неделю свиданий с родственниками.

КОМАР прислал нам кур, мясные пироги и мороженое, которое мы отослали женщинам.

А на Рождество произошло нечто действительно невероятное, неслыханное.

Некоторые из нас предполагали, что подобное может случиться, другим это казалось абсолютно невозможным. Рождественский подарок каждому из ста заключенных от Центрального Комитета Компартии Чили. Целлофановый пакет с апельсином, бутербродом с ветчиной, двумя бананами, одним кексом. Инъекция бодрости и веры. Преследуемые, скрывающиеся в глубоком подполье, лишая себя последнего, товарищи по партии собрали деньги, чтобы порадовать нас. Женские руки наполнили пакеты, любовно перевязав их разноцветными ленточками. Подарки дошли до узников Трес Аламаса, пройдя через тысячу препятствий и проверок, двести охранников, две стены, четыре железные двери. Сколько в это вложено труда! Сколько в этом человечности! Партия не забывает ни одного заключенного.

Все, даже некоммунисты, радостно улыбались, почувствовав прилив сил, дружескую поддержку крепкой руки.

В последнюю неделю декабря семь человек вызвали в комендатуру.

— К часу дня быть здесь, у дверей, с вещами. Вы переводитесь в барак № 2.

— Почему?— спрашивают нас товарищи.

— Можем объяснить вам. Мы отказались выехать из Чили. Ответили отрицательно на анкету Международного Красного Креста. Теперь — последствия.

Мы — это сенатор Эрнесто Аранеда из Каутина, два шахтера с шахты «Лота» — Хуан Аларкон и Мануэль Сануэса, студент университета из Пунта-Аренас — Орlando Баамондес, крестьянин из поселка Линарес — Дионисио Аларкон, радиооператор с радиостанции Рекабаррена — Эрнесто Бринсо и я.

Мы заранее знали о последствиях предпринятого нами шага. Снова в заключении. Перевод в барак № 2 означает начало нового «путешествия» по концентрационным лагерям. Об этом знают и наши жены. И они нас поддерживают. Наша нелегкая жизнь станет еще труднее, но мы с удовлетворением оглядываем наш недлинный ряд. Потому что в первый раз после 11 сентября 1973 года мы имеем возможность сказать хунте — НЕТ. Хотя бы таким фактом, как этот: открытое неповиновение в концентрационном лагере.

Все семеро — коммунисты.

При-и-е-е-е-хали!— раздался голосистый клич.

Кричали одновременно несколько человек, укрывшихся под сенью большого увядающего каштана.

При-и-е-е-е-хали!— вторили другие голоса в коридорах и отсеках барака. Мы, семь человек, еще не привыкшие к перемене обстановки, стояли, возбужденные и потные, нагруженные узелками, матрасами и одеялами, у железных дверей барака номер два. Мы сделали только 20 шагов, чтобы подойти к этому помещению, сооруженному из кирпича и цемента, как и барак номер один.

Всех, кто нас встречал, мы видели впервые. Все новые и новые лица подходили к окну с железными решетками, к дверям и, улыбаясь, приветствовали нас; расспросы, дружеские похлопывания. Мы убедились, что число заключенных здесь было несравненно больше, чем там, откуда мы прибыли. По пояс раздетые из-за сильной жары, они охотно помогли перенести наши вещи. Проводили под руки Аранеду, который не мог самостоятельно передвигаться.

Мы сразу отметили, что товарищи из барака № 2 в организационном отношении сделали шаг вперед. Они были первыми, кто образовал Комиссию по приему заключенных.

Товарищи уже знали, почему мы здесь, и были согласны с принятым решением относительно выезда из Чили.

— Посидите, пожалуйста, вот здесь, пока мы выясним, куда вас поместить. Они подвинулись, и мы сели на скамьи, придвинутые к стволу каштанового дерева. Нас угостили кофе в кружках.

Новые лица. Потрепанные костюмы. Бледная, еще не успевшая загореть после зимы кожа. Здесь в основном содержались те, кто был арестован в последние месяцы, в середине 1974 года. Они были схвачены и находились в руках ДИНА.

Разбором наших дел и допросами тех, кто был схвачен во время переворота и в последующие несколько недель, вначале занимались непосредственно разведслужбы армии, авиации,

флота и карабинеров. ДИНА была создана для приведения в порядок и централизации картотеки на заключенных, сбора имеющихся на них сведений, рассеянных в бумажной массе из-за скрытой подозрительности и соперничества между разведслужбами четырех видов вооруженных сил. Но ДИНА, лично управляемая Пиночетом, настолько расширила масштабы своей деятельности, что подчинила себе традиционные военные разведывательные службы. Она превратилась в некий, пятый — огромный и независимый решающий орган власти с секретным бюджетом, наделенная «правом убивать». Ей было поручено бдительно следить за преданностью офицерского корпуса вооруженных сил Пиночету.

Вначале ДИНА была укомплектована специально подобранными кадрами из рядов армии, морского флота, авиации и карабинеров. Несколько позже она получила подкрепление из среды фашистской группы «Патриа и либертад», а также пополнение из уголовного мира.

Едва нас перевели из лагеря Чакабуко, как туда поместили 300 уголовников, отбывавших наказание в Писагуа. Здесь им привили основы военной дисциплины. Проводы по случаю окончания курса и зачисление уголовников на службу в аппарат тайной полиции — ДИНА были обставлены весьма торжественно в городе Вальпараисо. На них в качестве официального гостя хунты присутствовал начальник следственной службы генерал Баеса.

Слово «ДИНА» военные произносят с оглядкой, а гражданские — с отвращением. Она ведет слежку и арестовывает людей, допрашивает и истязает их, убивает или отпускает на свободу. Люди в военной форме прислуживают ей: в Трес Аламосе это карабинеры, в Ритоке — армия и авиация, в Мелинке — военные моряки. И так во всех концентрационных лагерях, рассеянных по всей территории Чили.

Направляемые путчистами вооруженные силы, безнаказанно расправившиеся с Народным правительством, за время пиночетовского правления превратились в послушное орудие в руках реакции. Теперь они исправно несут охрану концентрационных лагерей, сопровождают арестованных из одного лагеря в другой, прикрывают силой оружия налеты на промышленные предприятия и населенные пункты, обеспечивают ночное патрулирование, предоставляют военные казармы под тюрьмы, усердно выполняют приказы хладнокровных руководителей ДИНА.

Чисто исполнительскими и вспомогательными становятся их функции в управлении страной. Так, с их помощью директор реакционнейшего концерна «Эль Меркурио» Фернандо Ленис вместе с группой представителей олигархии небезуспешно поворачивает экономику Чили вспять, разрушает то положительное, что

было достигнуто страной. Олигархия планирует и осуществляет ликвидацию государственного сектора экономики, чтобы передать его в руки промышленных магнатов. В области сельского хозяйства проводится политика, направленная на создание хозяйств парцелльного — мелкого, раздробленного типа и восстановления системы латифундизма. От военных ждут контроля за повиновением и выполнением всех этих планов.

Военщина восстанавливает господство финансовых тузов — эдвардсов, монополию семейства яруров в текстильной промышленности и т. д. Она торжественно, с флажками маршировала под гром оркестров, встречая представителей монополистических компаний — Анаконда, Коннекота, ИТТ, Доу Кемикаль и других, которые вновь получили здания, банковские счета, рабочую силу, богатые недра и вооруженную стражу для беспрепятственно-го расширения масштабов своей деятельности.

Чтобы не допустить сопротивления со стороны тех, кто был подавлен 11 сентября 1973 года, решимости и охраны — предостаточно. Для этого прежде всего есть ДИНА. Что касается поддержки террора — это обеспечат вооруженные силы.

О делах и порядках «новой» Чили доподлинно известно заключенным, содержащимся в бараке номер два, так как они были арестованы и брошены в концлагерь значительно позже, чем мы, находящиеся в первом бараке. В бараке номер два их 250. Здесь комнаты, рассчитанные на 4 чел., но в них набито по 8 и даже по 10 заключенных. В коридорах и проходах — тоже нары.

Предметы личного пользования заключенные вынуждены сваливать во дворе, так как в помещении нет места. Один парень уступает свое ложе Аранеде. Мне тоже отвели лучшее место для ночного сна: чтобы воспользоваться им, надо дожидаться, когда все улягутся, потом расстелить свой матрас на свободное место между нарами, отделенными расстоянием в полметра, и завернуться в одеяло.

Пять других наших товарищей поместили у входа в уборную. Но они не унывают, хотя ночью люди ходят в туалет, переступая через них. В дневное время комнатки — настоящие жаровни, находиться в них невозможно, люди стремятся укрыться под тенью каштана. Это единственный зеленый уголок во всем дворе, покрытом белой пылью, которая наполняет помещения и забивает нос. По узенькой перенаселенной полоске земли разносится запах пота и гнилой фасоли.

— Наконец-то простор, свежий воздух.

Это похоже на иронию после пыток, жары и голода. Но это не так: речь идет о серьезной реплике одного из наших товарищей из барака номер два. 30 дней находился он с завязанными глазами в одиночной камере в застенках тюрьмы Вилья Гримальди. Его неоднократно привязывали голого к металлической сетке

кровати на несколько дней, заставляли стоять по 10—15 часов подряд, не сходя с места, с закованными руками, занесенными за спину. Делалось это для того, чтобы морально и физически ослабить человека перед допросом.

Для близких и друзей он считался пропавшим без вести. Затем его вместе с другими товарищами привезли в специальном грузовике-рефрижераторе в Куатро Аламос. Здесь его продержали в одиночной камере 28 дней.

И вот он уже целых 24 часа свободно беседует в бараке номер два.

— Ты не представляешь, как я счастлив, что могу свободно делать пять шагов в любом направлении, смотреть на зеленые листья дерева и видеть лица говорящих со мной.

Мы встретили здесь сенатора Хорхе Монтеса. Он был очень истощен и бледен, ничего не знал о местонахождении своей жены и двух дочерей, которые также были арестованы и подвергнуты пыткам. Но Монтес, как и прежде, говорил спокойно, заканчивая фразы улыбкой, которую иногда внезапно обрывал, становясь мрачным.

30 декабря часть заключенных переведут в концлагеря Мелинка и Ритоке. Нас, семерых, направляют в Ритоке. К 3 часам утра мы должны быть готовы к отъезду.

Мы переживаем снова то, что с нами было уже много раз. Автобусы, солдаты, угрозы. На рассвете быстро покидаем Сантьяго. В полдень — первая остановка в Пучункави, высадка 100 заключенных. Охрана уменьшилась, нас сопровождают до Ритоке несколько человек. Машина остановилась на площади Пучункави. Мы попросили карабинеров сделать нам одно одолжение. Они согласились и пошли покупать хлеб, а мы купили свежие газеты.

В 2 часа дня мы сворачиваем на супесчаный проселок, пересекающий железнодорожное полотно. Сторожевая будка, мешки с песком, полицейские и надпись: «Военная зона. Вход запрещен». Называют пароль, и наша машина трясется у подножия холма. С другой стороны — пески, эвкалипты и заброшенные дачи. Шлагбаум. Сопровождающие показывают свои документы, произносят пароль, козыряют. Едем дальше.

Остановка перед лагерем, несколько сколоченных деревянных барачков, точно такие же, как в Мелинке. Лагерь обнесен толстой проволокой, через которую так же, как и в других лагерях, пропущен электрический ток. Далее видны башни и высокий деревянный забор.

Спрыгнули из кузова машины, стали в строй на сыпучем песке. Снуют военные. Некоторые заключенные, поднявшись на крыши барачков, наблюдают за нами и приветствуют нас.

Внутри лагеря один барак огражден деревянным забором от остальных.

Ворота туда отворены, и мы видим двор с импровизированной площадкой. Оттуда с сияющей улыбкой смотрят в нашу сторону и, размахивая руками, приветствуют нас три близких и дорогих нам товарища: Корвалан, Кадематори и Вергара. В этом бараке и содержат в изоляции видных деятелей Народного единства, лиц, непосредственно работавших с президентом Аьенде, и ответственных руководителей города Вальпараисо. Все они побывали в заключении на острове Досон. Ворота закрываются, мы больше не видим их.

Около 5 часов вечера нас впускают на территорию лагеря и, предварительно обыскав, распределяют по хижинам. Мы, чакабуканцы, составляем колонию в 160 человек. Все остальные, ехавшие вместе с нами из Трес Аламаса, были высажены в концлагере Мелинка. Уже обжившиеся здесь товарищи встречают нас вареными крабами.

Внутренний режим в этом лагере мало чем отличается от уже знакомых нам порядков. Подъем в 7 часов утра, построение — в 8 утра, в 12 часов дня и в 6 часов вечера. Этим же вечером мы участвовали в построении.

Три хижины и огражденный деревянным забором домик образуют прямоугольник, в котором имеется поле для мини-футбола, небольшая горка и на ней — шест с развевающимся наверху флагом. Когда мы построились, дверь отделенной хижины отворилась и оттуда вышла группа товарищей, находившихся на Досоне. Нас разделяют какие-нибудь пять метров и винтовки охранников. 21 товарищ: Луис Корвалан, Клодомиро Альмейда, Фернандо Флорес, Хорхе Тапия, Хайме Тоа, Карлос Матус, Луис Вальдес Матте, Хосе Кадематори, Даниэль Вергара, Орландо Кантуариас, Хайме Конча, Эрнан Сото, Анибаль Пальма, Мигель Лаунер, Альфредо Хойгнан, Серхио Вускович, Леопольдо Зульхевич, Андрес Сепульведа, Луис Вега, Максимилиано Маргольц, Ариэль Тачи. Число их меняется каждую неделю. По ночам их уводят на несколько дней или недель.

Одни исчезают, другие появляются, вновь водворяют прежних. С нами находится депутат от христианско-демократической партии Клаудио Уэпе.

Спускают флаг. Вускович разговаривает с сержантом из охраны, тот, глядя на нас, делает рукой утвердительный жест. Стража отходит, а мы дружно бросаемся к нашим товарищам. Обнимаем Корвалана и каждого из этих дорогих нам людей, хотя некоторых мы знаем лишь по фотографиям.

— А вы что здесь делаете?

— Так проводим летний отпуск. Ну, а как здоровье?

— Ничего, но настроение лучше, чем здоровье.

У Корвалана на плечах крестьянское пончо. Как и другие товарищи, он истощен. Снова крепкие рукопожатия, дружеские похлопывания. Альмейда, улыбаясь, говорит: «Добро пожаловать, товарищи». Анибаль Пальма, кожа да кости, тоже подшучивает: «Вы не прихватили с собою «радикальное звено»?». Мы хотим узнать, как себя чувствует Даниэль Вергара, как у него с пулевым ранением в руку. Но они засыпают нас вопросами. «Почему вас отделили от остальных ста?» — допытывается Фернандо Флорес. В этот момент стража грубо прерывает встречу, вышедшую за пределы дозволенного, а наших товарищей вновь уводят в дворик с хижинкой, где они содержатся.

В лагере Ритоке мы опять утратили свои фамилии и значимся под номерами. В новогоднюю ночь нам снова удалось повидать группу «особо опасных».

А дело было так. Им запретили присутствовать на вечере, организованном заключенными из большого сектора для встречи нового, 1975 года, и они остались взаперти. Мы находились в столовой, пели песни Виктора Хары, пили чай, поздравляли друг друга, читали стихотворения Пабло Неруды. Ровно в 12 часов ночи охрана заявила о своем праздничном настроении, открыв пальбу из ракетниц и пулеметов. Из дверей столовой через ряд колючей проволоки мы видим изолированную хижину, освещенную оранжевым светом прожекторов, видим наших руководителей: взявшись за руки, они стоят во дворе и поют, обратясь к нам, «Гимн радости».

«...радостная песня того, кто ждет нового дня...»

Разделенные от них десятью метрами, также взявшись за руки, мы прижимаемся к решеткам и поем:

«Он живет мечтою о новом солнце».

Карабинеры, намеревавшиеся загнать нас в хижины, остаются на месте, разглядывая нас, слушая наше пение. Сколько мужества и решимости в строках песни, взлетающей в темное небо над курортным городком. Из будок на холме за лагерем и с вышки, где стоит пулемет 50-го калибра, на нас смотрят солдаты и, конечно, тоже думают о своих семьях, оставленных в эту ночь ради несения службы охраны.

В эту новогоднюю ночь с 1974 на 1975 год они сторожат политических заключенных, среди которых находятся выдающиеся деятели; о них слышали, их видели в период правления народной власти: министры, депутаты парламента и другие товарищи, игравшие на протяжении многих лет весьма значительную роль в политической жизни страны. Ведь в прошлом их тоже преследовали за энергичную защиту интересов трудящихся масс.

* Первичная ячейка. (Прим. ред.).

Приходилось подчиняться в течение трех лет и военным, даже когда тем это не нравилось, ибо эти люди законным путем завоевали право на власть для преобразования страны. Сейчас они пленники без каких-либо прав, да еще оклеветанные пропагандой хунты. Их боятся и ненавидят генералы-путчисты. А ведь перед солдатами люди умные, честные, впечатлительные, вероятно сердечные в обращении даже со своими тюремщиками. Сейчас они поют гимн доверия, гимн борьбы. Когда последние слова песни унес ветер, мы с гордо поднятой головой разошлись по хижинам, выкрикивая: «Счастья всем в Новом году, товарищи!»

Ритоке. Еще один курорт для народа, созданный правительством Народного единства, тоже превращенный в концентрационный лагерь. Сначала в нем содержались только узники Досона. Когда было объявлено о переводе сюда заключенных из Чакабуко, прежним обитателям Ритоке отвели один барак с десятью комнатами. В их комнатах так же, как в наших, стоит по паре двухъярусных нар.

В эту новогоднюю ночь нас заперли в бараках на сон (точнее бессонницу) позже обычного в 12 часов 30 минут ночи. Охранники накинули цепь на двери и повесили массивный замок. Потом они прогуливались вокруг, а собаки вытирали свои морды о полотенца, забытые во дворе.

Воспоминания в темноте... Оранжевый свет, падавший на лица товарищей, полное взаимопонимание с ними благодаря этой песенке, звучащей во всех местах заключения Чили. Сбылась надежда встретить своих товарищей живыми, полными энтузиазма, такими, как мы их себе представляли. Редкостные жизнелюбы, они желают счастливой жизни для всех людей труда. Они исполнены решимости завоевать ее — даже ценой собственной жизни — как это было не раз доказано ими личным примером.

Комендатура лагеря расположена на военно-воздушной базе Кинтеро, куда мы прилетели в октябре 1974 года из Чакабуко, предполагая, что нас направляют в Сантьяго.

В лагере время от времени появляются офицеры для осуществления рутинного надзора. Раз в неделю прибывает в лагерь врач, который бегло осматривает записавшихся и назначает всем аспирин. Если пациенты — рабочие или крестьяне, врач, толкуя о причинах их тяжелого положения, использует заученный прием.

— Да, нам известно, что у вас плохо со здоровьем и что питание явно недостаточное. Ваша болезнь — от длительного заключения. Но что я могу поделать? Зато ваши руководители живут хорошо. Они питаются зернистой икрой и попивают водку. Они втянули вас в эту передергу, а сами живут, словно короли.

Товарищи слушают и молчат. Они знают, что наши руководители живут в худших условиях, чем мы. Другие спорят. Врачи военно-воздушных сил принимаются за других пациентов. И так — каждую неделю, каждый месяц.

Через Международный Красный Крест благодаря широчайшей солидарности с чилийскими патриотами нам были направлены различные медикаменты. Однако фельдшер, который ведает ими, превратил их в предмет спекуляции. Очень мало витаминов доходит до заключенных. С кого спросить? Кому пожаловаться? Врачи из заключенных качают головой и тяжело вздыхают.

В январе хунта опубликовала новый список заключенных, которые должны выехать за границу, в Мексику. Всего — 300 человек. Имена нашей семерки тоже указаны в этом списке. Появляются представители Международного Красного Креста и в концлагере проводится опрос. Профессия, возраст, семейное положение, имеются ли иждивенцы, знание языков. И, наконец, последнее — если вам все-таки придется выехать за границу, каким будет ваш ответ: «Да» или «Нет». Человек в военном мундире, раздающий анкеты, напоминает о приказе комендатуры, где сказано, что на последний вопрос следует отвечать «Да».

Среди заключенных началось обсуждение, советы, разъяснения... Писать «Да» — это приказ. Девяносто человек вопреки приказу начальства написали «Нет». Посыпались угрозы, крики, брань. Но мы отказались исправлять написанное.

Нас каждодневно приглашали к себе различные чиновники, которые вели с нами вежливые и заботливые беседы, доказывая, что в настоящих условиях для нас нет ничего лучше, как сесть вместе с семьей в самолет и улететь за границу...

Однажды к утренним строевым занятиям опоздали шесть заключенных, живших вместе в одной комнате. В 8 часов 30 минут утра после завтрака всех нас выстраивают на площадке во дворе, в два ряда. Шесть парней остались стоять в центре. Вооруженная охрана нацеливает автоматы нам в спину. Рядом со знаменем стоит начальник охраны — офицер карабинеров с черными усиками. Его рот кривится в циничной улыбке. Он приказывает парням начать медленный бег по кругу перед нами. Они бегут. А теперь — быстрее, звучит новый приказ.

Наказываемые — еще совсем молодые ребята. Один из них — подросток, с желтоватым, веснушчатым лицом. Он тяжело дышит и заходится в кашле. И мы знаем почему, у него туберкулез. Другой парень — очень полный, с походкой человека, страдающего плоскостопием. Среди них — негр с курчавыми волосами, он бежит, прижав кулаки к груди.

Ускорить бег! Они пускаются рысью, увязая ботинками в пес-

ке, вбегают на насыпь флагштока, огибают ее, возвращаются на площадку, пробегают мимо барака. Мелькают лица с выпученными глазами: насыпь, флагшток, пулеметы, ряды заключенных. Тридцать минут. Пот заливает глаза. Лечь на землю! Упражнения руками под громкий счет: раз, два, шестнадцать, тридцать. Встать! Бегом быстро! Еще быстрее! Раз, два, три. Еще быстрее! Смирно! Руки на затылок. Присесть на пятки. Прыгать лягушкой. Так! Выше! Еще раз. В ритм. Раз, два, три. Четыре поворота. Вперед, лягушонок, раз, два, три. Ноги вместе. Вот так! Шагом. Бегом.

Час десять минут. Начальник охраны не спеша закуривает. Как на арену римского цирка, выходит грузный солдат, с трудом удерживая на длинном поводке разъяренного полицейского пса. На спинах бегущих расплываются пятна пота. Они бегут, задыхаясь, стиснув зубы. Лица, мокрые от пота. Пес потягивает поводок, разинув пасть, поднявшись на задние лапы, пытаясь достать горло бегущего последним. И кусает его. Из пасти капает белая пена, когда солдат оттаскивает пса за поводок.

Парни ускоряют бег, преследуемые лаем и горячим дыханием пса. Его лапы и зубы обрушиваются на бегущего впереди больного туберкулезом. Тот падает с разорванным ухом. «Встать, подонки!»—рявкает офицер, теряя свою невозмутимость. Снова бег, беспорядочный бег от озверевшего пса. Мелькают ноги, разбрасывая песок, оставляя за собой запах пота и злобный рык. Пес мечется между бегущими, хватая их за щиколотки и ягодицы, трясет на ходу мордой, раскидывая клочья ткани, застрявшей в зубах. И снова вливается с хрипящим рыком. Солдат вопит, науськивает собаку пронзительным свистом...

Прошло два часа. Бессильные что-либо сделать, мы покрываемся испариной, наблюдая, как зверь, натравливаемый другими зверями, рвет шестерых бегущих людей. Полный парень, сбитый с ног псом, падает лицом вниз. Пытается встать. Снова падает. Остальные пять перепрыгивают через его тело, спасаясь от клыков. Пес, не обращая внимания на лежащего, продолжает погоню, прыгая на спины убегающих от него людей. Через 20 минут истекут три часа с момента начала «урока». Солдат уводит злобно лающего, взбесившегося пса. Истерзанных парней отправляют в душ.

В этот момент появляется с инспекцией комендант лагеря — офицер ВВС. Вид у него такой, будто бы только что вышел из турецкой бани: лоснящийся, отмассажированный, надушенный и напomaженный.

Он поднялся на самый верх лагерной горки, к флагштоку, и, широко расставив ноги, наблюдал оттуда за построением. Перед тем как он заговорил, один из наших товарищей скорого-

воркой поведал ему о том, что здесь только что произошло. Зверское обращение с шестью заключенными, искусанными натравленной на них собакой. Сейчас мы заявляем об этом ему. И проинформируем любыми доступными нам средствами кого угодно. Мы терпим подобное только потому, что нам угрожают пулеметы. Наше положение политических заключенных обязывает вас в обращении с нами придерживаться определенных норм и не нарушать их.

Прежде чем закончил один, заговорил другой заключенный. Комендант слушает. Охрана, не получив приказа, тоже слушает.

— Не далее как вчера член хунты генерал Мендоса говорил о необходимости положить конец ненависти, разделяющей чилийцев. И вы, господин комендант, думаете, что происшедшее только что решает проблему? Тот факт, что нас держат здесь за наши политические убеждения, не дает оснований, чтобы так наказывать шестерых наших товарищей лишь только за то, что они опоздали к построению.

Раздаются другие голоса, но их оборвал комендант.

— Я не располагаю сведениями о том, что здесь произошло, но хочу сказать вам следующее: я уверен в том, что большинство из вас, абсолютное большинство — честные люди, с добрыми побуждениями. Однако — и вы должны согласиться со мной в этом — среди вас имеются и плохие люди, их меньшинство, но они есть. Вот за этих немногих вы все и расплачиваетесь! От вас зависит, чтобы сегодняшнее не повторилось. Паршивая овца все стадо портит.

Он ушел и появился вновь лишь к середине марта. В Ритоке — чрезвычайное происшествие. Говорили, что из лагеря бежала группа заключенных. Весь день и часть ночи нас продержали во дворе, удвоили охрану. По ту сторону колючей проволоки лаяли собаки. Установили еще одну пулеметную точку (калибр — 50 мм), на холме, доминирующем над Ритоке. Чаше стали выключать свет в бараках, отобрали имевшиеся у нас несколько транзисторов. Запретили читать, писать письма, запретили еженедельные свидания с родными, отказали в получении прессы и передач продуктов и одежды. Абсолютная изоляция.

Подлинная история случившегося еще неизвестна. Только время внесет какую-то ясность. Мы знали только, что один из тех шести, которых травили собакой, куда-то исчез из барака. Ни у кого это не вызвало беспокойства, его отправили в госпиталь при военно-воздушной базе. Заключенный уходит по вызову охраны. Иногда даже товарищи по комнате не знают, куда его вызвали. Возвращается вечером или вовсе не появляется в лагере. Возможно, что его вызвали на допрос, или в Кинтеро на рентгеноскопию, либо перевели в наручниках в Сантьяго или в Вальпараисо.

Если они не знали, куда девался негр, хорошо известный своими увлечениями спортом и музыкой, то еще меньше могли знать об этом мы.

— Я уже говорил вам однажды, — сказал комендант с розовыми складками на шее, — но вы меня тогда не послушались. Все вы, без исключения — дерьмо и ублюдки. Вы знаете, что я имею в виду. Вы — соучастники преступников, выродки. Я был вежлив с вами, надеясь на вашу порядочность. Так знайте: кончилась привольная жизнь. Вы хотели жестокого обращения — вы его получите.

Он удалился, пыхтя от ярости. Несколько месяцев спустя на его место был назначен другой комендант. Нам было все равно. Что еще худшее они могли придумать для нас? О какой привольной жизни болтал предыдущий? Его сквернословие, обычное в обращении офицеров с заключенными, нас не удивляло. Мы выслушивали оскорбления, стараясь все запомнить, удерживать в памяти. Мы не знали их имен, но в нашей памяти запечатлелись их лица, голоса, фигуры. Десятки и сотни свидетелей готовы восстановить словесный портрет злостных преступников в военных мундирах, когда придет день правосудия, день расплаты. Разумеется, если они сохранят рассудок до этого дня.

Однажды в лагерь на 15-дневное дежурство заступил офицер кавалерийской школы из Кильоты. Высокий, внушительный в своих сапогах для верховой езды из прочной, но мягкой кожи. Мы узнали, что он занимался эвакуацией заключенных с острова Досон. Перед этим он прошел специальный курс обучения по подготовке к осуществлению этой исключительно важной операции. Выполнил он ее безукоризненно, доставил в Ритоке взрывоопасную партию политических. Теперь он вновь вернулся сюда на 15 дней для несения обычной службы охраны в сопровождении опытных в подобных делах людей.

Он обходит бараки в ночное время. Если слышит голоса, приказывает открыть дверь, входит в барак, светя карманным фонарем, вступает в разговор с заключенными. До зари рассказывает о породах лошадей и об их достоинствах. Заключенные в полудреме слушают его. На рассвете офицер выходит из барака и направляется к солдатам в казармы. Поднимается на сторожевые вышки, оттуда идет на кухню, где в это время варят кофе. Ему подают завтрак: яичницу и чашку молока. Садится один во главе стола, разглядывает еду, отодвигает ее в сторону. Обходит столовую, наблюдая, как завтракают заключенные. Вытаскивает пистолет, вертит его на указательном пальце и молниеносно вкладывает обратно в кобуру. Он тощий с темными кругами под глазами. Днем часто подходит к нам, все так же выхватывает из кобуры пистолет, целится, крутит вокруг пальца и снова прячет, застегивая кобуру на кнопку. Этот тип не спит и не ест.

На шестой день его увозят из лагеря на санитарной машине. Чем он занимался, помимо эвакуации с Досона? Чем вызвано его навязчивое стремление оправдаться перед нами? Истязал людей? Убивал? Кого? Как? Когда и где? Возможно, он никогда и не вспомнит об этом, так как его голова занята лошадьми и заботой о глянце на черных сапогах.

Его увезли, убедившись, что он сошел с ума. И еще будут такие, в кого сумасшествие вонзят свои клыки. Ну, а большинство будет повторять, меняя время глаголов, бессмысленные фразы: «Я лишь выполняю приказ», «Я лишь выполнял приказ». Четыре слова, которые мы уже слышали многократно.

Изоляция на протяжении месяцев, унижения и подстрекательства не только к возмущению и протесту, но и к мятежу, травля собаками, бесконечное патрулирование вертолетов над лагерем и стрельба по ночам, мешающие спать, вынужденное безделье днем — все это для нас называется одним словом — Ритоке.

Наши соседи, 21 человек — видные деятели Народного единства — живут в тех же суровых условиях. Но все ли из нас смогут и дальше сохранять контроль над собой? Когда нам разрешают свидание с женами, солдатня из ВВС подвергает их унизительному обыску: ощупывает ноги, грудь в поисках записок. Под тем же предлогом рассыпаются кофе и сахар. Нас заставляют часами ждать разрешенного свидания, которое прерывают раньше положенного времени.

Хватит ли терпения у людей? Удержатся ли они от кровопролития? Нас упорно провоцируют на мятежные действия. Тюремщики поставили себе определенную цель: вызвать беспорядки и открыть огонь. Хунте не дают покоя люди, заключенные в соседнем бараке. Как просто было бы отделаться от них таким образом. Это дало бы возможность покончить с международными кампаниями протеста, от которых хунта задыхается. За уничтожением 21 человека последовало бы массовое истребление остальных.

Тюрьма ускоряет процесс осознания происходящего. Нам становится понятна затеянная игра. Даже тем, кто не хочет больше терпеть. Мы лишь повинемся, но не склоняем головы. Тяжелая осень близится к концу. На этот раз у них ничего не вышло. Будут искать другие пути. Им придется поторопиться, ибо их враг непобедим. Этот враг — время.

Солидарность с нами появляется однажды утром в образе полного человека, истинного гринго, личного помощника Генерального секретаря ООН. За неделю до его инспекторской поездки Ритоке принял положенный ему вид. Жизнь пошла по обычным правилам концентрационного лагеря. Так и только так. Следовательно, мы снова, правда ненадолго, сможем вздохнуть спокойно.

«...КОГДА ЛЮДИ СНОВА СТАНУТ БРАТЬЯМИ»

В нашем концлагере, как и в других, иногда кого-то освобождали, после чего привозили новых заключенных. Но всегда количество вновь прибывающих было намного больше. Если освобождали троих, двенадцать, двадцать заключенных, то те же автобусы, которые увозили их, возвращались битком набитые новыми заключенными, доставляя 30, 60, 90 человек.

Среди узников было много патристически настроенных военных, которым удалось избежать физической расправы в день переворота и в последующие недели. Это были офицеры и солдаты, верные конституции и выступавшие против ликвидации свободы и справедливости в Чили. Здесь находился и генерал военно-воздушных сил Альберто Бачелет, который мужественно переносил все пытки и издевательства, пока не умер в застенках хунты. Политические заключенные позже узнали, что вдова и дочь генерала тоже были брошены в тюрьму, слышали о пытках, которым те были подвергнуты.

Однажды к нам доставили только одного заключенного. Это был Самюэль Рикельме. Его привезли в тюремной машине под охраной карабинеров и в сопровождении двух мотоциклистов, вывели из машины в наручники. С тех пор он находится в концлагере Ритоке.

До этого, по его рассказу, он содержался в столичной тюрьме. В поисках занятия Рикельме научился изготавливать дамские сумочки. С собой в лагерь привез куски кожи, клей и несколько нехитрых инструментов.

С Рикельме мы встретились восемнадцать месяцев назад на Национальном стадионе. Со стадиона его перевели в городскую тюрьму, где над ним был устроен судебный процесс.

Его пытались обвинить в хищении оружия, в причастности к плану «Зет» и в том, что он являлся одним из руководителей коммунистической партии. Но даже военный совет, высший судебный орган хунты, не мог санкционировать расправы над Рикельме на основе этих «обвинений».

В течение восьми месяцев его дело слушалось в различных

военных полевых и закрытых судах, но решение всякий раз откладывалось на неопределенный срок. Путчисты старались найти в его биографии что-нибудь такое, за что можно было бы ухватиться. Пусть даже это был бы неопротестованный вексель. Не найдя абсолютно никаких оснований для вынесения судебного приговора, они вынуждены были закрыть его дело из-за отсутствия улик. Формально Рикельме должен был выйти на свободу. Но вместо этого его перевели в городскую центральную тюрьму в Сантьяго, не сообщив, на каком основании и на какой срок.

Там он провел много месяцев с тысячью таких же политических заключенных, как и он, многие из которых находились в тюрьме в ожидании судебного процесса...

Рикельме был задержан спустя несколько дней после переворота. Сначала его привезли в казарму карабинеров. Раздетого догола поместили в герметическую камеру, наполненную испражнениями и гнилью. На следующий день, с завязанными глазами, выволокли во двор, где развели костер. Жара, языки пламени, дым, пепел. Его били прикладами в спину, заставили идти босыми ногами по горящим углям, толкнули в огонь. Из костра его выволокли за ноги. А затем — тишина камеры и невероятная боль в ногах, животе, груди. Опаленные волосы. Его лихорадило. Страшная жажда. Бессонница.

Утром следующего дня ему вернули брюки, туфли и куртку. Остальную одежду, документы, часы, деньги присвоили себе блюстители «нового порядка» по-чилийски. Завязав ему глаза, бросили в кузов машины и долго петляли по городу, пока не привезли в какой-то дом. Его вели по лестницам, коридорам, через какие-то двери. Затем раздели, бросили спиной на стол, и начались допросы и пытки. Когда он терял сознание, его окатывали ледяной водой. Подводили электрические контакты к ушам, к нёбу, к половым органам. И вопросы:

— Где находятся оружейные склады боевых отрядов компартии?

— Кто руководит ударными силами?

— Какие связи имеются в вооруженных силах?

И снова удары по ногам и в живот. И снова потоки холодной воды. Опять удары в грудь, в область сердца. А затем он чувствовал холодное прикосновение стетоскопа врача и слышал его слова: «Еще выдержит».

Он чувствовал, как снова подсоединяют контакты к запястьям и щиколоткам. Электроток вызывал гул в голове; образы детей, внуков и жены, стоявшие перед глазами, расплывались. Судорожно дергаются конечности, только туловище неподвижно. Затем его поднимают над столом, подвешивают на проволоке. Сталь глубоко врежется в тело.словно сквозь пелену, он видит

улыбающееся лицо своей дочери. И снова ощущение чего-то тяжелого на спине — это его положили на стол, чтобы продолжить пытки.

Он ловит губами воду, льющуюся на него сверху. Снова повторение тех же вопросов, на которые он отвечает молчанием. Разъяренные палачи орут: «Тебя хорошо подготовили, негодяй». Электрический ток. Удары. Все это повторяется до тех пор, пока он не теряет сознание. Врач, выслушав его сердце, говорит: «Пусть отойдет немного, а то подохнет».

Он приходит в себя от ледяной воды. Опять его тело подвешивают на проволоке. Он чувствует, как теплая кровь стекает по рукам. Его снимают и бросают в камеру на холодный пол. Он уже потерял чувство времени и реальности. Постоянное ощущение, что он подвешен на проволоке и что его снова бьют железными прутьями и допрашивают. На все вопросы неизменный ответ — молчание. Но на оскорбления он отвечал оскорблениями.

— Коммунист, педераст, — кричали ему.

— Предатели, — отвечал он.

— Агент Москвы.

— Подлецы.

Этот диалог прерывали железные прутья, которыми били по чувствительным местам и половым органам. Били кулаками и палками. А перед ним всплывало румяное лицо его поющей дочери.

Игла вошла в правую руку, жидкость быстро разошлась по всему телу, и он медленно впал в бессознательное состояние. Он хорошо слышал: его спрашивали о младшей дочери. «Да, она хорошая ученица... И очень весела. Со своей колясочкой и куклой... поет под деревом... поет под деревом... Украшенная бантиками, поет под деревом... А на дереве соловьи и один дрозд... но больше всего воробьев... они оживленно летают между ветвями дерева... соловьи, дрозд поют и щебечут».

Он уже бредил. Ему казалось, что его слух действительно различает голоса каких-то реальных птиц. Он с трудом осознавал, что пытка закончена и что он сейчас находится в камере.

Пришел в себя от встающего солнца, лучи которого проникали сквозь решетку. Сколько же прошло времени? Какой сегодня день? Допросы, допросы, затяжные допросы... Им не удалось использовать его для того, чтобы оклеветать коммунистическую партию, его руководителей, партию Народного единства, правительство. Поэтому они снова возобновили пытки, вводили специальные препараты, пытаясь парализовать его волю. Но опять к нему приходит в мыслях дочь с коляской, со своими песенками, которые переплетаются с утренним концертом птиц, просыпающихся где-то далеко-далеко от этих тюремных застенков.

Однажды утром ему вернули брюки, ботинки, дали чью-то разорванную рубашку, швырнули в кузов машины и повезли по безлюдным улицам Сантьяго. Очнулся он в темной незнакомой комнате, где проспал несколько часов подряд. В тот момент он еще не знал, что уже находится в концлагере на Национальном стадионе. Солдат сопровождал его в туалет, здесь мы с ним и встретились. Луис Альберто Корвалан и другие заключенные достали для Рикельме одежду и немного еды...

Чтобы не быть морально сложенными, мы и здесь, в условиях нового концлагеря, искали и находили для себя немало занятий.

Материалы, которые иногда нашим родственникам удавалось нам передать, шли на неизменные поделки.

В этот период заключения все более популярной у нас становилась чеканка по меди.

Очень умелым чеканщиком показал себя один из наших товарищей — Аранеда. Его трудоемкое искусство вызывало тем большее восхищение, что все знали, как мужественно он борется с тяжелейшим заболеванием.

Занимался чеканкой по меди и Луис Корвалан. В своем бараке он заразил почти всех друзей этим увлечением. Не мог заниматься чеканкой, хотя и страстно увлекался этим делом, только Даниэль Вергара, живший в бараке вместе с товарищем Корваланом. У него была прострелена рука — память о перевозке на остров Досон.

Луису Корвалану, которому, кстати, удавалось еще и заниматься французским языком и агрономией, в искусстве чеканки помогал ценными советами Мигель Лавнер, прекрасный художник. Они начали чеканить портреты своих родственников. «Натурой» им служили фотографии.

При помощи предварительно обожженной, остро отточенной палочки, служившей ему карандашом, Корвалан четко вывел на отожженном листе меди очертания милого лица, глаза, волосы своей жены Лили. Он смотрел на результаты своих усилий и, сравнивая изображение на меди с фотографией, спрашивал Лавнера: «Ну как, а?» И сам же отвечал: «Видишь, получается».

Если что-то не получалось, Корвалан никогда не разочаровывался. Он с блеском закончил портрет своей жены, вставил его в изготовленную им же рамку и во время одного из свиданий вручил подарок жене.

Возбужденная и обрадованная, она, нарушая правило, запрещавшее посетителям, навещавшим 21 узника, общаться с остальными заключенными Ритоке, бросилась обнимать нас. На глазах у нее были слезы.

— Мой дорогой муж, это он сделал портрет. Это он сделал. —

повторяла она, прижимая портрет к груди. На нем она была изображена с улыбкой надежды и уверенности...

Никто точно не знает, откуда пришла эта волнующая весть. Но около семи часов вечера все мы узнали, что Луис Корвалан награжден международной Ленинской премией «За укрепление мира между народами». Аранеда, преодолевая боль в ноге (следствие венозного воспаления), под видом возврата каких-то инструментов заключенным соседнего барака, ворвался туда, выражая Корвалану нашу общую радость, нашу благодарность и поздравления в связи с этой высокой наградой.

— Эту премию заслужили мы все, товарищи,—сказал взволнованный и серьезный Корвалан.

Это было правдой. Мы обнимали друг друга, затем обошли все бараки, повторяя новость, облетевшую к этому времени уже весь лагерь.

Товарищи-социалисты взяли монету и на фоне контуров американского континента выгравировали молот, символ своей партии, и серп и молот, символ коммунистов.

Наше единство — это самый лучший ответ на премию, сказал Корвалан.

Этим же вечером в помещении столовой состоялось самодеятельное представление, на которое собрались все. Охрана не стала чинить препятствия и разрешила присутствовать на нем и группе 21. Как обычно, их посадили отдельно от остальных заключенных. Офицеры внимательно наблюдали за ними, прислушивались к их разговорам.

Был среди нас актер и драматург, заключенный в тюрьму восемь месяцев тому назад, — Оскар Кастро. Все знали, что он пережил страшную личную трагедию. В момент ареста хунтисты у него на глазах убили его шестидесятилетнюю мать. Так вот он был руководителем театральной труппы в Ритоке. Спектакль Оскар Кастро открыл следующими словами: «Со всей нашей любовью и безграничным уважением мы посвящаем это представление человеку, которого мы все знаем и любим. Из самого сердца далекой и в то же время близкой нам страны воздают должное его стойкости, патриотизму и мужеству. Воздают должное его жизни, которая целиком и полностью посвящена борьбе во имя счастливого будущего Чили. Вам, товарищ Корвалан!»...

Раздались аплодисменты, как в дни свободы и торжества. Бурные аплодисменты тех, кто хотел обнять его, но не мог. Корвалан встал, поднял руку и что-то прошептал. По движению губ мы прочитали: «Товарищи».

В этот момент мы хотели выразить все то, что чувствовали миллионы чилийцев во всей стране, чилийцы, находящиеся в изгнании, все прогрессивные и честные люди планеты, которые знали, что Корвалан и в заключении продолжает оставаться мо-

рально твердым, убежденным в правоте нашего дела человеком, дающим уверенность в будущем.

Он переживает поражение, но глубоко верит, что этому тяжелому периоду в жизни чилийцев неизбежно придет конец. Его отеческий взгляд убеждал нас, что победа будет за нами, хотя и потребует новых жертв и усилий.

Мы встали и дружно спели Гимн, непредусмотренный программой.

«...Когда
люди
снова станут
братьями».

Охрана ясно поняла, что здесь происходит. Но на этот раз — в виде исключения — они прикинулись глухими и оставили нас в покое с нашим пением и нашей радостью, которые не могли не тронуть их сердца...

Смена охраны в концлагере происходила в строго определенном порядке. Две недели — пехотинцы, две недели подразделения военно-воздушных сил и две недели — карабинеры. Оливковые, зеленые и голубые мундиры.

— В июле Ритоке будет закрыт, — сказали нам однажды утром. — Останется концлагерь Мелинка. Думаем, что вас выпустят на свободу. Это по крайней мере то, чего вам желаем.

С нами разговаривали — и уже не первый раз — на другом языке.

Солдаты в свободное время ходили на пляж, находившийся рядом. Ловили рыбу. Мы им изготавливали из проволоки крючки и рыболовные снасти. Они делились с нами уловом. Если нам удавалось достать лимон, мы готовили известное всем чилийцам блюдо — себиче, чтобы не с пустыми руками встретить родных, которым было разрешено видеться с нами по воскресеньям.

До отправки новой группы в лагерь Трес Аламос на стене столовой появилась надпись «Верьте нам, товарищи. Среди нас у вас есть друзья». Мы так и не смогли узнать, кем это было написано: или кем-то из авиационного полка, или из пехотинцев, так как в это время происходила смена охраны.

Первого мая у нас должен был состояться праздничный спектакль. Мы решили провести его не в столовой, как это делали не раз, а во внутреннем дворе лагеря. Было решено, что в нем будут участвовать все. Сцену сделали из столов и досок. Из четырех одеял сшили занавес. На нем приколоты большие красные вырезанные буквы, составившие четыре слова «Да здравствует Первое мая!»

К этому времени нас было более двухсот заключенных, размещенных в четырех бараках. Каждая из четырех групп готовилась отметить День международной солидарности трудящихся.

Заклученные барака номер 1 оделись в крестьянскую одежду — пончо, сандалии, соломенные шляпы. В колонне с плакатами, на которых ничего не было написано, они несколько раз с песнями прошли мимо сцены, выкрикивая хором намеки на наше жите-бытье в Ритоке. Настоящий парад.

Перед колючей проволокой расположились солдаты, следившие за тем, чтобы не было никаких политических выступлений. Офицер, руководивший ими, в любой момент мог бы отдать приказ — прекратить любое действие, которое может быть истолковано во вред хунте.

Аплодисменты, песни, выступление фольклорного ансамбля, национальные танцы на сцене. Затем — краткое выступление одного из заключенных, в котором он подчеркнул, что по всем странам прокатилась волна солидарности с Чили. Он рассказывал о конце «черных полковников» в Греции, о новой жизни, которую строит Португалия, свергнув салазаровский режим Каэтано. Он рассказывал также о Панаме, которая настойчиво ведет трудные переговоры о возврате зоны Панамского канала, являющегося законным национальным достоянием народа. Сказал, что мы чтим память павших товарищей: Альенде, Карильо, Тоа, Бачелета, Пратса, Неруды, Хары, Энрикеса, Кортеса Монройя, Тапиа, Молины, священника Поблете, Офелии Вильяроель, Луми. Видели и многих других из этого нескончаемого списка кровавых жертв фашизма. Мы выразили нашу благодарность за солидарность и поддержку, оказываемую нам, которая вдыхает в нас новые силы. После минуты молчания под аккомпанемент гитар мы спели вполголоса гимн Единой конфедерации трудящихся Чили: «Идет рабочий класс к своей победе!..»

Вскоре родственникам заключенных, которые находились в это время в Сантьяго, огласили сто приговоров об изгнании. Согласно им все заключенные, 20 из которых находились в Ритокке, должны быть переведены в концлагерь Трес Аламос.

Моя жена попыталась обжаловать приговор, вынесенный без суда. Полковник Эспиноза сказал ей:

— Решаю не я. Вы ничего не добьетесь от меня, обращайтесь в министерство внутренних дел. Она пыталась встретиться с государственным секретарем Бенавидесом, но безуспешно. Он оказался недоступным. Ей даже не разрешили войти в здание министерства. Тогда она написала Бенавидесу. Обо всем этом она рассказала мне с нескрываемым отчаянием.

Ответ, на который она не надеялась, был все-таки получен. Письмо пришло на новый адрес, так как со старой квартиры ее выгнали. В письме из министерства внутренних дел говорилось: «Ваш муж арестован за нарушение порядка осадного положения, который оговорен в соответствующих пунктах конституции. Таким образом, вашу просьбу невозможно удовлетворить, ибо

это ставит под угрозу национальную безопасность». Письмо вызвало у нас горькую улыбку.

В конце мая 20 заключенных увозили из Ритоке. Прощаясь с нами, наши товарищи пели, некоторые плакали; мы расставались после долгих дней лишений, перенесенных вместе, но не сломивших нашу волю.

Нам не позволили проститься с нашими руководителями. Но когда мы проходили между проволочными заграждениями, окружавшими столовую, к нам потянулись дружеские руки, которые мы крепкожимали. «Будьте мужественными,— говорили нам.— Счастливого пути».

Товариш Корвалан помахал нам своим шарфом и улыбнулся. Его улыбка была такой же, как и двадцать месяцев назад, когда я встретил его в помещении Центрального Комитета Коммунистической партии на улице Театинос, 416. Наша встреча произошла 7 сентября 1973 года на пресс-конференции, организованной Компартией Чили для левых журналистов. Ситуация была сложной, и мы пытались в ней разобраться. Проблемы, которые переживала страна, становились все острее. Палата депутатов и судебные власти объявили о незаконности президента.

Корвалан и Орlando Мильяс отвечали на вопросы. Они говорили нам о том, что в ближайшее время ситуация прояснится. Они рассматривали создавшееся положение с двух сторон — социальной, имея в виду соотношение сил, и политической, отражавшей это соотношение как внутри Народного единства, так и в переговорах с другими партиями по поводу обоюдных соглашений. Но как раз к каким-либо соглашениям было очень трудно прийти. Каждая партия имела свое мнение. Некоторые, например, выступали за то, чтобы взять под контроль вооруженные силы, другие — категорически возражали. Общее смятение обостряло обстановку в стране. Компартия выражала свою готовность всемерно поддерживать правительство Президента Альенде, чтобы закрепить достигнутые завоевания.

— К сожалению, мы не можем полностью решить имеющиеся проблемы,— сказал Луис Корвалан.

Орlando Мильяс добавил, что любое решение, к которому мы сможем прийти, возможно только при наличии единства между коммунистической и социалистической партиями. Это жизненно важно для нашего народа. Это понимают и коммунисты, и социалисты.

— Когда начнутся события, которые определяют дальнейший ход развития?— спросил один из журналистов.

— Боюсь, что они уже начались,— ответил Корвалан.

В то же утро у нас состоялась встреча с Президентом Альенде во дворце Ла Монета. Он был в черной накидке с красной подкладкой. Встреча проходила в зале заседаний Совета Ми-

нистров. На ней присутствовали, кроме Альянде, министр обороны Орландо Летельер, государственный секретарь Фернандо Флорес, советник по пропаганде и агитации Родриго Рохас, личный секретарь президента по печати Фрида Модак и 12 журналистов, представлявших левые прессу, радио и телевидение.

Мы пили кофе, слушали Альянде и задавали ему вопросы. Волнения, белый террор, забастовка владельцев транспортных средств, настроение трудящихся и армии — все это нашло отражение в нашей беседе. Особо рассматривался вопрос о позиции, которую занимала армия. В это время она выступала против трудящихся, открыв огонь по тем, кто в промышленности решительно вел борьбу с саботажниками, подрывавшими основу существующего правительства. Все это Альянде знал. Он рассказал нам о переговорах, которые он вел с главнокомандующим армией Аугусто Пиночетом, который якобы заверил Альянде в том, что его тоже волнует этот вопрос и что он отдал приказ о выводе войск с занятых ими предприятий. Летельер подтвердил сказанное.

— Говорят, что военный флот отказывается покидать Вальпараисо? — спросили мы. На что Летельер ответил:

— Флот выйдет в море на учения, как это запланировано.

Каждый журналист, присутствовавший на встрече, мог привести десятки случаев, касающихся возмутительного поведения офицеров, которые не выполняют приказы, не предпринимают никаких попыток для подавления забастовок саботажников, а наоборот, поворачивают оружие против рабочих, борющихся с беспорядками.

— Все это я знаю, — ответил Альянде, — и поэтому я хочу попросить вас о том, чтобы вы очень осторожно освещали эти вопросы. Пусть ни одно слово в ваших газетах через радио или телевидение не подвергнет сомнению патриотизм наших вооруженных сил. Да, действительно, определенные слои войск вызывают сомнения, но тем не менее они должны доказать свою любовь к Родине. Они так же хорошо, как и я, понимают, что защита Родины — это не абстрактное понятие. Национальный суверенитет может быть гарантирован только экономической независимостью, за которую мы и боремся сейчас.

— Министр Летельер, будет ли военный парад?

— Да. Хотя имели место некоторые трудности, но они уже преодолены. В понедельник в 16.00 мы объявим об этом на пресс-конференции в министерстве обороны, на которой будут присутствовать представители всех родов войск. Вам будут посланы приглашения.

— Не могли бы вы назвать те трудности, которые пришлось преодолеть?

— Нет.

Альенде поблагодарил нас, поднялся и направился в свой кабинет — большую, затененную красным занавесом комнату, стены которой отделаны красно-зелеными покрытиями. Посреди кабинета стоял стол с установленными на нем микрофонами. На стене висел текст Декларации независимости Чили, который через четыре дня будет гореть во время бомбардировки Ла Моне-ды. Альенде будет убит в своем кабинете. Многие из тех, кто принимал участие в этой конференции, тоже будут убиты. Другие подвергнутся арестам. Третьи будут вынуждены искать политического убежища в посольствах разных стран. А генерал Пиночет, в патриотизм и верность конституции которого до самого начала трагических событий верил Альенде, отдаст приказ о наступлении и лично возглавит военно-фашистскую хунту, принесшую столько страданий Чили... Но прежде чем отдать приказ о наступлении, он еще раз заверит в преданности своего вышестоящего начальника, Президента Республики...

В лагерь Трес Аламос мы приехали около полуночи. Нас разделили на несколько групп и развели по разным баракам. В числе 13 заключенных, «которые нас особо интересуют», как выразился капитан карабинеров, меня направили в барак, где до этого содержали женщин. Там мы должны были жить с более чем 200 заключенными, схваченными в последние месяцы и недели.

Мы вспоминали Ритоке, наших товарищей и надпись, сделанную на стене рукой какого-то солдата, который сочувствовал нам.

«Верьте нам, товарищи. Среди нас у вас есть друзья». И подпись: ко-ли-ми, которая, читаемая наоборот, означала «ми-ли-ко», то есть солдат.

В МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГОД ЖЕНЩИНЫ

В воскресенье, 7 сентября 1975 года, рейсовый «Боинг», вылетевший из Буэнос-Айреса, точно по расписанию приземлился в международном аэропорту Чили «Пудауэль». Здесь на его борт должны были сесть в течение 30 минут сто пассажиров из так называемой «специальной группы чилийцев», летящих прямым рейсом в Панаму.

Мы, входившие в эту группу, курили, ожидая разрешения на посадку в просторном зале со стеклянными дверями, охраняемом карабинерами в касках и с автоматами. Убивая время, бегали в туалет, сверкавший белизной стерилизованных писсуаров, разминали новые полуботинки, два года пролежавшие ненадеванными, оттягивали пальцами воротнички сорочек, перехваченные галстуками. Неуверенно ступали по сверкающим плитам пола, отражавшим льющий сквозь стеклянный потолок свет.

Выутюженные пиджаки, безукоризненные складки на брюках людей, сидящих в салоне с теплым кондиционированным воздухом, — все это возвращало нас к далеким временам. В этих побритых и причесанных людях, чьи отражения мелькали в зеркалах, мы с трудом узнавали себя и наших товарищей, еще вчера обросших и оборванных обитателей концлагеря Трес Аламос. Но это были мы. Исключенные из нормальной жизни на 716 дней, мы снова возвращались в нее. Пять с половиной часов полета, и мы обречем свободу на земле, готовой гостеприимно распахнуть нам свои двери...

С той весенней майской ночи, когда нас вывезли из Ритоке и присоединили к сотне заключенных из других концлагерей и тюрем, подобно нам отправляемых в Панаму, минуло три месяца. Прошедшую зиму 1975 года мы провели в бараках концлагеря Трес Аламос в маленьких камерах по 12—15 человек в каждой.

Наше освобождение было результатом договоренности между хунтой и международными организациями об уточнении числа изгоняемых из страны за «нарушение осадного положения». Кроме этой категории людей, высылке подлежали также осужденные различными военными и гражданскими судами (тюремное за-

ключение заменялось высылкой). Однако в процессе достижения договоренности основным являлся вопрос о заключенных без суда и без предъявления обвинений.

Многие правительства Америки и Европы были готовы принять высылаемых, но хотели знать их число. В 1974 году хунта заявила, что таких лиц больше ста, но затем продолжала увеличивать эту цифру. К моменту, когда нас перевели в Ритоке, речь шла уже о трех тысячах восьмистах человек. Но и эта цифра не была окончательной.

Возмущение мирового общественного мнения заставило правительство Пиночета приостановить массовую высылку. Но, тем не менее, мы и десятки других товарищей должны были покинуть Чили.

В июне-июле большую группу заключенных перевезли из концлагеря Трес Аламос в Ритоке и Мелинку. Женщин, находившихся в бараке номер 1, перевезли в Пирке, бывшее во время правительства Народного единства местом отдыха рабочих и служащих национализированной компании «Сокимич», занимавшейся добычей селитры. В этом женском концлагере находилось около 200 женщин, задержанных за нарушение осадного положения, среди них 5 матерей с грудными детьми. Эти дети родились здесь, в концлагере...

Как-то однажды, еще до отъезда из Трес Аламоса, нас выгнали из нашего барака, поселив в другом. Ограждение вокруг опустевших помещений убрали. Нам велели окрасить стены, починить четыре уборные. Кроме того, было разрешено заниматься кустарными поделками. Охранники стали мягче обращаться с нами. «В чем причина таких перемен?» — спрашивали мы себя. Объяснялось все просто: в это время в Чили должна была приехать комиссия ООН с целью изучить на месте соблюдение прав человека. Помещение Куатро Аламос, бывший склад боеприпасов, было отремонтировано и прибрано. Орудия пыток спрятаны. Здание превратили в перевалочный пункт для заключенных без права общения. Здесь были установлены койки, несколько письменных столов и даже телефон.

Муниципальные садовники из заключенных обрезали деревья и посеяли вокруг блоков траву и цветы. Ежедневное фасоле-чечевично-гороховое меню стало разнообразиться раз в неделю тарелкой бульона из конины. Были разрешены даже занятия спортом.

Как и следовало ожидать, после выступления Пиночета, в котором он отказывал Комиссии ООН в разрешении на въезд в страну для инспекции концлагерей, всем послаблениям пришел конец. Улыбки исчезли с лиц «22-го» и «Ворона» — унтер-офицеров, помощников майора Пачеко. Они даже опередили его в использовании некоторых забористых эпитетов — он их выложил нам

только на следующий день. Кончились занятия спортом. Исчез бульон из конины. Перестали выдавать тряпки и веники для приборки помещений. Начались задержки со свиданиями. Свет стали отключать в 23 часа. Конфисковали электробритвы и радиоприемники. Продавцу газет запретили появляться в лагере. Были возобновлены наказания. За опоздание в строй, за то, что заключенный недостаточно громко назвал свой порядковый номер или слишком громко, — неделю без свиданий, две недели!

Десять, пятнадцать наказанных в день. Если ты отказался подобрать окурки, которые охранник бросает с вышки, тебя избьют, дадут четыре дня карцера и лишат на месяц свиданий. Никаких спектаклей, никаких учебных курсов, никаких песен! Это вам не дом отдыха! Мы вам покажем, что такое концлагерь, убудки!

Появился начальник лагеря, сопровождаемый десятью охранниками.

— Никакого совета старейшин, я его распускаю! — заявил Пачеко. — Весь лагерь лишается посещения на целую неделю. И жалуйтесь хоть господу богу!

До этого момента мы сами соблюдали строгий порядок, назначая очередников в команду уборщиков. Это избавляло некоторых товарищей от придирок Пачеко. Теперь же, заявили мы коменданту, дежурных назначаете вы. Нас вы можете принудить работать, да и то только на уборке. Никто из нас не будет работать в кухне. Эта работа ваша, за нее вам платят.

— Эти трое — на кухню! Отказываетесь? Все трое? Все в карцер!

Ко всему, что нам приходилось испытывать в концлагере, прибавлялась боль за наших товарищей. В эти дни в газетах появился список 119 чилийцев, погибших, как сообщила хунта, в результате вооруженных столкновений в различных странах и многие из них — в Аргентине. Мы знали, что это ложь, что они убиты в камерах пыток. Их держали вместе с нами в Куатро Аламосе. Училище ВВС, Вилья Гримальди, Чакабуко. Вооруженные охранники уводили их на допрос, после которого многие из них оказывались в других лагерях, а многие исчезали навсегда.

Список был опубликован частями. Несколько имен появилось в одном из номеров журнала, издаваемого бывшим министром социального обеспечения Аргентины, шефом ААА (Аргентинского антикоммунистического альянса) Лопесом Реги. Имена других — в совершенно неизвестной провинциальной бразильской газете.

Лопес Реги со своей ААА имел тесные контакты с полицейской и разведывательной службами Аргентины, а также с Пиночетом и с его разведкой ДИНА. Они договорились в свое время об убийстве в Буэнос-Айресе генерала Пратса и его жены. Рас-

пространя версию о смерти в Аргентине 119 чилийцев, Лопес Реги протягивал руку помощи своему другу Пиночету.

К горечи невозвратимых потерь примешивалось еще и чувство гнева, вызванного двумя недавними визитами. Однажды утром в лагерь приехал Перес де Арсе, редактор фашистской газеты «Аора», бывший депутат от Национальной партии, а вечером того же дня прибыл Пабло Родригес, адвокат, один из штатских руководителей переворота 11 сентября и последующей фашизации Чили, главарь реакционной организации «Патриа и либертад». Будучи, кроме всего прочего, адвокатом ДИНА, этот субъект в статье, опубликованной в газете «Ла Терсера», потребовал физического уничтожения всех заключенных Чили.

Мы опасались, что нас в ближайшие дни навестит еще кто-нибудь вроде таких мракобесов, как Онофре Харпа или Серхио Диаса, составителя всех речей для адмирала Карвахала. Тогда никто не смог бы сдержатъ взрыва ярости заключенных. Могло бы произойти столкновение, которого хотела и ждала охрана лагеря для того, чтобы устроить кровавую бойню.

Мы решились на следующий шаг — написать письмо на имя министра внутренних дел обо всем том, что доводило нас до отчаяния. Сознывая полную бесполезность письма, мы исходили из того, что в будущем оно будет еще одним обвинительным документом против фашизма. В письме говорилось, что никто нам не гарантировал и не гарантирует сейчас, что остальных заключенных не постигнет судьба наших 119 товарищей. Ведь правительство даже и не опубликовало официального списка заключенных с указанием мест, где они содержатся. Убитых выдают за погибших в столкновениях. А ведь этих мужчин, женщин замучили в камерах пыток. Мы знаем это доподлинно. В письме мы предупредили, что хунта будет нести за все, что может случиться, ответственность, если нас посетит какой-нибудь Пабло Родригес, Харпа или Гонсалес Видела. В этом письме мы также подробно в деталях описали, как обращаются с нами в концлагере Трес Аламос.

На следующей неделе письмо было возвращено, как «неподлежащее пересылке». Мы послали его снова. По тому, что были сняты некоторые ограничения, вернулась аномальная нормальность, наказанные вышли из карцеров, снова были разрешены свидания, прекратились изъятия из передач и были получены предметы личной гигиены, можно было понять, что письмо до кого-то дошло. Правда, совет старейшин был по-прежнему запрещен. Но мы использовали в качестве посредника между начальством и заключенными подсаженного к нам агента ДИНА. Этот довольно своеобразный способ ведения диалога был достаточно эффективен для решения наших простых, чисто бытовых проблем.

С воли тоже стали приходить радостные известия. Под предлогом обсуждения на национальном уровне нового Кодекса труда, который хунта хотела навязать чилийскому народу, в газетах начали появляться различные статьи. Предприниматели единственные, кто имел право голоса и право решать вопросы, выступали с поддержкой существующего порядка, ибо при нем они могли свободно выражать свое мнение. Но трудящиеся также нашли способ выступить с обсуждением этого Кодекса.

С этой целью в театре «Кауполикан» состоялось собрание, на котором присутствовали рабочие-строители. Здесь собрались пять тысяч человек, чтобы выслушать своих руководителей. Выступил председатель Национальной федерации рабочих-строителей Эктор Куэвас.

Проанализировав постатейно проект Кодекса, он доказал, что в нем представлены исключительно интересы предпринимателей. Он призвал правительство выслушать рабочих, которым есть что сказать, и изложил некоторые предложения.

Радиостанция христианско-демократической партии «Бальмасада» транслировала часть этого митинга и, прежде чем была закрыта, передала выдержки из выступления Куэваса.

В лагере знали обо всем этом, Куэвас должен был составить нам компанию. И спустя месяц после выступления улыбающийся Куэвас появился в Трес Аламосе. Его поместили в барак номер один, где мы с ним и встретились. Ему было предъявлено обвинение в нарушении закона об осадном положении, а также в том, что он был агентом Москвы.

— Пусть они идут со своими обвинениями куда подальше, — говорил он нам. — Меня отсюда освободят рабочие. Рабочие же покончат с узурпаторами. Вот увидите, так и будет.

Изолированные от мира, мы тем не менее узнали, что в день двухлетия со дня смерти Пабло Неруды на центральном кладбище около его могилы собралось много народу. Люди принесли цветы. Люди пели. Среди пришедших почтить память поэта, лауреата Нобелевской премии, были произведены аресты, трое юношей брошены в тюрьму.

Каждый день прибывало огромное количество арестованных. С Ближнего Севера был доставлен в лагерь Росендо Рохас, бывший губернатор провинции Кокимбо, арестованный 11 сентября 1973 года, которого целый год продержали в темной камере, полной крыс. Он также был включен в группу высылаемых в Панаму. Среди заключенных находился и мой брат Эктор, рабочий-строитель.

Нас поразило, что среди новых заключенных были и представители христианско-демократической партии. Шестеро из них были схвачены в провинции Кокимбо, другие шесть — в Талке, двадцать — в Национальном университете Чили, восемь — в Пад-

рз Уртадо. Всех их поместили в наш барак, еще одну такую же группу — в соседний, а третью — в Куатро Аламос.

Сразу же после переворота они заняли посты, оставшиеся вакантными в силу того, что представители Народного единства были убиты, высланы или находились в заключении. А сейчас они, не зная за что, должны были пройти через все испытанное нами.

То, что мы находились вместе в концлагере, позволило нам ближе узнать друг друга, породило обоюдное доверие. Менее подготовленные, они нуждались в нашей поддержке, и мы охотнее ее оказывали...

За неделю перед тем, как выехать в Панаму, нам зачитали своего рода инструкцию:

— за два дня до отправки ваши родственники должны передать вам чемоданы с одеждой, которые нам надлежит проверить и опечатать;

— вы пройдете таможенный досмотр, который будет проведен карабинерами, имеющими на это право согласно соответствующим указаниям;

— вам будет разрешено свидание с родственниками в день отъезда. Другим заключенным запрещается свидание в этот день;

— родственникам будет запрещено проводить вас;

— вас вывезут из лагеря в наших автобусах под надзором охраны прямо к трапу самолета.

Нас сфотографировали анфас и в профиль на темном и белом фоне, с номером и без него. Сняли отпечатки всех пальцев. Затем направили к зубному врачу, который спросил, не нужно ли кому-либо из нас удалить зуб — единственное, что он мог сделать. Следующий врач провел беглый осмотр и выдал каждому справку о прекрасном состоянии здоровья.

В субботу наш багаж был осмотрен и опечатан. На другой день, с раннего утра, у ворот Трес Аламоса родственники ожидали свидания со своими мужьями, детьми, отцами и братьями. После обеда они пришли снова. Мы вместе с ними были глубоко опечалены расставанием. На глазах у многих были слезы, которые до этого удавалось сдерживать. Да, они тоже будут отправлены, но когда?

В пять часов вечера «22-й» и «Ворон» еще раз напомнили нам: «Никаких прощаний. Вы уже распрощались здесь. Никаких песен, выкриков. Тот, кто нарушит порядок, будет возвращен в концлагерь и посажен в карцер. Запомните, это не пустые слова, мы возвращали людей из аэропорта».

Они говорили жестокую правду. Из группы, которая высылалась в Мексику, один был возвращен в концлагерь за то, что во время перевозки на аэродром он резко осудил хунту, вы-

сылающую столько людей. У него отобрали паспорт и возвратили в Трес Аламос, где он находится и по сей день. Да, они приводили в исполнение свои угрозы.

За четыре дня до отъезда нас посадили в автобусы и повезли в Сантьяго, на международный медицинский пункт на улице Монхитас, где нам сделали необходимые прививки. Мы должны были спокойно сидеть в автобусах, не переговариваться друг с другом и не смотреть на прохожих. Автобусы остановились у самой двери. Несколько карабинеров перекрыли движение. Краем глаза мы смотрели на прохожих, которые наблюдали за тем, как нас под конвоем провожали на пункт и как затем мы возвращались с сертификатами о прививках. Карабинеры разгоняли прохожих, но те продолжали наблюдать за нами. Появился репортер Рохитас из газеты «Меркурио» и стал снимать все происходящее.

— Взять его немедленно, — закричал «Ворон».

Три карабинера схватили его и бросили к нам в автобус.

Какой-то прохожий узнал в одном из заключенных своего знакомого и помахал ему рукой. — Этот подает сигналы, взять его! — приказал «Ворон». Схваченный был брошен к нам в автобус. Выяснилось, что это — студент, недавно выпущенный из городской тюрьмы, где он и познакомился с заключенным, которого только что приветствовал. Его отправили в Куатро Аламос. Когда мы уезжали, он находился еще там.

Несмотря на кажущуюся нормальность пассажиров этих автобусов, прохожие сразу же определили, что это были заключенные. Это поняли и рабочие, строившие неподалеку здание. Они наблюдали за нами, стоя на балконах. Когда автобусы отъезжали, они подняли руки со сжатыми кулаками.

В воскресенье, в шесть часов вечера, нас вновь построили. И еще раз предупредили оставшихся в концлагере заключенных о том, что им запрещено провожать нас. Но товарищи громко и решительно запели «Гимн радости». В последний раз мы прошли через железные ворота концлагеря, строго чеканя шаг.

Наши опечаленные друзья, с которыми мы делили все тяготы и невзгоды, хриплыми от волнения голосами пели такие знакомые и такие волнующие слова. Они стояли в трех шагах от нас за колючей проволокой.

Вытряхиваем все из ручной клади. Нас и наши вещи тщательно проверяют. У ворот автобусы, несколько автомобилей представителей СИМЕ, Международного Красного Креста, посольства Панамы. Тут же охранники. А с территории лагеря раздается мощный хор наших товарищей, провожавших нас песней, несмотря на вероятное наказание, которое их ожидает.

Двор, вымощенный булыжником, где мы встречались с нашими родственниками, где мы мечтали о свободе, сейчас пуст.

Он чисто подметен заключенными. Здесь нам вручают документы: паспорта, сертификаты о прививках, медицинские свидетельства.

Пачеко, комендант лагеря, готовится произнести известной окраски речь, как он всегда это делает перед отбывающими. Но его, конечно, смущает присутствие представителей международных организаций. Он дважды проверяет список, а затем приказывает рассадить нас по машинам.

— Слушайте, братья, Песню радости,— поют нам остающиеся в двух бараках. Опускается солнце, холодный ветер шелестит ветками деревьев, порхают воробьи.—... И радостная песнь ждущего новый день.

Шесть заключенных приносят наши чемоданы и грузят их в грузовик. Наши друзья, наши братья! Они грустят вместе с нами, потому что мы вынуждены покинуть родину, и радуются, потому что нам удалось вырваться из этого ада. Они из христианско-демократической партии. Глазами мы просим у них прощения за то, что они должны делать для нас эту работу — нести вещи. Они ободряюще нам улыбаются. Все шестеро, согнувшись под тяжестью чемоданов, приближаясь к нам, шевелят губами в такт с хором голосов, доносящихся из бараков. И все мы, отъезжающие, молча поем песню будущего, Песню радости:

«Когда все люди станут братьями».

Но вот заведены моторы, автобусы трогаются. Уже совсем темно. Впереди две полицейские машины с сиренами и прожекторами. Затем автобусы с нами, потом — машины представителей международных организаций и посольства Панамы, которые можно воспринимать как гарантию того, что мы направляемся в аэропорт. Замыкают колонну, движущуюся по ночному Сантьяго, еще две полицейские машины.

Вот мы уже проезжаем по проспекту Департаменталь. Несколько десятков женщин, несмотря ни на какие запреты, машут белыми платками и что-то кричат нам, но мы не слышим. Они подпрыгивают, пытаются разглядеть нас, но скоро исчезают за поворотом. Нам трудно определить, с какой скоростью движутся автобусы, может, быстро, может, медленно. За время, проведенное в концлагерях, мы отвыкли передвигаться на дальние расстояния. Двенадцать метров внутреннего двора Трес Аламоса — вот и все. Сильнее становится желание заплакать, зарыдать.

Проезжаем по Гран Авенида и выезжаем на Южную Панамериканскую дорогу. Здесь нас снова встречает группа женщин. Как они узнали маршрут, по которому мы должны были проехать? Может, они нас ожидают на всех других улицах, а также у входа в аэропорт? Эта группа намного больше — в ней около двухсот человек. Они вытянулись в линию, занимающую полквартала по обеим сторонам улицы. Шум нарастает и спадает.

Их много. Размахивают платками, цветами. Губы их двигаются.

Это не наши жены — наши пробыли в Трес Аламосе до пяти и ушли плача. Некоторые из незнакомых нам женщин наверняка были в первой группе, встретившей нас на авениде Департамента. Но сколько их сейчас! Дорогие наши подруги! Вы олицетворяете нашу родину! В вас мы видим ее настоящее отношение к нам! Нас изгоняет из страны кучка фашистов, захвативших власть. Но вы пришли, чтобы показать нам, что не они, фашисты, наша настоящая родина, а вы и мы.

— Мы, угнетенное большинство, снова сделаем Чили независимой и свободной.

Сколько самопожертвования и постоянства, сколько скитаний по концлагерям и больницам. Но это еще не все... Вы возглавили очаг, воспитывали наших детей. И ничто не сломало вас, ничто не поколебало ваш дух. Что сделать, чтобы быть достойными вашей уверенности и надежд, вашей доброты и мужества!

Вам пришлось труднее, чем нам, но вы выстояли. Более того, ваша сердечность, доброта и стойкость помогали нам выдержать ужасы концлагерей, поддерживали нашу веру в лучшее будущее. Если бы не вы, прошедшие с нами через все испытания, мы бы зачерствели и огрубели, потеряли бы себя.

Сидящий рядом со мной товарищ, крестьянин из Мауле, рыдает, обхватив голову руками.

Среди нас, отправляемых в Панаму, есть несколько женщин. Им пришлось перенести много больше, чем нам. Над ними зверски издевались. Те, кто прошел через лагерь Пирке, пережили за несколько месяцев столько, сколько невозможно пережить за век...

Самую хрупкую из них арестовали в июле прошлого года только за то, что она была секретарем Луиса Корвалана в Конгрессе. Завязав глаза, ее доставили в Училище ВВС, где в течение нескольких дней держали стоя без сна и пищи. Затем пытки током на металлической решетке. Раздели и грубо издевались. Электроток к небу и соскам груди. Удары по ушам. Оскорбления — коммунистическая потаскуха, дрянь! Одиночная камера. Снова стояние в коридоре. Крики и стоны рядом. Повязка не позволяет видеть стонущего. По голосу она узнает Альфонсо Карренью. Захлебываясь, он падает мертвым рядом с ней, его кровь струится, пузырятся, по ее ногам. Слух, обострившийся из-за того, что ее все время держат с завязанными глазами, доносит до сознания происходящее рядом. Труп забитого ногами Карренью грузят на тележку и увозят из коридора. Начальник училища, Себальос, выговаривает охранникам: болваны, переусердствовали!

В тот же день рядом с ней оказывается другой знакомый ей товарищ — Лунс Баеса. Он стонет и охает. Его увозят. Больше она

его не видела и ничего о нем не слышала. Баеса — один из тех, исчезнувших бесследно, о чьей смерти хунта не объявляет.

И снова она на решетке. Снова избиения и истязания электрическим током ее молодого тела. Она теряет сознание и приходит в себя в какой-то закрытой мрачной комнате. Одна. Беззащитная пленница озверевших. Открывается дверь.

— Сними блузку! Повязку с глаз не снимать! Сними юбку!

Слышит, как капает вода из плохо привернутого крана. С каким удовольствием и наслаждением она бы сейчас смыла грязь со своего тела. Может, ей позволят умыться?

— Сними бюстгальтер,— приказывают ей. Она слышит, как у ее виска щелкнул предохранитель пистолета. С нее срывают остатки одежды.

— Стреляйте, сволочи, трусы, негодяи!— кричит она скорчившись, пытаясь прикрыть свою наготу.

Похотливые скоты изощренно издеваются над ней...

Вот оно, Училище ВВС Чили! Верные ученики генерала Ли! Слава храбрым солдатам! Благодарим капитана Себальоса, начальника училища, за героизм и мужество отборных кадров! Вам нельзя было не убить Альенде! И генерала Бачелета тоже! Надо было ликвидировать честных руководителей ВВС и открыть дорогу дегенератам. За измену родине мы желаем вам самой страшной кары, но мы не хотим, чтобы с вашими дочерьми когда-либо произошло то, что случилось с молодыми коммунистками в руках ваших подчиненных. Мы имеем в виду то, что случилось и случается в подвалах училища по вашему приказу. Мы помним об этом. Об этом знают все чилийцы. Мы учитываем ваше скотское обращение с узниками для будущего публичного суда, который будет учинен над вами, если вы до этого не пустите себе пулю в лоб, чтобы избежать народного возмездия. Вы заплатите за каждое преступление, но никогда мы не позволим себе надругаться над вашими женами и дочерьми...

За неделю до выезда в Панаму из концлагеря Пирке привезли женщин, которых тоже изгоняли из страны. Попытки над секретарем Корвалана продолжались до самого ее выезда.

Ярость палачей вызвала невозможность вытянуть из нее что-либо, что могло бы послужить обвинением против Луиса Корвалана. И снова изощренные издевательства.

За неделю до высылки ее заперли в одну из камер Куатро Аламаса. На рассвете следующего дня к ней в камеру вошел охранник, завязал узнице глаза. По шагам она определила, что в камере появились еще несколько человек. Она услышала, как запирают дверь.

— Пусть тебя защищает твой Корвалан!

С нее сорвали одежду, изнасиловали. Удовлетворив похоть, они ушли, пригрозив, как всегда делали в подобных случаях:

— Проболтаешься, расплачиваться будет семья!

Среди голосов насильников она узнала один. Он принадлежал Конрадо Пачеко, подполковнику корпуса карабинеров, начальнику лагеря Трес Аламос.

Да, да, карабинеры и ДИНА. Этого не можете не знать вы, генерал Мендоса, командующий карабинерами, и вы, генерал Пиночет, шеф ДИНА. Вам уже пора искать оправдания. Ваши приспешники только выполняют точные приказы. Это ведь не эксцессы первых кровавых дней, когда солдатня была распоясана как в оккупированной стране. Уже прошло два года. Два года диктатуры. Девушка осталась незапятнанной. А вот вы в грязи. Ваши подчиненные должны знать об этом, чтобы иметь ясное представление о своем начальстве. Чтобы поразмыслить и поступить должным образом...

Карабинеры сопровождали нас до самых дверей самолета.

Покидая зал ожидания, для того чтобы сесть в автобусы, доставившие нас к самолету, мы услышали песни и громкие крики, которые доносились с террасы здания аэропорта Падауэль. Несколько сот женщин размахивали платками и вопреки строгим запретам выкрикивали нам слова прощания.

Среди нас не было «особо важных лиц», как об этом говорила газета «Эль Меркурио». Только рабочие, шахтеры, металлурги, несколько учителей, крестьяне, строители, студенты, один врач и один журналист. И эта третья группа женщин просто передавала нам тепло родной земли, сожалея о нашем отъезде.

Вот они облепили террасу, размахивают маленькими национальными флажками, прижавшись к перилам.

Родина, несмотря на ужасы, которые ты переживаешь, мы увозим тебя в наших сердцах!

* * *

Когда разрушены основания, что сделает праведник?
Библия. Псалом 11, стих 3.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Одиннадцатое сентября	7
II. «Снайперы»	16
III. «Тот, кто не скачет»	24
IV. «Принц»	32
V. «...в день, когда меня не станет, мое место займешь ты...»	38
VI. «Встань рядом!»	46
VII. «Прелюдия до-диез»	50
VIII. «Экзамены»	59
IX. «Свобода»	71
X. «Переброска»	80
XI. «С прибытием»	87
XII. Ночи в Чакабуко	92
XIII. Будет ли «потом»?	97
XIV. Почему? Почему?	108
XV. Окраина империализма	119
XVI. «В ногу»	125
XVII. «Памятник»	129
XVIII. Мелинка	136
XIX. «Золотое яйцо»	145
XX. Ритоке	158
XXI. «...Когда люди снова станут братьями»	170
XXII. В Международный год женщины	180

Р. Карраско

«ВОЕННОПЛЕННЫЕ» В ЧИЛИ

Редактор *А. Золотарев*

Переводчики: *Е. Кедрова, А. Злобин (I—XI), В. Капанадзе (XII, XIII),
В. Бужинский, И. Бужинская (XIV—XVII), И. Кумарьян (XVIII—XXII)*

Художественный редактор *В. Блинов*

Корректор *Л. Малышева*

Технический редактор *В. Фролова*

Технолог *Л. Тумакова*

Сдано в набор 12 7 1977 г. Подписано в печать 30.9 1977 г.
Формат 60×84^{1/16}. Объем 12,0 печ. л., 11,16 усл. л., 11,71 уч.-изд. л.
Тираж 150 000 экз. Заказ № 5462. Изд. № 4181. Цена 50 коп.

Типография издательства «Горьковская правда», г. Горький, ул. Фигнер, 32.

Цена 50 коп.

